

С. А. СТЕГАРЬ

ДИПЛОМАТИЯ
ФРАНЦИИ
ПЕРЕД
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНОЙ

С. А. СТЕГАРЬ

ДИПЛОМАТИЯ
ФРАНЦИИ
ПЕРЕД
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНОЙ

Москва

“Международные отношения”

1980

ББК 66.4(4Фр)
С79

*Печатается по рекомендации сектора
новой истории капиталистических стран Европы
Института всеобщей истории АН СССР*

Стегарь С. А.

С79 Дипломатия Франции перед второй мировой войной. — М.: Междунар. отношения, 1980. — 280 с.

В монографии исследуется предвоенная внешняя политика Франции с привлечением новых документов. Характеризуются внутренние и внешние условия формирования мюнхенской политики, в основе которой лежали антинациональные тенденции, антикоммунизм и антисоветизм влиятельных кругов монополистического капитала.

Подчеркивается, что альтернативой этому курсу являлась политика коллективной безопасности и защиты мира, за которую выступали демократические слои французского народа во главе с Коммунистической партией.

С $\frac{11105-019}{003(01)-80}$ 10-80 0804000000

ББК 66.4(4Фр)
327.21

ВВЕДЕНИЕ

В середине 30-х годов XX в. Франция оказалась в состоянии глубокого социально-экономического и политического тупика, в который завел страну монополистический капитал. Экономические кризисы 1930—1935 и 1937—1938 годов самым губительным образом сказывались на положении Франции и трудовых слоев ее народа. С каждым годом слабела ее экономическая и военная мощь, расшатывались европейские и международные позиции. Кризис охватил государственный и политический строй Третьей республики: буржуазную парламентскую систему и правительственные институты. В массе своей господствующий класс — буржуазия, особенно крупная, все более правела, и его конфликт с трудящимися классами достиг большой остроты. Борясь за высокий уровень прибылей и сохранение своих классовых привилегий, крупная буржуазия и ее представители в правящей верхушке страны перекладывали трудности кризиса на рабочих, крестьян, средние городские слои, сокращая заработную плату, увеличивая налоги, ухудшая условия труда и жизни. Росло и ширилось недовольство трудящихся предательской политикой капиталистических монополий. Влиятельная реакционная буржуазия, стремясь сохранить свое господство, повела решительное наступление на демократические свободы и политические права трудящихся. В феврале 1934 года она попыталась с помощью фашистских лиг совершить государственный переворот и установить фашистскую диктатуру. Рабочий класс при поддержке всех антифашистов сорвал эту попытку. В ответ на замыслы и действия фашистов по призыву Коммунистической партии стал складываться единый антифашистский фронт.

Внутренние трудности и противоречия во Франции обострялись под воздействием международного положения страны. Усиливалась угроза ее безопасности со стороны фашистской Германии, руководство которой вынашивало планы уничтожения французской нации и ее государственности. Германия, лихорадочно готовясь к войне, обгоняла Францию по росту промышленности, особенно военной, и

по другим показателям. В марте 1935 года правительство Германии заявило о непризнании военных статей Версальского договора, в марте 1936 года расторгло Локарнские соглашения, оккупировало Рейнскую демилитаризованную зону и вывело свои войска непосредственно к границам Франции. Германия усиливала давление на восточноевропейских союзников Франции и ее соседей на западе. В качестве ближайшей цели гитлеровская дипломатия стремилась добиться полной изоляции Франции: расторгнуть ее союз с СССР, развалить Малую Антанту, вовлечь Польшу в орбиту своей политики. Гитлер искал «взаимопонимания» и союза с фашистской Италией. Одновременно, рассчитывая на благосклонное отношение английских консерваторов к фашистскому режиму в Германии, Гитлер стал добиваться разрыва англо-французского «союза». Что касается английских реакционных политиков, то они охотно вели с Гитлером сложную и опасную политическую игру, попустительствуя и поощряя милитаризацию Германии (англо-германское морское соглашение 18 июня 1935 г.), что било по интересам французской безопасности. Консервативная Англия, встав на путь «умиротворения» фашистских агрессоров, стремилась заставить Францию идти тем же путем. Немалый вред причиняла и американская политика франко-германского «примирения», рассчитанная фактически на капитуляцию Франции перед Гитлером. Правительство США, используя задолженность Франции, образовавшуюся во время первой мировой войны, систематически оказывало давление на нее, что еще больше обостряло и без того довольно критическое положение ее экономики и финансов.

Внутреннее и внешнее положение Франции настоятельно требовало перемен. Широкие массы французского народа все более понимали необходимость осуществления демократических преобразований в экономике, в социальных отношениях, во внутренней и внешней политике страны. В такой обстановке в 1935 году по инициативе ФКП возник Народный фронт и предложил программу демократического управления хозяйством, гарантирования демократических свобод, повышения жизненного уровня рабочих, крестьян и городских средних слоев. Народный фронт отверг реакционную, профашистскую внешнюю политику правительств П.-Э. Фландена и П. Лаваля. В целях укрепления безопасности Франции он предложил проводить демократическую и независимую внешнюю политику, отвечающую национальным интересам народа, основывающуюся на союзном договоре с СССР, заключенном 2 мая 1935 г., на укреплении союзных связей Франции с ее европейскими союзниками и друзьями, на организации эффективной коллективной безопасности, активной и последовательной борьбе с агрессией, в защиту мира. Во имя этих целей французские народные массы весной 1936 года на парла-

ментских выборах отдали свои голоса Народному фронту, получившему большинство депутатских мест в парламенте. Отныне перед Францией открывались путь внутреннего демократического обновления и ясная перспектива ее тесного сотрудничества в семье миролюбивых народов на благо мира и безопасности.

Но на пути осуществления внутренней и внешней политики, начертанной программой Народного фронта, внутри страны и за ее пределами встали французская монополистическая реакционная буржуазия, в особенности ее крайне реакционное крыло, ненавидевшее СССР и боготворившее Гитлера и Муссолини, английские консерваторы и американские банкиры, германские нацисты и итальянские фашисты. Эта враждебная социальному прогрессу и делу мира своеобразная коалиция стала зажимать в тиски Францию Народного фронта, добиваясь ее капитуляции перед капиталистическими монополиями и фашизмом. Единоборство сил прогресса и мира, с одной стороны, реакции и фашизма — с другой, явилось главной чертой внутренней жизни Франции предвоенных лет и решающим образом сказалось на ее внешней политике и дипломатии накануне второй мировой войны.

Верх взяли реакционные силы, и во внешней политике Франции возобладал антинациональный и предательский курс, сыгравший роковую роль в судьбах Третьей французской республики и европейского мира.

Предвоенная французская внешняя политика подвергается фальсификации буржуазными авторами по многим направлениям.

Прежде всего пытались «обелить» эту политику ее творцы и авторы. Так, Л. Блюм в своих трудах и выступлениях утверждал, что «англо-французская антанта», которую он провозгласил «краеугольным камнем» внешней политики своего правительства, служила якобы делу мира, что «невмешательство» в испанские события предотвратило в августе 1936 года возникновение общеевропейской войны, что его переговоры в 1936—1937 годах с представителями фашистского правительства Германии (Я. Шахтом и др.) имели своей целью «общеевропейское урегулирование»¹. А Мюнхен Блюм пытался выдать за соглашение о «всеобщем и почетном мире, заключенном на длительный период»².

Грубейшей фальсификации предвоенная политика Франции подвергается в мемуарах и исследованиях бывшего французского министра иностранных дел Ж. Боннэ. Он пытается оправдать капитуляцию Франции перед фашистской Германией тем, что Франции якобы приходилось противостоять Гитлеру одной, без достаточной

¹ См. L'œuvres de Léon Blum. P., 1955, p. 205—245.

² Ibid., p. 205.

помощи и поддержки ее друзей и союзников. Обыгрывая выдуманное им же «одиночество» Франции, Боннэ утверждал, что, если бы не последовало мюнхенского компромисса, рейх развязал бы войну в сентябре 1938 года и что «Франция тогда уже была бы разбита и оккупирована»¹. В другой книге своих мемуаров Боннэ утверждал, что «Чехословакия в 1938 году ни в какой мере не могла рассчитывать на помощь СССР»². В переизданном в 1967 году втором томе мемуаров, как и в своем исследовании «Кэ д'Орсе при трех республиках», он пытался доказать, что в 1933—1936 годах для Франции были упущены возможности оказать действенное сопротивление рейху, а в последующее время ей оставалось только искать компромисса с ним; мюнхенское соглашение не только не перечеркнуло франко-советский пакт о взаимной помощи, но даже не «задело его», что СССР после Мюнхена не желал сотрудничать с Францией на основе этого пакта, к которому так стремились он сам и премьер Даладьё, что даже англо-франко-советские переговоры закончились неудачей не по вине Лондона и Парижа, а по вине якобы Москвы, и т. д. и т. п.³

Издатели этого тома из «Plon» пишут от себя, что Боннэ дает «правдивое освещение всей мюнхенской драмы» и показывает, что советско-германский договор о ненападении 1939 года «предоставил Гитлеру свободу рук на Западе».

В действительности Советский Союз оказывал самое действенное сопротивление фашистским агрессорам и упорно приглашал к этому же Францию, Англию и США, а их правители только поощряли Гитлера и толкали его к нападению на СССР. В этом и только в этом кроются причины того, что Германия смогла в сентябре 1939 года развязать вторую мировую войну. В связи с этим уместно напомнить замечание В. И. Ленина о том, что буржуазия в течение многих веков учила представителей своего класса быть хорошими дипломатами, умеющими искусно затемнять факты. «...Но попытка затемнить факт несколько не меняет самого факта»⁴.

В книгах, мемуарах, исследованиях и в показаниях бывший президент Третьей республики А. Лебрен, бывшие премьеры Э. Даладьё, П.-Э. Фланден, Л. Блюм, П. Рейно и др., несмотря на отдельные различия, проявили явное стремление «выгородить» буржуазную

¹ Bonnet G. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Genève, 1945, p. 22; Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques. P., 1961, p. 226.

² Bonnet G. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946, p. 304.

³ Bonnet G. De Munich à la guerre. P., 1967, p. 546, 547, 543, 575; Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques, p. 242, 253, 256.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 142.

Францию, которой они управляли и которую привели к военной катастрофе в июне 1940 года¹.

Французские буржуазные авторы и в наши дни искажают внешнюю политику и дипломатию своей страны предвоенного времени. Так, Ж.-Б. Дюрозель в книге, посвященной истории дипломатии с 1919 года до наших дней, вопреки исторической истине о том, что в Испании в 1936—1939 годах шла борьба между испанскими республиканцами, защищавшими свою родину, и внутренним и международным фашизмом, а западные державы своим «невмешательством» блокировали Испанскую Республику и помогали фашистам ее душить, утверждает, что «Испания становилась полем боя между Коминтерном и демократиями, с одной стороны, и фашистскими странами — с другой»².

Он, далее, пытаясь бросить тень на последовательную позицию СССР в защите Чехословакии и готовности прийти ей на помощь в 1938 году, пишет, что «советские военные приготовления в предвидении возможной войны не проводились»³.

Однако неопровержимые факты свидетельствуют о том, что в 1938 году именно Советский Союз проводил самые значительные военные приготовления в целях оказания помощи Чехословакии, но не Франция⁴. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 6 мая 1970 г. в Пражском граде говорил: «В трагические дни Мюнхена чехословацкие коммунисты призывали страну к прочной опоре на Советский Союз, который ясно продемонстрировал свою верность союзническому долгу»⁵.

Ж.-Б. Дюрозель в своей книге пытается поставить под сомнение тот факт, что французское правительство, подписав франко-германскую декларацию 6 декабря 1938 г., тем самым предоставило «свободу рук» Германии на востоке Европы. Он явно пытается приукрасить позицию Франции в англо-франко-советских переговорах

¹ См. **Lebrun A.** *Témoignage*. P., 1945; **Flandin P.-E.** *Politique française 1919—1940. Histoire contemporaine*. P., 1947; **Reunaud P.** *La France a sauvé l'Europe*, vol. I. P., 1947; *L'œuvres de Léon Blum*. P., 1955; **Paul-Boncour J.** *Entre deux guerres. Souvenirs sur la III République. Sur les chemins de la défaite*, vol. III. P., 1946; *Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter les événements survenus en France de 1933 à 1945*, t. I—IX. P., 1951—1952.

² **Duroselle J. V.** *Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*. P., 1971, p. 190.

³ *Ibid.*, p. 212.

⁴ См., в частности, Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939 гг. М., 1968, с. 216—218. — *Коммунист*, 1968, № 12, с. 59—60.

⁵ **Брежнев Л. И.** О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975, с. 259.

1939 года¹, представить в извращенном виде советско-германский пакт о ненападении 1939 года, который СССР был вынужден заключить с Германией, что нанесло серьезный удар по мюнхенской политике правящих кругов Англии, Франции и США, расстроило антисоветский империалистический фронт западных держав.

В 1975 году во Франции вышла книга Пьера Лиманя «40 лет французской политики (1934—1974 гг.)». В ней собраны выдержки из 10 тыс. статей автора, публиковавшихся в католическом органе «Ла Круа» в указанные годы². Значительное число этих «извлечений» посвящено предвоенной внешней политике Франции. В них содержится много горьких признаний в том, что эта политика полностью провалилась и привела Францию к военной и политической катастрофе во второй мировой войне. Но Лимань, как и Рене Ремон, подобравший и подготовивший к печати указанные выдержки из статей, совершенно обходит молчанием подлинные причины провала французской внешней политики. Они лишь говорят об «ошибках», «заблуждениях», «неосведомленности» тех, кто диктовал и проводил эту самоубийственную политику. В книге замалчиваются роль СССР в международных отношениях тех лет и его героические усилия предотвратить наступление войны.

По утверждению Лиманя, дело к катастрофе вели, оказывается, не Даладьё, Боннэ, Фланден, Лаваль и другие реакционные деятели Франции, а французские коммунисты. «Одна вещь в особенности является тревожной в их настоящей позиции, — писал Лимань в октябре 1938 года. — Они ведут дело к катастрофе». На самом же деле коммунисты предлагали руководителям своей страны принять энергичные меры, опираясь на СССР и на других союзников, чтобы сохранить мир и спасти Францию от катастрофы.

Проблемы предвоенной внешней политики Франции явились предметом острой дискуссии на коллоквиуме историков в городе Страсбурге (октябрь 1976 г.). В центре внимания его участников были франко-германские отношения 1933—1939 годов.

В докладе французского историка Жака Барветы «Л. Блюм и Германия в 1930—1938 годах» обстоятельно и контрастно были показаны стремления и действия Блюма в 1936—1937 годах, направленные на достижение сговора с Гитлером, и отмечен его «вклад» в мюнхенское предательство Чехословакии. Но докладчик оставил в тени те реакционные силы французской буржуазии, которые проводили антинациональный курс внешней политики Франции и ответственны за Мюнхен, за срыв советско-французского пакта о вза-

¹ См. Duroselle J. В. Op. cit., p. 220, 230.

² См. Limagne Pierre. 40 ans de politique française (1934—1974), P., 1975.

имной помощи, за неудачу англо-франко-советских переговоров 1939 года и за поражение Франции во второй мировой войне¹.

Профессор Тель-Авивского университета Шарль Блох также пытался всячески выгородить Блюма и снять с него ответственность за заигрывание с Гитлером в 1936—1937 годах.

Советские историки в общих трудах² и специальных монографиях³ дали оценку внешней политики Франции и ее пагубных последствий для европейской безопасности, осветили ряд ее аспектов. Но вплоть до последнего времени в нашей исторической литературе отсутствовал труд, в котором бы подробно исследовались все важные проблемы внешней политики Франции накануне второй мировой войны.

Изданные в Советском Союзе новые сборники документов⁴,

¹ Les relations franco-allemandes 1933—1939. P., 1976, p. 34—35.

² См. История дипломатии. Под ред. Громыко А. А., т. III. М., 1965; История внешней политики СССР. Под ред. Громыко А. А., Пономарева Б. Н., ч. I, 1917—1945. М., 1975; История Франции, т. III. М., 1973; История второй мировой войны. 1939—1945, т. II. М., 1974.

³ См. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929—1939. М., 1976; Борисов Ю. В. Советско-французские отношения в 1924—1945. М., 1964; Варфоломеева Р. С. Реакционная внешняя политика французских правых социалистов (1936—1939). М., 1949; Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. Л., 1972; Кравченко Е. А. Народный фронт во Франции в 1934—1938. М., 1972; Майский И. М. Испанские тетради. М., 1962; Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М., 1961; Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1973; Нарочницкий А. Л. Две тенденции в развитии отношений между СССР и Францией. — «Новая и новейшая история», 1966, № 5; Овинников Р. С. За кулисами политики невмешательства. М., 1959; Овсянный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975; Ратиани Г. М. Конец Третьей Республики во Франции. М., 1964; Рубинский Ю. И. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919—1939). М., 1973; Салычев С. С. Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами, 1921—1940 гг. М., 1973; Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979; Стегарь С. А. Мюнхенская политика французского империализма в Европе и ее провал. М., 1964; Трухановский В. Г. Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30—50 гг. М., 1974; Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973; Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг. М., 1963; Чубарьян О. А. История внешней политики СССР и международных отношений. — В кн.: Развитие советской исторической науки. 1970—1975. М., с. 123—129.

⁴ Документы внешней политики СССР, т. XVIII—XXI. М., 1974—1977; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979.

публикации дипломатических документов во Франции¹, а также продолжающиеся публикации документов в ряде других зарубежных стран представили возможность автору более детально, на конкретном историческом материале исследовать в комплексе все важнейшие аспекты предвоенной французской внешней политики со всеми ее пагубными последствиями для собственной страны и для европейского мира в целом.

Важное место в работе заняло исследование вышеуказанных публикаций французских дипломатических документов. Эти публикации являются более полными по сравнению с английскими и американскими публикациями, посвященными тому же периоду, хотя часть важных документов была захвачена гитлеровскими оккупантами и пропала, часть — была разбазарена Боннэ и исчезла. Некоторое число документов было восстановлено официально созданной комиссией, но ущерба далеко не удалось восполнить.

Следует иметь в виду также, что сами документы так подобраны, расположены и снабжены такими комментариями, чтобы доказать французскую версию развития событий кануна войны и затушевать наиболее темные стороны действий французской политики и дипломатии. Вместе с тем документы содержат богатый фактический материал, опровергающий многие утверждения французских и других буржуазных фальсификаторов предвоенной политики Франции.

¹ См. Documents diplomatiques français, 2-e série (1936—1939), t. I—XI. P., 1963—1977.

1

НАРОДНЫЙ ФРОНТ В 1936 ГОДУ И ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

1. ПРОГРАММА НАРОДНОГО ФРОНТА И ПЕРВЫЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЛЮМА

Правительство Леона Блюма, составленное из социалистов и радикалов, было сформировано 4 июня 1936 г. Оно было приведено к власти Народным фронтом, располагавшим разработанной программой действий в области как внутренней, так и внешней политики, и при условии ее выполнения могло рассчитывать на безусловную поддержку большинства французского народа.

Программа Народного фронта, которую призвано было выполнять новое правительство, предусматривала демократизацию социально-экономического строя, предоставление значительных экономических, социальных и политических прав и свобод трудящимся массам Франции — рабочим, крестьянам, интеллигенции, ремесленникам, мелким коммерсантам. Программа требовала организации борьбы трудящихся против власти монополий и фашизма.

В прямой связи с указанными задачами в области внутренней политики были определены цели и характер внешней политики Франции.

Программа Народного фронта призывала весь французский народ, и особенно людей труда, к сотрудничеству в интересах обеспечения прочного мира и безопасности страны. Она предусматривала международное сотрудничество в рамках Лиги наций с целью обеспечения коллективной безопасности и солидарного применения действительных санкций в случае агрессии. Программа требовала наращивания усилий с целью перехода от вооруженного мира к миру на основе разоружения. Она предлагала осуществить национализацию военной промышленности и отменить частную торговлю оружием.

Она предусматривала упразднение тайной дипломатии; «распространение, в особенности в Восточной и Центральной Европе, системы пактов, открытых для всех, согласно принципам франко-советского договора»¹.

Развитие событий на международной арене и внутри страны настоятельно требовало от нового французского правительства проведения политики защиты и укрепления мира на основе коллективной безопасности, реализации многосторонних региональных пактов о взаимной помощи, тесного сотрудничества со всеми странами, заинтересованными в пресечении агрессии. «В июне 1936 года Франция, — указывал М. Торец, — могла и должна была проявить инициативу и взять на себя руководство широкой политикой, направленной на обеспечение мира. Такова была воля рабочих, крестьян и интеллигенции, которые привели к власти Народный фронт»². Франция Народного фронта безусловно могла внести свой весомый вклад в дело предотвращения надвигающейся мировой войны, в дело сохранения и упрочения всеобщего мира.

Это зависело от того, по какому пути поведет государственный корабль Франции правительство, опиравшееся на Народный фронт, какую внешнюю политику будет проводить оно на практике. Ответственность за реализацию политики Народного фронта, определенной в его программе, ложилась на парламент, правительство Франции и его дипломатический корпус. Хотя в избранном весной 1936 года парламенте буржуазная реакция не досчиталась многих своих представителей, в нем все же сохранилась значительная группировка правых депутатов, которые враждебно относились к Народному фронту и, как правило, отвергали его программу внутренней и внешней политики.

Внешнеполитическая концепция главы правительства, лидера правых социалистов Л. Блюма, не соответствовала главным требованиям Народного фронта в области внешней политики. Эта концепция была проникнута антикоммунизмом и антисоветизмом. Блюм не намеревался проводить подлинно демократическую и миролюбивую внешнюю политику, отвечавшую национальным ин-

¹ L'Humanité, 11.I.1936.

² Thorez M. Oeuvres, t. XIV. P., 1954, p. 255.

тересам французского народа, делу сохранения и упрочения мира. Он ориентировался во внешнеполитических вопросах на английских консерваторов, на американские влиятельные деловые круги. Он всегда недооценивал франко-советский пакт о взаимной помощи от 2 мая 1936 г., не склонен был расширять и углублять на его основе сотрудничество между Францией и СССР, но любыми средствами стремился к достижению «согласия» между Францией и обеими фашистскими державами в Европе — Германией и Италией¹. Гитлеровские дипломаты хорошо знали политические идеалы и стремления Блюма.

Занявший в правительстве пост министра иностранных дел Ивон Дельбос являлся одним из руководителей правого крыла радикалов. При решении важнейших вопросов внешней политики ему были свойственны нерешительность и колебания, и, как правило, вместо сопротивления агрессору он склонялся к достижению договоренности с ним.

Весь руководящий состав министерства иностранных дел остался старым, а большинство служащих, как и французские послы за границей, были враждебно настроены к программе Народного фронта.

Французская коммунистическая партия предлагала правительству обновить, демократизировать кадры французской дипломатии, чтобы «здесь сказалось республиканское веяние». «На протяжении последних полутора лет, — говорил М. Торез в декабре 1937 года с трибуны IX съезда ФКП, — большинство наших представителей за границей стараются убедить правительства, при которых они аккредитованы, что Народный фронт — лишь случайное, преходящее явление во французской политике. Этому не приходится удивляться, если учесть, что основные дипломатические посты до сих пор занимают представители аристократии»².

Некоторые из дипломатов, как, например, посол в Берлине Андре Франсуа-Понсэ, являлись прямыми представителями «Комите де форж» или других монополистических объединений.

¹ См. *L'œuvres de Léon Blum. La prison et le procès. A l'échelle humaine 1940—1943*. P., 1955. n. 203—248; *Documents diplomatiques français. 2-e série (1936—1939)*, t. II. P., 1964, p. 354, 414 (далее: DDF).

² Торез М. Избранные произведения т. I. М., 1959, с. 256—257.

Можно с полным основанием утверждать, что крупнейшие французские банки и тресты через своих людей в дипломатическом корпусе влияли на внешнюю политику Франции в период Народного фронта. Блюм и Дельбос, игнорируя предложения коммунистов, других демократов, оставили всех старых дипломатов на своих прежних местах и поручили им проводить в жизнь внешнюю политику Франции Народного фронта. Правда, были отдельные новые назначения. Жорж Боннэ, представитель крайней французской реакции, тесно связанный с банком «Братья Лазар», был направлен в качестве посла в Вашингтон и, конечно, не только для официальных сношений с правительством США, но и для деловых контактов с американскими банкирами.

Но для осуществления внешней политики, вытекавшей из программы Народного фронта, Франция нуждалась в новых инициативах и в новом составе дипломатического корпуса. «Чтобы выполнить свою роль в мире, — заявила ФКП, — Франция должна проводить демократическую внешнюю политику, которая в плане наших отношений с другими народами отражала бы перемены, происшедшие в нашей стране после победы Народного фронта»¹. Однако призыв французских коммунистов остался без ответа.

И. Дельбос начал свою деятельность в качестве министра на Кэ д'Орсе с ознакомления с документами, характеризовавшими состояние отношений Франции с Италией и Германией. Ему прежде всего представили докладную записку политического отдела МИД Франции «Тенденции итальянской политики»², в которой говорилось, что Италия в своей политике колеблется между сотрудничеством с Францией и другими западными странами, с одной стороны, и Германией — с другой. В записке приводились многочисленные заявления Муссолини, Чиано и Сувича о том, что если не будут отменены санкции против Италии за ее агрессию в Эфиопии, то она уйдет из Лиги наций, отвернется от Франции и «повернется в сторону Германии»; утверждалось даже, что «если режим санкций продлится», то это повлечет за собой «денонсацию франко-итальянских соглашений 1935 года»³.

¹ Thorez M. Oeuvres, t. XIV, p. 255.

² См. DDF, t. II, p. 424—425.

³ Ibid., p. 425.

В докладной записке Р. Массигли, заместителя начальника политического отдела МИД, говорилось, что перспективы достижения франко-итальянского соглашения являются мало ободряющими: «Муссолини мало-помалу приходит к мысли о необходимости соглашения с Германией». Из донесения французского посла в Риме Шамбрэна стало известно, что Италия в случае сохранения режима санкций может мобилизовать против Франции и Югославии армию в 2 млн. человек. «Намерения главы итальянского правительства, — писал далее посол, — кажется, сводятся к следующему: сохранение в силе франко-итальянского соглашения и развитие, по мере возможности, мирного сотрудничества; достижение соглашения между Англией, Францией и Италией в Европе, но если санкции не будут отменены — выход из Лиги наций и, как следствие, итало-германское сближение. Первое решение, по моему мнению, является в настоящее время предпочтительным для Муссолини»¹.

Из донесения французского посла при Ватикане Шарле-Ру явствовало, что министр иностранных дел папского престола кардинал Пачелли расценивал военные угрозы итальянского диктатора как сущий блеф².

Противоречивые сведения об итальянской политике, полученные из Рима, заставили Дельбоса запросить мнение французского посла в Берлине Франсуа-Понсэ. «Наш посол в Риме сообщил мне 5 июня с. г., — писал министр, — что перспективы англо-германской комбинации кажутся определившимися. Соблаговолите сообщить немедленно, подтверждают ли ставшие известными вам в последнее время факты это впечатление и считаете ли вы, что в середине прошлого месяца итало-германское сотрудничество эффективно оживилось?» «Я не располагаю достоверными данными, которые позволяют мне полагать, что положительный договор заключен или находится в стадии заключения, — отвечал Франсуа-Понсэ 6 июня. — Но мне кажется несомненным, что Муссолини... готов играть этой картой, и, вероятно, он попытается ею играть эффективно, если не получит от Франции, Англии и Лиги наций подтверждений*, на которые рассчитывает»³. Что касается немцев, продолжал посол, то

¹ DDF, t. II, p. 429, 432.

² Ibid., p. 431.

* Признания Эфиопии составной частью «итальянской империи».

³ Ibid., p. 432, 446.

«они обращаются к Англии с призывами и предложениями, для того чтобы Великобритания отошла от Франции и Советской России и сблизилась с ними»¹.

Дельбос решил прозондировать ближайшие внешнеполитические планы Англии и перспективы развития англо-французского сотрудничества. 8 июня состоялась первая встреча французского министра с английским послом в Париже Георгом Кларком. Дельбос заявил Кларку о желании своего правительства достичь полного единства взглядов с Англией по всем внешнеполитическим вопросам, «проявляя главную заботу о коллективной безопасности». Посол с «большим пессимизмом отозвался о коллективной безопасности», но считал, что санкции, применяемые в отношении Италии, следует продолжить, «устранив их раздражающий характер»². Затем он «выразил надежду» на то, что Германия вскоре даст ответ на вопрос Англии об условиях заключения нового Локарно. Дельбос, со своей стороны, настаивал на том, чтобы до принятия Лондоном каких-либо важных решений ответ Германии был обсужден обоими правительствами, в особенности те его пункты, по которым возможно достичь соглашения, а также по проблеме разоружения. В конце беседы Кларк высказал опасения относительно реальности оформления итало-германского союза. Дельбос предложил ускорить в ближайшее время встречу английских и французских руководителей, чтобы обсудить все интересующие обе стороны международные вопросы. Правительство Англии считало, что встречу обоих правительств следует отложить до очередного заседания Совета Лиги наций и провести ее в Женеве.

10 июня член английского кабинета Н. Чемберлен выступил на собрании консервативной партии с резкими нападениями на коллективную безопасность и политику применения санкций в отношении Италии. Эта речь вызвала большое удовлетворение в Риме, где сделали вывод о том, что англичане и французы договорятся об отмене санкций. В Берлине с радостью было встречено предложение Чемберлена покончить с системой коллективной безопасности и разработать вместо нее «региональную безопасность», позволяющую создавать замкнутые империалистические блоки и совершать сделки.

¹ DDF, t. II, p. 446.

² Ibid., p. 439—440.

Английская и французская дипломатия, активизируя свои контакты с Берлином и Римом, готовилась полностью выдать фашистской Италии Эфиопию, чтобы склонить Муссолини к сотрудничеству. Постоянный заместитель британского министра иностранных дел Р. Ванситарт в беседе с французским послом в Лондоне Ш. Корбеном заявил, что «он не видит другого решения, как снятие санкций, и к этому надо прийти в Женеве»¹. Усилиями этих же дипломатий стали «наводиться мосты» к достижению сговора с Гитлером.

23 июня Блюм в сенате, а Дельбос в палате депутатов огласили правительственное заявление², в котором был определен в общих чертах курс внешней политики правительства: она «будет смелой», выражающей волю французского народа к миру, предусматривающей сотрудничество в целях «усиления коллективной безопасности»; Франция останется верной Статуту Лиги наций, она «желает мира со всеми нациями и для всех наций мира». Далее в заявлении говорилось, что правительство, стремясь привлечь Италию к делу «реконструкции» коллективной безопасности, готово приложить усилия для снятия санкций, наложенных на нее Лигой наций в октябре 1935 года.

Под «реконструкцией» европейской безопасности правительство Блюма подразумевало создание трех так называемых «региональных пактов» (на деле — блоков европейских государств, в которых доминировала бы Франция): блока придунайских государств, открытого для всех стран Центральной Европы, с помощью которого можно было бы укрепить связи Франции с Малой Антантой; средиземноморского союза, включающего все государства Южной Европы от Испании до Балканской Антанты, на основе взаимных гарантий безопасности; нового Локарнского пакта в целях ликвидации кризиса, возникшего 7 марта 1936 г. в результате оккупации немцами Рейнской области.

Как следовало из заявления 23 июня, французское правительство рассчитывало реализовать свою программу «реконструкции» коллективной безопасности в Европе на

¹ DDF, t. II, p. 451.

² См. *Débats parlementaires, Sessions ordinaires de 1936, t. II, partie première*. P., 1937, p. 1530—1532 (далее: *Débats parlementaires, 1936*).

путях сотрудничества с капиталистическими, в том числе фашистскими, государствами, опираясь на Англию и Соединенные Штаты Америки.

«В наших усилиях по реконструкции коллективной безопасности мы не сомневаемся в безграничной поддержке великой английской демократии... — говорилось в правительственном заявлении. — Более того, мы считаем, что тесное и доверительное сотрудничество обеих наших стран является важнейшей гарантией мира в Европе»¹. В правительственном заявлении о системе реконструированной коллективной безопасности СССР не упоминался совсем, зато подчеркивалось, что Франция «застрахована мощной поддержкой своего союзника — Союза Советских Социалистических Республик», с которым она связана пактом о взаимной помощи. Говоря о союзных отношениях Франции с Польшей, Бельгией, Румынией, Чехословакией, Югославией, правительство заявляло: «Их безопасность составляет часть нашей собственной безопасности, как и наша безопасность является составной частью их безопасности». Можно было ожидать, основываясь на правительственном заявлении, что французское правительство готово развивать и углублять столь важные для Франции и дела мира отношения с Советским Союзом и странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Но далее правительство Блюма заявляло, что оно стремится к достижению франко-германского «согласия», так как правительство Германии неоднократно выражало желание достичь соглашения с Францией. «Мы не имеем оснований сомневаться в его (Гитлера. — С. Ст.) слове — ветерана войны, который в течение четырех лет испытывал на себе все страдания в окопах»². Стремление к достижению соглашения с фашистской Германией определило одну из главных линий во внешней политике как правительства Блюма, так и всех последующих правительств Франции предвоенного периода.

В заявлении говорилось и о том, что Франция примет участие во всех мероприятиях, направленных к установлению контроля над вооружениями, к их ограничению и сокращению.

Заявление французского правительства вызвало положительную реакцию в Берлине и Риме. Председатель

¹ Débats parlementaires. 1936, t. II, p. 1531.

² Ibid.

рейхсбанка Я. Шахт сказал, что «заявление, которое только что сделал французский министр иностранных дел в палате депутатов о внешней политике и принципах, которые выдвинуло новое правительство, произвело на него на первый взгляд положительное впечатление»¹. Муссолини заявил французскому дипломату Блонделю, что он «расположен тесно сотрудничать с Францией по всем проблемам»². Гитлер и Муссолини обоснованно усмотрели во французском заявлении тон уступчивости фашистским агрессорам.

В конце июня на Кэ д'Орсе решили проанализировать и оценить состояние французской «системы союзов». Политический отдел министерства представил министру докладную записку по этому вопросу. В ней констатировалось, что Локарнский пакт, денонсированный Германией 7 марта 1936 г., «является составной частью заключенных Францией договоров с иностранными государствами в целях консолидации мира и защиты собственной безопасности»³.

Были упомянуты здесь же договоры Франции с Польшей (1921 г.), Чехословакией (1924 г.), Румынией (1926 г.), Югославией (1927 г.) и указывалось на их идентичность, а также на то, что они в новых условиях могут играть «весьма деликатную роль». Так, например, «польский договор с самого момента его заключения предполагалось применить в отношении русской опасности и менее всего — против угрозы германской».

Автор записки Баржетон считал также крайне ограниченными по своему значению и применению договоры о взаимной помощи между Францией и Чехословакией, Францией и Польшей, заключенные в 1925 году в Локарно.

Действенность франко-советского пакта о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. ставилась в полную зависимость от аннулированного к тому времени Германией Локарнского пакта 1925 года. В представлении автора этой записки пакт о взаимной помощи между Францией и СССР повис в воздухе, утратив свою действенность.

В целом французскую «систему союзов» автор докладной записки считал еще мало сплоченной политиче-

¹ DDF, t. II, p. 531.

² Ibid., p. 514.

³ Ibid., p. 563.

ски, так как среди стран, имеющих союзный договор с Францией, мало таких, которые между собой являлись бы подлинными союзниками. Чтобы убедиться в этом, считал Баржетон, следует обратиться к состоянию отношений СССР и Польши, Польши и Чехословакии, Польши и Румынии и т. п. У трех государств Малой Антанты, например, в случае их действий против Венгрии отсутствуют обязательства взаимной помощи. И наконец, Югославия: она загипнотизирована опасностью, грозящей ей со стороны Италии, и вместе с тем продолжает «игнорировать» СССР.

Констатация этих фактов, считал автор записки, позволяет сделать вывод, что нет необходимости искать еще и другие мотивы, чтобы отказаться от продолжения «политики союзов», неосуществимой в данных условиях, ибо для своей реализации эта политика должна исходить из факта, что все ее участники являются между собой союзниками¹. Итак, Франция должна отказаться от пакта взаимной помощи с Советским Союзом, аннулировать свои союзные отношения со всеми странами Восточной и Юго-Восточной Европы и искать сотрудничества на более широкой основе, включая Германию и Италию.

Дипломатия Дельбоса начала прежде всего усиленно налаживать «дружественные отношения» с правительством Муссолини. В правительственном заявлении от 23 июня говорилось: «В настоящее время она (Франция. — С. Ст.) признает, что сохранение санкций явилось бы только символическим жестом, лишенным реальной значимости»². За этим заявлением последовали конкретные шаги французской дипломатии по снятию санкций с Италии. 24 июня министр иностранных дел Италии Чиано в беседе с Шамбрэном заявил, что «итальянское правительство намерено начать сотрудничество с Францией и Лигой наций, как только будут отменены санкции»³. 29 июня Чиано ознакомил Шамбрэна с текстом меморандума итальянского правительства, подготовленного для вручения членам Совета Лиги наций, в котором Италия обязывалась осуществлять «цивилизаторскую миссию» в Эфиопии, сотрудничать в Лиге наций. Высокопоставленный итальянский генерал Бастроччи говорил 25 июня в беседе с французским военным атташе в Риме

¹ DDF, t. II, p. 563.

² Débats parlementaires. 1936, t. II, p. 1531.

³ DDF, t. II, p. 521.

Паризо, что только политика «пакта четырех» в состоянии сохранить мир: «Франция желает мира, — утверждал генерал, — Англия заявляет то же самое, Германия не хочет войны в настоящий момент, Италия нуждается в мире в Европе, чтобы организовать свою новую колониальную империю. Если эти четыре нации твердо решат объединиться, другие нации смогут только воссоединиться в этом блоке, который будет хозяином Европы». Французам предлагалось отказаться от коллективной безопасности, аннулировать свои союзы в Восточной Европе и вернуться к «пакту четырех»*.

Итальянская дипломатия, стремясь склонить французское правительство к политике, угодной фашистским государствам, и добиться отмены в Лиге наций санкций, пыталась припугнуть его тем, что генерал Валле направлен Муссолини в Берлин «с деликатной миссией» и, более того, «итало-германский военный союз, подготовленный в период действия санкций, может быть подписан в Берлине»¹ и т. д.

Правительство Блюма, встревоженное этими сведениями, сделало запрос в Риме. В ответ Чиано заявил французскому послу, что между Италией и Германией не существует ни политического, ни военного договора, что «в отношениях между ними вопрос о германских колониях никогда не поднимался и что соглашение по вопросу об Австрии, независимость которой представляет жизненный интерес для Италии, не было достигнуто»².

Французская дипломатия, удовлетворенная ответом итальянского министра, еще больше активизировала свои действия в пользу снятия санкций с Италии и «закрепления» за ней захваченной Эфиопии.

30 июня 1936 г. в Женеве открылась чрезвычайная сессия Лиги наций. Французскую делегацию на ней возглавлял Блюм, а английскую — Иден. Представитель Эфиопии буквально умолял Лигу наций не выдавать его страну итальянским агрессорам. Однако его просьба не была услышана представителями западных держав. На заседании Совета Лиги при рассмотрении итальянского

* Был подписан в Риме 15 июля 1933 г. между Англией, Францией, Германией и Италией о «согласии и сотрудничестве». В результате серьезных разногласий между участниками ратифицирован не был.

¹ DDF, t. II, p. 566, 567.

² Ibid., p. 553.

меморандума выступил Блюм, заявивший, что «мы счастливы констатировать, что меморандум, представленный итальянским правительством Совету Лиги, содержит определенный вклад» в дело желаемого нами сотрудничества¹ с Италией. Здесь же, с трибуны Лиги наций, французский премьер выразил готовность начать непосредственные переговоры с Германией в целях заключения нового Локарно².

4 июля Совет Лиги наций по настоянию представителей Англии и Франции принял решение отменить с 15 июля 1936 г. дальнейшее применение санкций против Италии.

Этим решением Эфиопия была принесена в жертву фашистскому агрессору, а сам агрессор — оправдан в своих преступлениях и щедро вознагражден целой страной. Но фашистская Италия, получив карт-бланш в отношении Эфиопии, не торопилась следовать по пути сотрудничества с западными державами. «Что касается сближения с западными державами, — писал Шамбрэн 9 июля в донесении из Рима, — то итальянской дипломатии диктуют осторожность как несомненная озабоченность позицией Германии, помощь которой в период жесткого применения санкций была для Италии весьма ценной по своей эффективности, так и непоследовательность в истинных намерениях Великобритании»³. Заявляя накануне о своей готовности сотрудничать с Францией и Англией, Муссолини добивался совершенно определенной цели — не только с их помощью полностью прибрать к рукам Эфиопию, но и расстроить коллективную безопасность. Более того, его главной целью уже в тот период являлось налаживание постоянного сотрудничества с Гитлером в деле перекройки карты Европы и африканского континента, в захвате морских и океанских подступов к нему.

2. ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА ФРАНЦИИ И ЕЕ ВОСТОЧНЫМ СОЮЗНИКАМ

9 июля 1936 г. Р. Массигли представил Дельбосу докладную записку, озаглавленную «Германские действия по разъединению в Центральной Европе», в которой ука-

¹ Le Temps, 2.VII. 1936.

² См. DDF, t. II, p. 580.

³ Ibid., p. 635.

зывалось на то, что Германия усиливает свое проникновение в придунайские и балканские страны. «Результаты, которых она добилась уже сейчас, — писал Массигли, — таковы, что их нельзя не рассматривать как угрожающие солидарным связям Франции с ее союзниками в Восточной Европе и диктующие необходимость принятия немедленных мер перед лицом этой опасности»¹.

Особенно успешным было проникновение Германии в Восточную и Юго-Восточную Европу в торгово-экономической и идеологической областях. В период с 1931 по 1935 год она увеличила свой экспорт в Чехословакию с 15 до 22%, Венгрию — с 11 до 22, Югославию — с 22 до 28, в Грецию и Болгарию — с 29 до 48%. Массигли отмечал, что вслед за «германским купцом следует гитлеровский флаг». Правительство Германии засылало в эти страны под видом учителей, туристов и всевозможных культуртрегеров шпионов, диверсантов, пропагандистов нацистской идеологии, которые создавали шпионскую сеть, подрывные группы и организации. «Такое положение, — писал автор докладной записки, — является достаточным, чтобы привлечь наше внимание. Более того, частично уже попавшая в экономическую зависимость от Германии Центральная и Восточная Европа находится под угрозой ее военного захвата»². Чтобы противодействовать германской экспансии, Массигли предлагал предоставить французские займы Румынии, Югославии и другим странам Центральной и Восточной Европы, с тем чтобы они могли закупать у Франции оружие и товары. Франция, со своей стороны, рекомендовал дипломат, должна осуществлять закупки румынской нефти и югославских металлов, которые импортирует Германия. В целях оживления торговли с Австрией следовало бы восстановить действие франко-австрийского договора от 15 мая 1935 г. «Германия ведет свою игру, — заключал Массигли, — мы должны вести нашу игру»³.

Французская дипломатия вела эту игру в Восточной Европе еще до прихода к власти правительства Блюма. Предметом игры являлись не только Румыния и Югославия, но и Польша и Чехословакия; при этом речь шла не о подлинной защите интересов указанных государств

¹ DDF, t. II. Note pour le ministre.

² Ibid., p. 637.

³ Ibid., p. 640.

от фашистской агрессии. Фактически осуществлялись поиски путей налаживания сотрудничества Франции и ее союзников в Восточной Европе с Германией. Рассчитывая начать переговоры с Гитлером о достижении согласия между Францией и Германией, французская дипломатия через своего посланника в Праге де Лакруа зондировала у президента Э. Бенеша его отношение к этому вопросу.

28 мая 1936 г. Бенеш говорил де Лакруа, что «Чехословакия всегда останется верной прежде всего союзу с Францией» и что он хочет «только знать французскую политическую линию, чтобы следовать параллельно ей»¹. «В частности, — писал де Лакруа, — если французское правительство желает вести переговоры с Германией, президент предпримет шаги к тому, чтобы согласовать свое действие с нашим действием». Далее президент заверил посланника в том, что Чехословакия останется верна союзу с Малой Антантой и направит свои усилия к тому, чтобы «использовать для дела» свое сближение с Россией. «Это не означает, — говорил Бенеш де Лакруа, — что я подчиню свою политику политике Москвы. Я никогда не позволю коммунизму нарушить равновесие сил в моем государстве. Но Россия является хорошей картой, которую надо использовать в своей игре». Гитлеровская дипломатия, со своей стороны, скрывая намерение добиться уничтожения Чехословакии, упорно распространяла в Праге слухи о том, что Германия стремится лишь добиться «чехословацкого нейтралитета в случае германского нападения на Россию»².

Одновременно в Берлине заявляли французскому послу, что СССР продолжает настаивать на том, чтобы Чехословакия превратилась «в авиационную базу и военный плацдарм для русской армии»³. Такого рода заявления гитлеровских дипломатов производили впечатление на французских дипломатов, которые уже тогда были против взаимовыгодного советско-чехословацкого сотрудничества, в том числе в военной области. Посланнику в Праге было дано задание выяснить степень и области советско-чехословацкого сотрудничества.

26 июня де Лакруа сообщил в Париж: «Я знаю из первоисточника, что русско-чехословацкое сотрудничество

¹ DDF, t. II.

² Ibid., p. 640, 405—406.

³ Ibid., p. 656.

только обозначилось. У меня сложилось впечатление, что чехи проявляют сдержанность в отношении сотрудничества с русскими в военной области». В другом донесении посланник, ссылаясь на заявление главы правительства Чехословакии М. Годжы, сообщал в Париж, что военные связи Чехословакии с Францией далеко превосходят ее аналогичные связи с Россией. Спустя две недели де Лакруа еще раз подтвердил министру Дельбосу: «Что касается развития русско-чехословацкого сотрудничества, о чем я уже неоднократно сообщал, то оно очень мало продвинулось вперед»¹.

Вскоре из столицы Румынии было получено сообщение о том, что в руководящих сферах Праги и Бухареста обсуждался вопрос о необходимости заключения военного союза между Малой Антантой и Францией². Но в тот момент правительство Блюма отказалось рассматривать данное предложение. Оно полагало, что любые меры, направленные на развитие тесного сотрудничества, в том числе военного, Франции с СССР и со странами Центральной и Восточной Европы, помешают заключению нового Локарно — блока западноевропейских держав с фашистской Германией.

Имея в виду такую перспективу, французское правительство решило переоценить обязательства о взаимной помощи, взятые Францией в отношении СССР, Румынии, Чехословакии и Польши. 9 июля 1936 г. генеральный штаб представил Блюму докладную записку — «Обязательства Франции о взаимной помощи», в которой при характеристике договоров о взаимной помощи Франции с Чехословакией, Румынией и СССР указывалось на отсутствии заключенных в дополнение к ним военных конвенций и на первый план выдвигался вопрос о возможности оказания Францией восточноевропейским странам только косвенной помощи. Непосредственная французская помощь этим странам ставилась в зависимость от того, будет ли Италия в случае военного конфликта на стороне Франции. «Мы могли бы оказать как Польше, так и Чехословакии.., — указывалось в докладной записке, — возможную непосредственную помощь в том случае, если благодаря итальянской поддержке в Центральной Европе создастся общий фронт»³.

¹ DDF, t. II, p. 541, 579, 682.

² Ibid., p. 579.

³ Ibid., p. 642—645.

В этом документе обращает на себя внимание та оценка, которую дает генеральный штаб франко-советскому пакту о взаимной помощи от 2 мая 1935 г.: «Из-за отсутствия общей границы между Германией и СССР, в случае вступления Польши в германский лагерь и вторжения союзных германо-польских сил в СССР, мы не сможем предоставить нашу непосредственную военную помощь Советскому Союзу»¹. В этой связи заслуживает внимания и та беседа, которую имел Франсуа-Понсэ 11 июля с Гитлером. Франсуа-Понсэ уверял Гитлера в том, что пакт Франции с СССР «не является военным договором» и не содержит никаких конкретных обязательств Франции прийти на помощь СССР². Гитлер и его дипломаты пытались подтолкнуть французских руководителей к аннулированию франко-советского пакта о взаимной помощи. Гитлеровский агент Кюльман говорил французскому дипломату в Пекине Оппено, что «франко-советский пакт является главным камнем преткновения на пути достижения согласия между Германией и Францией»³.

Французские руководители в угоду Гитлеру стали снижать значение франко-советского пакта о взаимной помощи, полагая, что это поможет им добиться заключения нового Локарнского пакта. Они предложили созвать в Брюсселе конференцию государств—участников Локарнского договора 1925 года, но французское предложение натолкнулось на отказ германского и итальянского правительств участвовать в такой конференции.

Английское правительство, со своей стороны, сочло несвоевременным созыв такой конференции. Ванситтарт заявил французскому послу Корбену, что отказ Германии и Италии участвовать в этой конференции автоматически привел бы к сближению интересов этих государств.

У Гитлера был свой план создания в недалеком будущем «континентального блока» государств в Центральной Европе, с тем чтобы, опираясь на него и на поддержку Италии, укрепить позиции Германии. В политических сферах Германии, по утверждению Франсуа-Понсэ, пришли к выводу, что в такой ситуации «Германия может по-

¹ DDF, t. II, p. 655.

² Ibid., p. 656.

³ Ibid.

вернуться спиной к Англии и Франции, потеряв интерес к новому Локарно»¹.

Итальянское правительство отказалось участвовать в предложенной Францией конференции, потому что его гораздо больше устраивала новая ситуация, возникшая в результате расторжения Германией Локарнского договора и оккупации Рейнской области. Так Гитлер и Муссолини похоронили одну из первых дипломатических инициатив правительства Блюма.

16 июня 1936 г. французская дипломатия выступила с еще одной инициативой. Дельбос направил в Лондон проект средиземноморского гарантийного пакта, в котором предусматривалось участие Испании, Греции, Великобритании, Италии, Франции, Турции и Югославии. Но и это французское предложение не получило одобрения в Лондоне, а в Берлине и Риме натолкнулось на явное сопротивление.

3. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ДРУЖБА В ДЕЙСТВИИ

Французский премьер Блюм неоднократно заявлял, что «краеугольным камнем» внешнеполитического курса его правительства является англо-французская дружба².

Уже 8 июня министр иностранных дел Дельбос подробно обсуждал с британским послом Кларком возможности укрепления англо-французской дружбы и сотрудничества. «Я обратил внимание посла на тот важный факт, — писал Дельбос, — что достижение полного и тесного сотрудничества между Францией и Англией способствовало бы оздоровлению общей атмосферы»³ в Европе и за ее пределами. В ходе беседы очень важное место занял вопрос об отношении Англии и Франции к Германии и Италии и необходимости поиска путей достижения согласия с ними. Оба собеседника согласились с тем, что необходимо усилить контакты с Германией в целях заключения нового Локарно.

Англо-французская дружба, как писала газета французских коммунистов «Юманите», не была равноправной: доминирующую роль в ней играла Англия, второстепенную — Франция или, по широко распространенному в то

¹ DDF, t. II, p. 691.

² См. *Débats parlementaires*. 1936, t. II, p. 1531.

³ DDF, t. II, p. 439—440.

время мнению в Париже, Англия была ездоком, а Франция — лошадьё¹.

Англо-французская дружба не принесла мира Франции и Европе в целом. Осенью 1936 года, когда пламя войны в Испании подступило к французской границе, правительство Блюма стало упорно добиваться оформления соглашения с Англией в области обороны. Французской дипломатии пришлось затратить много усилий, чтобы добиться от английского правительства хотя бы словесного публичного заявления о военных обязательствах по отношению к Франции: 19 ноября английский министр иностранных дел Иден заявил, что Англия придет на помощь Франции в случае агрессии, но тут же оговорился, что в случае заключения нового договора (имелось в виду новое Локарно) «вооруженные силы Англии и Франции будут использованы и для защиты Германии, если она окажется жертвой неспровоцированной агрессии»². Английское заявление носило двойственный характер и ставило под вопрос обязательства, взятые Францией по отношению к своим союзникам в Восточной Европе. Тем не менее 21 ноября Дельбос направил в Лондон телеграмму, в которой отмечалось, что точка зрения английского правительства во всем согласуется с позицией французского правительства.

4 декабря в ходе дискуссии по внешней политике в палате депутатов Дельбос от имени правительства уже гораздо определеннее заявил, что «вооруженные силы Франции на земле, на море и в воздухе полностью и немедленно будут использованы для защиты Великобритании в случае неспровоцированного на нее нападения». По словам Корбена, в Лондоне были довольны этим заявлением французского правительства³.

Тем временем и Лондон, и Париж усиленно занимались поисками путей достижения сговора с Берлином. Иден дважды встречался с германским послом Риббентропом, для того чтобы устранить «недоразумения в толковании соотношения между франко-русским договором и будущим пактом пяти»⁴. Фактически это был торг по вопросу о том, нельзя ли англичанам и французам пу-

¹ См. L'Humanité, 7.XI.1936.

² DDF, t. IV, p. 4.

³ Ibid., p. 165.

⁴ Ibid., p. 344.

тем аннулирования советско-французского пакта о взаимной помощи получить согласие Германии на заключение западноевропейского империалистического блока пяти государств. В документе, подводившем итоги переговоров Идена с Дельбосом, проходивших в Женеве 20 января 1937 г., указывалось на «невозможность положить начало западному урегулированию без некоторого умиротворения на востоке Европы»¹. 16 апреля 1937 г. в беседе между Ванситтартом и Корбенем, посвященной условиям заключения нового Локарно, вновь были затронуты союзные отношения Франции и СССР. При этом Корбен сетовал на то, что Германия препятствует восстановлению Локарнского пакта, хотя Франция в своих отношениях с СССР проводит «умеренную политику», соответствующую общим интересам Европы. «Мы до настоящего времени отказывались принять настоятельные предложения Советского правительства об укреплении его союза с Францией, — констатировал французский посол, — а между тем переговоры между английским и французским генштабами уже в самом начале зашли в тупик»². В ответ Ванситтарт заявил, что английское правительство считает несвоевременным заключение франко-советского военного соглашения. В итоге Франция попала в весьма неопределенное положение: Англия отказывалась в какой-либо форме зафиксировать взаимные англо-французские военные обязательства, но противилась тому, чтобы Франция свой политический договор с Советским Союзом дополнила военной конвенцией.

Ничего нового не принесла Франции поездка военного министра Э. Даладье в Лондон в апреле 1937 года. Он встречался с представителями английского правительства и вел переговоры по вопросу об англо-французских военных контактах, но практических результатов это не дало³.

В течение лета и осени 1937 года поиски путей достижения сговора с Гитлером и Муссолини составляли главное содержание франко-английских взаимоотношений. Объектами усиленного торга реакционных сил Лондона и Парижа с Берлином и Римом являлись Испания, Центральная и Восточная Европа.

С начала осени 1937 года в Париже усилились колебания относительно продолжения политики «невмеша-

¹ Ibid., p. 559.

² DDF, t. V, p. 478.

³ Ibid., p. 553—554.,

тельства» в ее тогдашней форме. Но в Лондоне решительно пресекали любые тенденции в этом направлении. Со своей стороны, Гитлер и Муссолини обрушились на Францию с серией угроз за ее намерение «открыть свою границу на Пиренеях»¹. «Франция, инспирированная Москвой и Валенсией, — заявляли в Берлине, — явно окажется главным препятствием на пути к урегулированию в Европе»². Что касается Англии, то в Берлине считали, что она менее подвержена «русскому влиянию» и гораздо более склонна сблизиться с фашистской Германией. Такой тактический прием гитлеровцев — «хвалить Англию и ругать Францию» — преследовал совершенно конкретные цели: привлечь на свою сторону Англию и заставить ее оказывать давление на Францию. Сами же Гитлер и Муссолини, несмотря на многочисленные обращения к ним английской и французской дипломатии, систематически отказывались идти на какой-либо компромисс как в испанском, так и в других европейских вопросах.

Усилившееся давление Германии на Австрию и Чехословакию стало предметом обсуждения английских и французских дипломатов в Лондоне 21 октября 1937 г. В ходе обсуждения констатировалось, что Париж и Прага «изучают вопрос, какова будет роль франко-чехословацкого договора, если Богемия явится объектом агрессии со стороны соседней державы». Совещание выявило, что «позиция Англии в данном вопросе является по меньшей мере неопределенной»³. Итоги данного совещания стали известны германскому правительству, но были ему явно на руку.

Еще в первых числах октября 1937 года Гитлер выступил с категорическим требованием возвращения Германии колоний. Печать и радио Германии обрушились с грубыми нападками на Францию и Англию, упрекая их в непонимании того, что 1937 год — это не 1918 и даже не 1927 год. «Французская гегемония в Западной Европе просуществовала историческое мгновение и больше никогда не повторится, — заявлялось гитлеровцами. — Что касается морской гегемонии Англии в Средиземном море, то она ныне сильно подорвана растущей итальянской морской мощью. Мир не будет ни консолидированным,

¹ DDF, t. VI, p. 37.

² Ibid.

³ Ibid., p. 212.

ни продолжительным, если Париж, как и Лондон, не признает этого главного факта»¹. Германские политики предупреждали, что никакого урегулирования в Европе быть не может, если западные державы не примут в расчет жизненные интересы и «законные» требования Германии и Италии. Само же европейское урегулирование, по мнению германских фашистов, должно осуществляться без участия СССР и вне Лиги наций².

Пока французские руководители раздумывали над требованиями и предложениями германского правительства, 5 ноября в имперской канцелярии Гитлера обсуждались планы захвата Австрии и Чехословакии; при этом была выражена уверенность, что ни Англия, ни Франция не воспротивятся их осуществлению³.

Днем позже, 6 ноября 1937 г., Италия присоединилась к «антикоминтерновскому пакту». Агрессоры сплачивали ряды и демонстративно увеличивали свои вооруженные силы. Они делали это при явном попустительстве западных держав.

13 ноября в Брюсселе состоялась встреча Идена и Дельбоса, в ходе которой обсуждался ряд интересовавших обе стороны вопросов⁴.

В начале обсуждения Дельбос обратил внимание своего английского коллеги на то, что во Франции вызывают беспокойство и даже тревогу «некоторые авансы» премьер-министра Англии Н. Чемберлена, выдаваемые им «то Германии, то Италии». Французский министр пояснил: «Франция желает общей разрядки, но мы полагаем, что нам надо действовать в полном согласии в одинаковой мере как до, во время, так и после решения любого вопроса». Следовательно, Дельбос не отвергал взятый Чемберленом политический курс на сговор с Гитлером и Муссолини, а лишь настаивал на том, чтобы он проводился строго согласованно обеими странами. Иден, пытаясь «успокоить» своего французского коллегу относительно этого курса Н. Чемберлена, заявлял, что его собственная позиция в этом вопросе отличается от позиции британского премьера, но лишь по форме, а «в основном между ни-

¹ DDF, t. VII, p. 73.

² Ibid., p. 76—77.

³ См. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945, Serie D, Dok. 19 (далее: ADAP).

⁴ См. DDF, t. VII, p. 422.

ми существует полное согласие»¹. В ответ на сетования французского министра Иден отрицал тот факт, что Англия ведет с Италией «полунезависимые от Франции переговоры». В отношении же контактов Англии с Германией он заявил, что предполагаемый визит лорда Галифакса в Берлин имеет своей целью зондирование по колониальному вопросу: английский представитель заявит Гитлеру, что решение этого вопроса возможно только на условиях «общего урегулирования». Что касается проблем Центральной Европы, то Галифакс «попытается отговорить Гитлера от всякой агрессии, указав ему на враждебное отношение Англии ко всякой агрессивной политике». Заявления Идена свидетельствовали о том, что Англия стремилась лишь облечь агрессию германского фашизма в Центральной Европе в «мирную форму» и направить ее в сторону СССР. «В отношении Австрии, — продолжал разъяснять политику своего правительства Иден, — возможно, что она в конце концов согласится на аншлюс. Что касается агрессии в отношении Чехословакии, то Англия относится к ней враждебно, и Галифакс должен это заметить Гитлеру, чтобы содействовать уменьшению напряженности между Германией и Чехословакией». «По этому вопросу Иден и я согласны с тем, — писал Дельбос, — что надо предусмотреть возможность разрядки напряженности между Германией и Чехословакией, для чего мы могли бы предложить свои добрые услуги. Я добавил, что в предвидении этого Англия должна преподать Германии тот же самый урок умеренности, который она преподает Чехословакии»².

В беседе двух министров было уделено много внимания вопросам дальнейшего укрепления англо-французской солидарности, полной координации действий в важнейших европейских и международных делах и привлечения к участию в их решении Соединенных Штатов Америки. По словам Дельбоса, он обратил внимание Идена на то, что три тоталитарных государства — Германия, Италия и Япония — пытаются вмешиваться во внутренние дела других стран «под предлогом борьбы с коммунизмом»³.

¹ DDF, т. VII, р. 422—423. По этому вопросу см. также Трухановский В. Г. Антони Иден, с. 141.

² DDF, т. VII, р. 423.

³ Ibid.

19 ноября 1937 г. Галифакс беседовал по этим и другим важным вопросам с Гитлером и Нейратом.

Галифакс заявил Гитлеру, что «фюрер многого достиг в Германии. Уничтожив коммунизм в своей стране, он тем самым преградил путь коммунизму в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма». Затем Галифакс пригласил Гитлера обсудить и урегулировать с участием Англии, Франции и Италии все важнейшие нерешенные вопросы.

Далее Галифакс заявил Гитлеру, что англичане убеждены, что «ошибки Версальского диктата должны быть исправлены»¹. В ответ на замечания Гитлера о том, что между Англией и Германией имеется, по существу, только одно разногласие — колониальный вопрос, Галифакс ответил: «Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся вопросы о Данциге, Австрии и Чехословакии. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции». Фюрер был доволен этим заявлением представителя английского правительства. Он заявил ему: «Единственной катастрофой является большевизм. Все остальное поддается урегулированию»². Здесь, по существу, намечалась программа англо-германской империалистической сделки, предусматривавшая удовлетворение притязаний фашистской Германии на Центральную и Восточную Европу и направленная своим острием против Советского Союза.

Из краткого и туманного коммюнике, опубликованного об итогах этого визита, можно было только отдаленно догадываться, о чем, собственно, шла речь в беседе Галифакса с Гитлером.

Французскую дипломатию очень интересовали результаты англо-германской встречи 19 ноября. Предпринятая Франсуа-Понсэ попытка получить необходимую информацию от английского посла Н. Гендерсона оказалась тщетной. Но зато он услышал от английского дипломата много оскорбительного в адрес Франции. В пространной телеграмме Франсуа-Понсэ, датированной

¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. М., 1948, с. 16, 22, 33 (далее: Документы).

² Там же, с. 35—36, 46.

22 ноября, указывалось, что, по мнению Гендерсона, «Франция и ее злополучное попустительство Советской России являются главной причиной разлада в Европе»; визит Галифакса преследует своей целью осуществление «политики сближения Англии с Германией, которое должно зажать Францию»¹. В конце телеграммы содержалось предостережение посла об опасных последствиях создающегося у немцев впечатления, как это уже было перед войной 1914—1918 годов, что «Англия в назревающем конфликте может оказаться нейтральной». В том же донесении французского посла содержался еще один заслуживающий внимания факт. По словам Франсуа-Понсэ, Гендерсон, встретившись с чехословацким посланником, рекомендовал правительству Праги «отказаться от своего союза с Францией и СССР, чтобы найти формулу согласия непосредственно с Германией»².

23 ноября Иден «предварительно» проинформировал французского посла Корбена об итогах визита Галифакса в Берлин. Он сказал, что «отношения Германии и Великобритании могут быть превосходно улучшены вне Женевы, что германо-австрийский договор от 11 июля 1936 г. может прояснить существующую «деликатную ситуацию» и «Чехословакии нужно следовать этому примеру»³.

После визита Галифакса в Берлин последовало резкое обострение германо-австрийских отношений.

29 ноября 1937 г. в Лондоне состоялась конференция руководителей английского и французского правительств, рассматривавшая важнейшие международные проблемы в свете итогов визита Галифакса в Берлин и наметившая программу действий на будущее. Британскую сторону представляли Н. Чемберлен, Иден, Галифакс, Ванситтарт и др., французскую — Шотан, Дельбос, Корбен, Лежэ, Массигли, Мержери. Британский премьер Чемберлен, открывая конференцию, подчеркнул важность данной англо-французской встречи для решения важнейших международных проблем.

Французский премьер Шотан*, взявший слово первым, заявил, что данная конференция является новым доказа-

¹ DDF, t. VII, p. 468, 469.

² Ibid, p. 469.

³ Ibid, p. 473.

* В июле 1937 — марте 1938 года у власти находилось правительство правого радикала К. Шотана, в котором И. Дельбос оставался министром иностранных дел, а Л. Блюм — вице-премьером.

тельством доверия и дружбы между двумя странами, наличия солидарности и согласия, которые объединяют оба правительства»¹.

Затем Галифакс довольно пространно доложил о своих переговорах с Гитлером и другими руководителями Германии.

Сообщение Галифакса не совпадало с протокольной записью его беседы с Гитлером и другими нацистскими руководителями². Галифакс заявил, что «Германия ничего другого не желает, как только установления удовлетворительных взаимоотношений со своими соседями»³, в том числе с Австрией и Чехословакией. Галифакс далее утверждал, что он заявил Гитлеру, что «Англия не будет противиться свободному заключению Германией договоров с ее соседями, если они не повлекут за собой никаких опасных последствий для общего положения вещей»⁴. В действительности же в Берлине речь шла об изменениях, которые фактически предусматривали поглощение Германией Австрии, Чехословакии и Данцига (Гданьска).

Чтобы повлиять на французских участников совещания, Галифакс привел заявление военного министра Германии Бломберга о том, что «вопросы Центральной Европы являются жизненно важными для Германии: поскольку Франция имеет свою сферу влияния в Средиземном море и Западной Европе, Германия должна иметь свою — в Центральной Европе»⁵.

Касаясь колониальной проблемы, Гитлер, по словам Галифакса, заявил, что Германия имеет такое же право на колонии, как и любая другая страна. «Это поистине единственная проблема, — говорил якобы фюрер, — которая существует между Германией и Англией». Он выразил «надежду» на то, что «Франция и Великобритания предложат позитивное решение этого вопроса»⁶.

Из сообщения Галифакса вытекало, что Германия требует в первую очередь обсуждения вопроса о ее претензиях, касающихся Центральной и Восточной Европы. Не случайно Дельбос сразу же попытался уточнить: «Идет ли в данном случае речь о предложении, относя-

¹ Ibid., p. 519.

² См. Документы, т. I, с. 10—39.

³ DDF, t. VII, p. 520.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., p. 521.

щемся к германским требованиям, или оно представляет более общий характер?»¹.

Галифакс ответил, что он вел переговоры только от имени Англии и дело свелось лишь к рассмотрению вопроса о «европейском умиротворении (*l'apaisement européen*) как части общего урегулирования»². Но тут же добавил, что Гитлер и он говорили в Берлине о колониях как проблеме будущего, а о европейских делах — как о вопросах, требующих безотлагательного решения.

Говоря о путях, на которых Германия стремится разрешить европейские проблемы, Галифакс утверждал, что Германия ищет «мирного», а не военного решения проблем в Европе. Геринг даже якобы заявил ему, что «ни одна капля немецкой крови не прольется в Европе без исключительной необходимости»³. Сам Гитлер, оказывается, ищет «дипломатического урегулирования» спорных вопросов и в будущем предусматривает развитие контактов с Францией.

Не вынес ли Галифакс из заявлений Гитлера впечатления, спросил Шотан, что «Германия намеревается проводить в будущем политику сотрудничества со своими соседями?»⁴.

Галифакс ответил, что Гитлер желает установить с Чехословакией такие же отношения, как с Англией и Францией⁵. Галифакс явно пытался настроить французских руководителей на торг с Гитлером из-за Центральной Европы. Но Шотан предложил снова вернуться к вопросу об установлении связи между решением колониального вопроса и проблемой европейского урегулирования⁶.

«Немцы желают, — говорил, отвечая своему французскому коллеге Чемберлен, — получить одновременно колонии и заверения относительно Центральной Европы, ничего не давая взамен. Но на такой основе Великобритания не расположена обсуждать с Германией проблемы, которые она выдвигает, если одновременно не будут учитываться требования Англии. В особенности это относит-

¹ DDF, t. VII, p. 521.

² Ibid.

³ Ibid., p. 523.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., p. 523—524.

ся к третьей группе вопросов — Лиге наций и разоружению»¹.

Могло показаться с первого взгляда, что точка зрения обеих сторон на урегулирование спорных вопросов с Германией является идентичной. На деле британская делегация стремилась «урегулировать» проблемы Центральной Европы на основе требований Гитлера, отодвинув колониальный и другие вопросы на второй план.

Чемберлен, как свидетельствует запись протокола конференции, предложил начать «обсуждение с вопроса о Центральной Европе»².

Шотан указал на то, что французское правительство еще в 1936 году заявило председателю рейхсбанка Я. Шахту, что оно не пойдет ни на какие решения «без общего урегулирования»³.

Однако Дельбос в ответ на домогательства англичан согласился обсуждать сначала чехословацкую и австрийскую проблемы. «Германия, — говорил он, — считает, что она имеет особые и неоспоримые права в Австрии и намеревается осуществить аншлюс в ближайшее время; а в Чехословакии она рассчитывает реализовать свою программу поэтапно, начиная с установления автономии для Судетов, чтобы потом присоединить к себе это германское меньшинство. Вслед за этим все германское население, проживающее за пределами Германии, должно быть воссоединено в рейхе»⁴.

Иден спросил Дельбоса, располагает ли французское правительство какими-либо сведениями относительно методов разрешения Германией австрийского и чехословацкого вопросов и какова «в настоящее время позиция Италии в отношении Австрии».

Дельбос ответил, что он не верит в то, что Италия согласится видеть Австрию оккупированной Германией. «В Австрии в состав правительства сначала будут включены национал-социалисты, а затем проведен плебисцит; в Чехословакии, после признания Прагой судетской партии, будет введена федеральная конституция, затем предоставлена автономия Судетам, которая завершится их слиянием»⁵ с Германией.

¹ DDF, t. VII, p. 524.

² Ibid.

³ Ibid., p. 524—525.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., p. 525.

«Какие последствия будет это иметь для франко-чехословацкого договора?» — спросил Чемберлен. «Этот договор налагает на Францию обязательства прийти на помощь, в случае если Чехословакия окажется жертвой агрессии, — отвечал Дельбос. — Если же среди немецкого населения вспыхнут волнения, поддержанные затем военной интервенцией со стороны Германии, то договор предоставляет Франции право самой определить меру, соответствующую серьезности происходящих событий».

Чемберлен, упорно навязывая капитулянтский метод решения чехословацкого и австрийского вопросов, выяснял, «какими средствами, не прибегая к применению силы, можно было бы заставить Германию отказаться от осуществления тех своих целей, о которых только что доложил Дельбос»¹. В ответ французский министр заявил, что «Англия и Франция совместными действиями могут урезонить Германию». Что касается методов, продолжал он, то их существует два: выжидать до тех пор, пока экспансионистские действия Германии «окажутся неоспоримыми», и тогда самим принять меры или показать пределы заинтересованности западных держав в судьбах Центральной Европы и «примирительный» характер их позиции. «В этом последнем случае, — заключил Дельбос, — положение не кажется безнадежным»².

Чемберлен, отдав предпочтение второму предложенному Дельбосом способу «урегулирования» чехословацкого и австрийского вопросов с Германией, утверждал: «Немцы, очевидно, колеблются в применении силы, так как это может ввергнуть Европу в состояние хаоса. Если они выскажутся в пользу мирных методов, появятся шансы уменьшить опасность любого их действия в Центральной Европе и надежда на благожелательное отношение Италии к вопросу об Австрии»³. Таким образом, определилась общая англо-французская платформа «урегулирования» австрийского и чехословацкого вопросов: пределом уступок агрессору в Центральной Европе является «примирение» с ним.

Вслед за этим Чемберлен, пустившись в пространные демагогические рассуждения, предпринял попытку склонить французских руководителей оставить Чехословакию

¹ DDF, t. VII, p. 525.

² Ibid.

³ Ibid.

одну перед лицом грозившей ей опасности со стороны фашистской Германии. Он предупредил, что «Великобритания ни за что не рискнет быть втянутой в войну из-за Чехословакии, страны, далеко отстоящей от Англии, с которой англичане едва ли знакомы»¹.

Заявление Чемберлена произвело впечатление на французских министров. Дельбос заявил, что эти опасения британского премьера вполне оправданны и в связи с этим надо дать Праге и Берлину советы быть умеренными.

Иден не преминул подсказать Дельбосу программу действий в Праге, куда последний собирался в ближайшее время совершить поездку. «Дельбос во время своего предстоящего визита в Прагу, — советовал Иден, — не ограничится только тем, что скажет: „Не предпринимайте ничего такого, что могло бы послужить предлогом для действий немцев“, а заявит: „Сделайте все то, что вы можете сделать, для судетских немцев“»².

Это было равносильно тому, что Чехословакия выполнила бы требования судетских немцев, за спиной которых стояла гитлеровская Германия, требующая расчленения Чехословацкой Республики.

На возобновившемся после обеденного перерыва заседании конференции британская делегация вела себя еще более наступательно. Чемберлен настаивал на разработке согласованного англо-французского плана урегулирования в Центральной и Восточной Европе с учетом того, что «Германия хочет поглотить некоторых из своих соседей»³.

Когда речь снова зашла о поездке французского министра иностранных дел в Восточную Европу, Шотан предложил, чтобы Дельбос во время пребывания в Праге действовал от имени правительств Франции и Англии. Вместе с тем он спросил английских коллег, имеют ли основание чехи, если они удовлетворят «справедливые» требования судетских немцев и все же окажутся жертвой агрессии, рассчитывать на поддержку Великобритании и Франции»⁴.

Чемберлен дал совершенно ясный ответ: «Британское правительство не могло бы пойти настолько далеко, что-

¹ Ibid., p. 526.

² Ibid., p. 529.

³ Ibid., p. 529—530.

⁴ Ibid.

бы предоставить (Чехословакии. — С. Ст.) гарантии в случае агрессии»¹.

На этом же заседании обсуждался еще ряд вопросов: о Данциге, Румынии, Югославии, Средиземном море и др. Рассмотрение этих вопросов также велось под углом зрения возможности «урегулирования» империалистических противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией — с другой.

30 ноября было согласовано, подписано и опубликовано совместное коммюнике, подводившее итоги конференции английских и французских министров. В нем, в частности, говорилось: «Предстоящая в недалеком будущем поездка министра иностранных дел Франции Дельбоса в страны Центральной и Восточной Европы вызывает всеобщий интерес в связи с тем, что оба правительства стремятся к сохранению спокойствия и мира в этой части континента»¹. Это была попытка, скрыв истинный смысл принятых решений, ввести в заблуждение общественное мнение демократической Европы.

4. «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО» В ИСПАНСКИЕ СОБЫТИЯ: ЕГО ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ФРАНЦИИ

17 июля 1936 г. испанские фашисты подняли мятеж против республиканского правительства Испании, ставший своей целью ликвидацию демократического строя и установление террористической диктатуры монополий, церкви и аграриев. Фашистские государства, Германия и Италия, оказавшие большую помощь испанским фашистам в организации мятежа, рассчитывали «окружить» Францию Народного фронта, использовать испанский плацдарм для расширения своей экономической и военной экспансии в зоне Гибралтарского пролива, в Северо-Западной Африке. Гитлер и Муссолини с самого начала возникновения мятежа начали вооруженную интервенцию в Испании в пользу фашистских мятежников. Над Испанией нависла угроза фашистского порабощения. 19 июля французский посол в Испании Эрбетт телеграфировал в Париж о выступлениях фашистов в Барселоне, Малаге, Севилье, Кадиксе, Туелье, Папелоне, Лас-Пальмасе и

¹ DDF, t. VII, p. 529—530.

² Ibid., p. 553—554.

других местах против правительства республики и о том, что войска и флот, верные правительству, и отряды рабочей милиции вступили в вооруженную борьбу с мятежниками¹.

Фашистские генералы, руководители мятежа, увлекли за собой почти всю сухопутную армию, часть морского флота и авиации. В поддержку испанским мятежникам поспешили германские и итальянские военные корабли и самолеты, доставившие солдат, артиллерию, танки, минометы, огнеметы и другое вооружение. Спустя несколько часов после начала мятежа премьер-министр Испании Хираль направил председателю совета министров Франции Блюму телеграмму с просьбой оказать Испанской Республике немедленную братскую помощь для отражения внезапного нападения на нее фашистских мятежников. Во Франции коммунисты, левые социалисты, республиканцы и демократы различных направлений стояли за оказание помощи Испанской Республике. Реакционные элементы крупной буржуазии были не только против такой помощи, но и встали на путь изыскания методов и средств, которые помогли бы фашистам удушить республику.

Ряд французских капиталистических монополий и банков имели значительные экономические интересы в Испании. Доля их инвестиций в общей сумме иностранных капиталовложений в испанской горнорудной промышленности составляла от 60 до 100%. В ценных бумагах и облигациях она выражалась суммой в 7 810 505 тыс. франков. Французские капиталисты получали за свои вклады прибыль из расчета 5% годовых. Французские монополии и банки были поставлены перед дилеммой: либо оставить в Испании «поле свободным» для действий германских и итальянских конкурентов, которые могли утвердиться там в случае победы мятежников, либо потерять Испанию как сферу приложения своих капиталов, если в ней утвердится Народный фронт.

В оценке событий, развернувшихся в Испании, и в определении стратегии французских правящих кругов перед лицом этих событий безусловно играли важную роль многие факторы, в том числе вопросы безопасности самой Франции. Это отразилось на позиции, занятой различными классами и социальными группами, политическими

¹ См. DDF, t. III, doc. 2, 3, 5, 8.

партиями и членами правительства страны перед лицом событий в Испании. «Большинство членов правительства Л. Блюма, — писал из Парижа чехословацкий посланник Осуский, — вначале стояло за вмешательство (за оказание помощи Испанской Республике. — С. Ст.), решительно против выступали только министры-радикалы И. Дельбос и К. Шотан»¹. Сам председатель совета министров колебался.

21 июля правительство Испанской Республики обратилось к правительству Франции с просьбой продать ему в соответствии с франко-испанским соглашением 1935 года необходимое оружие и боеприпасы. Часть членов правительства, в том числе министр авиации П. Кот, настаивала на выполнении испанского заказа. Однако вице-президент Шотан, военный министр Даладье и министр иностранных дел Дельбос пригрозили, что, «в случае принятия правительством предложения Кота, они подадут в отставку»². Одновременно правые органы французской печати обрушились на правительство, и в особенности на министра П. Кота, за их попытки заставить Францию «вмешаться во внутренние дела Испании». 22 июля Блюм отдал распоряжение вернуть на склады оружие, предназначавшееся для отправки законному правительству Испании. Французское правительство, писал П. Кот, «не решилось поддержать Испанскую Республику»³.

23 июля Блюм и Дельбос направились в Лондон для консультаций с английским правительством. Во время лондонской встречи британский премьер Болдуин выдвинул идею «невмешательства» во внутренние дела Испании и предложил Блюму взять на себя инициативу этой «мирной акции»⁴. Блюм, в принципе согласившись с предложением Болдуина, обещал обсудить его с членами своего правительства.

Блюм и Дельбос, возвратившись 24 июля в Париж, развернули кипучую деятельность: они «обрабатывали» других министров, добиваясь одобрения ими плана «невмешательства», спешно формулировали принципы и методы его применения в отношении Испании. 1 августа

¹ AMZV CSSR — Архив МИД ЧССР. Донесение чехословацкой дипломатической миссии в Париже № 899, 20 октября 1936 г., л. 3 (далее: AMZV CSSR).

² Там же, донесение № 650.

³ Cot P. Le procès de la république, vol. 1, p. 19, 167.

⁴ См. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 355.

кабинет Блюма обратился со специальной нотой по данному вопросу к заинтересованным иностранным государствам, предлагая им конкретные меры, с тем чтобы добиться быстрого применения и строгого соблюдения в отношении Испании «общих принципов невмешательства». В ноте говорилось, что французское правительство, со своей стороны, не допускает никакого вывоза оружия в Испанию «даже в порядке выполнения контрактов, заключенных до начала волнений в этой стране».

Действительно, кабинет Блюма принимал меры к тому, чтобы французское вооружение не доставлялось испанским республиканцам. 4 августа посол Испанской Республики в Париже А. Альборназ передал министру иностранных дел Дельбосу просьбу своего правительства о том, чтобы Франция продала Испании 2 тыс. ружей «Лебель» и 2 млн. патронов к ним, 20 пушек «Гочкис» и 4 тыс. снарядов, 10 тыс. авиабомб, восемь 75-мм орудий, 6 самолетов-бомбардировщиков «Потез» и около 70 самолетов других типов¹. Французское правительство не только не удовлетворило эту просьбу законного испанского правительства, но в течение ближайших нескольких дней аннулировало все частные и правительственные контракты о продаже и доставке оружия Испанской Республике. Между тем Гитлер и Муссолини начали непрерывным потоком доставлять испанским мятежникам большие партии самолетов, танков, артиллерию и другое вооружение, а на испанской земле высаживались итальянские и германские воинские соединения.

Это грозило в ближайшее время изменить соотношение сил в Испании в пользу фашистов. 4 августа правительство Англии поставило в известность Париж о том, что оно в принципе принимает французское предложение о «невмешательстве» в испанские дела, и, со своей стороны, предложило заключить сперва соглашение по данному вопросу между Францией, Германией, Италией, Португалией и Великобританией, которых «непосредственно затрагивает развитие событий в Испании» и которые имеют там «первостепенной важности материальные интересы»², а уж затем представить это соглашение на одобрение других заинтересованных держав. Здесь видна явная тенденция британского правительства достичь «догово-

¹ DDF, t. III, p. 100—101.

² Ibid., p. 114—115.

ренности» по испанскому вопросу в рамках узкого круга западных держав, отстранив от этого другие заинтересованные страны, и использовать испанскую проблему для сколачивания западноевропейского империалистического блока. Видный консервативный деятель Англии С. Хор предлагал тогда созвать «европейскую конференцию» без участия в ней СССР.

Еще более развернуто встает перед нами план использования испанского вопроса для сколачивания империалистического блока на антисоветской основе в донесении Франсуа-Понсэ Дельбосу от 30 июля 1936 г. «Надежды на то, что в один из дней окажется возможным, — писал он, — создать антанту, в которой примут участие Германия, Англия и Италия, возрастают. Немцы полагают, что события в Испании ускорят ее создание и что просоветская политика, проводимая Францией на Иберийском полуострове, многим начинает открывать глаза на опасности, которые заключает в себе франко-советский пакт»¹.

Но германское и итальянское правительства не торопились с ответами на французское и британское предложение. Такая позиция Берлина и Рима и озадачивала, и раздражала французских политиков. «До настоящего времени мы получили из Берлина лишь неопределенный ответ, — телеграфировал Дельбос 5 августа в Лондон. — Рим продолжает хранить молчание. Мы знаем, что поставки из этих обеих стран осуществлялись в пользу мятежников, и мы имеем основание думать, что они продолжают. В этих условиях мы больше не в состоянии отказывать в такого рода просьбах законному правительству, которое жалуется на то, что оно оказалось в своеобразной блокаде, в то время как мятежники обеспечены всем...»². Здесь содержится важное признание министра Франции о том, что Германия и Италия осуществляли широкое военное вмешательство в Испании в пользу мятежников, а западные державы блокировали Испанскую Республику. Вместе с тем в телеграмме Дельбоса отразились и колебания, появившиеся в правительственных сферах Франции в связи с создавшейся в Испании ситуацией.

На лондонской встрече командующих военно-морскими силами Англии и Франции 5 августа 1936 г. француз-

¹ DDF, t. III, p. 93.

² Ibid., p. 126.

ский адмирал Дарлан говорил: «Во всяком случае успехи мятежников Франко не преминут превратиться в тесное сотрудничество трех политических диктатур: Германии, Италии, Испании. Эта антанта является угрозой как для британских, так и для французских интересов. Было бы важно ни в какой форме не содействовать успеху испанских националистических элементов. Триумф коммунизма в Испании еще более нежелателен. Лучшим решением для франко-британских интересов был бы приход к власти в Мадриде демократического правительства, опирающегося на различные слои населения»¹. Дарлан неправомерно отождествлял Народный фронт с коммунизмом, в то время как в Испании с самого начала развернулась борьба между демократией и фашизмом, а не между коммунизмом и фашизмом. «Коммунизм» использовался Гитлером и Муссолини в качестве жупела для запугивания реакционных буржуазных деятелей. Именно это обстоятельство главным образом помешало тогдашним французским руководителям занять объективную и справедливую позицию в отношении событий в Испании.

Общая политическая линия Советского Союза в испанском вопросе была выражена в известной телеграмме Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина от 15 октября 1936 г. на имя руководителя Испанской коммунистической партии Хосе Диаса².

В первые недели гражданской войны в Испании, когда ее законное правительство могло собственными силами подавить фашистский мятеж, главной была задача сделать невозможной вооруженную интервенцию Германии и Италии или, по крайней мере, максимально ее ограничить. Невмешательство иностранных государств во внутренние дела Испании явилось бы и правильной, и справедливой политикой. Правительство СССР, в принципе соглашаясь 5 августа 1936 г. на французское предложение о невмешательстве иностранных государств в дела Испании, рассчитывало на осуществление подлинного, а не мнимого невмешательства. 6 августа представитель МИД СССР сообщил французскому поверенному в делах в Москве Пайяру, что Советское правительство согласилось с принципом невмешательства во внутренние

¹ DDF, t. III, p. 131.

² См. Документы внешней политики СССР, т. XIX. М., 1974, с. 486 (далее: ДВП СССР).

дела Испании и готово принять участие в предложенном соглашении. «Правительство СССР хотело бы при этом, — гласил его ответ, — чтобы, во-первых, в соглашении кроме поименованных во французском обращении государств приняла участие Португалия и, во-вторых, чтобы немедленно была прекращена помощь, оказываемая некоторыми государствами мятежникам против законного испанского правительства»¹. Реализация советских предложений практически означала бы прекращение доставки через Португалию иностранного оружия испанским мятежникам и пресечение итало-германской вооруженной интервенции. Но французская дипломатия, разрабатывавшая принципы и методы осуществления невмешательства в дела Испании, ориентировалась на консерваторов и теснейшим образом сотрудничала с английской дипломатией. Это предопределило и реакционные цели самого невмешательства, и не менее реакционные методы его осуществления.

5 августа французское правительство после непрерывных, но не доведенных до конца контактов с Форин оффис разослало правительствам заинтересованных стран проект декларации о невмешательстве, в котором говорилось:

1. Вышепоименованные правительства запрещают, это касается каждого из них, прямой или косвенный экспорт, реэкспорт и транзит в Испанию, испанские владения и испанскую зону Марокко всех видов оружия, снаряжения и военных материалов, а также всех видов воздушных и военно-морских судов в собранном или разобранном виде.

2. Это запрещение распространяется и на контракты, находящиеся в процессе исполнения.

3. Правительства обязываются взаимно информировать друг друга о всех принятых мерах, направленных на эффективное применение настоящей декларации, немедленно вступающей в силу².

Дельбос в записке, сопровождавшей проект данной декларации в Лондон, выражал надежду на то, что «безусловная поддержка британским правительством данного проекта позволит реализовать в самый короткий срок общее соглашение о невмешательстве». Однако британское правительство сочло французский проект декларации слишком радикальным. В своем ответе Парижу 7 ав-

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV. М., 1946, с. 180; ДВП СССР, т. XIX, с. 392—397.

² DDF, t. III, p. 127.

густа оно указало на «затруднения», которые возникнут при выполнении пунктов о реэкспорте и транзите, о самолетах различных типов и о контрактах, находящихся в процессе исполнения.

Одновременно французскому поверенному в делах в Лондоне Р. Камбону было заявлено в Форин оффис, что британское правительство не может подписать декларацию, в быстром применении которой оно недостаточно убеждено¹. Английские возражения объяснялись вовсе не трудностями реализации соглашения, а заботами консерваторов о том, чтобы не лишить испанских мятежников возможности получать оружие извне. Это подтвердило, в частности, заявление английского посла в Париже Г. Кларка французскому министру иностранных дел Дельбосу. «Английский посол, — говорится в докладной записке европейского отдела Кэ д'Орсе от 8 августа 1936 г., — опасается, что если борьба в Испании затянется, то генерал Франко, желая любой ценой купить помощь, заплатит Балеарскими островами за итальянскую помощь или, более того, Канарскими островами за германскую помощь»². Данное мнение полностью разделял и присутствовавший при разговоре бельгийский посол в Париже. «Как один, так и другой, — гласит далее текст докладной записки, — не скрывают того, что их симпатии в испанском деле находятся на стороне мятежников, которых они считают единственно способными покончить с анархией и советским влиянием». В этих словах содержалась главная идея «невмешательства» как системы реакционных мероприятий, проникнутых антисоветизмом, рассчитанных на удушение испанской демократии и установление фашистского режима в Испании.

Как явствует из оживленной дипломатической переписки между Парижем и Лондоном в августе 1936 года, английское правительство добилось включения во французский проект соглашения о невмешательстве мер, устанавливавших, с одной стороны, блокаду Испанской Республики, а с другой — не препятствовавших поступлению оружия и военных материалов из-за границы испанским мятежникам.

8 августа французское правительство полностью запретило вывоз оружия, снаряжения, военных материалов

¹ Ibid.

² Ibid., p. 159.

из Франции в Испанию, испанское Марокко и другие ее владения. Британское правительство, наоборот, продолжало выдавать лицензии на ввоз оружия в Испанию, которое доставлялось генералу Франко.

Правительство США формально отказалось участвовать в предложенном Францией соглашении о невмешательстве. Однако американские торговые суда регулярно перевозили военные грузы испанским мятежникам. Министр иностранных дел Испанской Республики Альварес дель Вайо официально уведомил посольство США в Мадриде, что «заход иностранных торговых судов в испанские порты, занятые мятежниками, как и в порты испанской зоны Марокко, запрещен». В ответ на это государственный секретарь К. Хэлл поручил американскому послу вручить правительству Испании ноту, гласившую, что, несмотря «на дружественные чувства, которые питает правительство США к испанскому правительству, оно не может признать законным закрытие портов»¹.

20 августа Дельбос телеграфировал в Лондон, что вооруженное вмешательство Германии, Италии и Португалии в пользу испанских мятежников ставит под угрозу срыва реализацию решения французского правительства от 8 августа, которым оно запретило всякий вывоз оружия и военных материалов из Франции в Испанию. «Решение, которое примет британское правительство об отмене экспортных лицензий в любом виде на доставку оружия, снаряжения и самолетов, — указывал далее Дельбос, — явится наиболее важным доводом, который объединит нас и послужит дополнительным оправданием предложения о демарше *»². Французское предложение Лондону от 20 августа существенно отличалось от предложения от 5 августа. На этот раз правительство Блюма готово было довольствоваться лишь согласием британского правительства в любом виде отказаться от выдачи лицензий на поставки оружия в Испанию, а не на полное запрещение его экспорта, реэкспорта и транзита. На следующий день Иден сообщил французскому поверенному в делах Камбону: «Мы в принципе согласны с

¹ DDF, t. III, p. 243, 323.

* Французское правительство предлагало предпринять совместный демарш в Берлине и в Риме в связи с расширяющейся германо-итальянской интервенцией в Испании.

² Ibid., p. 323.

новыми французскими предложениями»¹. Британское правительство немедленно поставило в известность Берлин, Рим и Лиссабон об уступке французского правительства.

21 августа итальянский министр иностранных дел Чиано вручил французскому послу в Риме Шамбрэну ответ итальянского правительства, из которого явствовало, что оно не желает прекращать интервенцию в Испании². 24 августа заместитель статс-секретаря МИД Германии Дикгофф вручил Франсуа-Понсэ ответ правительства Германии на французское предложение от 5 августа, в котором говорилось, что оно готово «осуществить меры», предусмотренные проектом декларации о невмешательстве³, и сопроводило его двумя оговорками: 1) Германия будет придерживаться невмешательства, если этого будут придерживаться все другие государства; 2) контроль за соблюдением невмешательства должен быть «исключительно добровольным»⁴. Эти оговорки сводили полностью на нет германское «да».

Подлинный смысл германского ответа был раскрыт в донесении французского посла в Берлине от 24 августа: «Германия не хотела показать, что она саботирует „мирную инициативу“ и не желает остаться вне „настоящего концерта“»⁵. Отметим, что в тот же день германское правительство сообщило о том, что министр экономики Ялмар Шахт направился в Париж для переговоров с руководителями Франции и что Гитлер подписал декрет о введении двухлетнего срока службы в вермахте. «Декрет 24 августа, — телеграфировал Франсуа-Понсэ, — одновременно демонстрирует тот удар, которым Германия сопроводила вчера утром свое согласие на французское предложение о невмешательстве. Это новое применение уже испытанного метода, сочетающего в себе одновременно военное действие и мирное слово».

Итак, вмешательство — блокада и интервенция — со стороны империалистических правительств в испанские события было уже очевидным. Только СССР, руководствуясь желанием помочь защите интересов испанского на-

¹ Ibid., p. 269.

² Ibid., p. 265—266.

³ Ibid., p. 273.

⁴ См. AMZV ČSSR. Телеграмма чехословацкого посланника в Париже от 20 августа 1936.

⁵ DDF, t. III, p. 273—278.

рода и послужить целям укрепления мира, с самого начала последовательно проводил линию подлинного невмешательства во внутренние дела Испании¹.

25 августа правительство Блюма выступило с новой роковой инициативой, предложив создать международный комитет по невмешательству в испанские события. Французское предложение было принято. 9 сентября в помещении британского министерства иностранных дел в Лондоне состоялось первое заседание этого комитета. Из представителей буржуазных государств в комитете французский посол в Лондоне Корбен был единственным, заявившим, что правительство его страны намерено «твердо соблюдать взятые на себя обязательства по невмешательству в дела Испании»². Испанская проблема была изъята из ведения Лиги наций и с тех пор стала компетенцией лондонского комитета по невмешательству, во главе которого был поставлен лорд Плимут. Такое положение устраивало и творцов «невмешательства», и итало-германских интервентов. Испанский вопрос был «запрятан» ими в комитет, где легче было сговариваться между собой представителям правительств Англии, Франции, Германии и Италии за спиной испанского народа и мировой прогрессивной общественности. «Советская делегация, — говорил М. М. Литвинов, — неизменно настаивала на выполнении Лигой наций своего долга перед Испанией, и не ее вина, что испанская проблема была изъята из Лиги наций и передана в так называемый Лондонский комитет по невмешательству, который, как мы теперь все знаем, видит свою задачу в том, чтобы не мешать вмешательству агрессивных стран в испанские дела»³.

Осенью 1936 года непрерывно расширявшаяся вооруженная интервенция Германии и Италии и содействовавшее ей «невмешательство» западных держав создали серьезную угрозу республиканской Испании. 2 сентября фашисты захватили Ирун, 4 сентября пала Талавера, 27 сентября в руках фашистов оказался Толедо, город, находящийся в 70 км от Мадрида. 30 сентября генерал Франко объявил себя главой «национального правительства» фашистской хунты. 4 сентября фашистская радио-

¹ См. ДВП СССР, т. XIX, с. 402—403.

² DDF, t. IV, p. 352—353.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 386.

станция в Севилье сообщила, что войска Франко начали окружение Мадрида и не позднее 12 октября займут испанскую столицу. 25 октября в Берлине было подписано итало-германское соглашение, по которому Германия признавала захват Эфиопии Италией; обе стороны договорились об общей политической линии и действиях как в испанском вопросе, так и в общеевропейском масштабе¹. Так оформилась «ось» Берлин—Рим, определившая программу фашистских государств в деле удушения Испанской Республики.

В разгар этих событий правительство Хирала ушло в отставку. Французская газета «Тан» поспешила заявить своим читателям, что в Испании больше не существует законного правительства и что само «невмешательство» следует пересмотреть под углом зрения установления сотрудничества с «национальными» (читай — фашистскими) силами данной страны.

Войска генерала Франко и итало-германские интервенты к тому времени усеяли трупами тысяч убитых испанцев землю Иберийского полуострова. Сообщая в Париж о варварской бомбардировке Мадрида фашистскими самолетами, жертвами которой стали многие мирные испанские граждане, женщины, старики и дети, французский консул Ньювиль писал о «трагических событиях, которые залили кровью столицу Испании». В другой телеграмме консул отмечал, что гражданская война в Испании стала «борьбой за свободу, против государств-завоевателей»².

Гитлер и Муссолини пытались выдавать свою вооруженную интервенцию в Испании за борьбу против «коммунизма», за спасение «христианской цивилизации» и т. д. Даже крайне реакционные дипломаты раскрывали истинные цели германо-итальянской интервенции, опровергая тем самым эту ложь. «Под лицемерным прикрытием борьбы против коммунизма и защиты цивилизации, — читаем в донесении Франсуа-Понсэ, — Германия стремится реализовать свои амбициозные замыслы, изменить в свою пользу соотношение сил в Европе и во всем мире»³. «Италия, — доносил консул Ньювиль, — хочет

¹ См. Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. Германская политика и Испания (1931—1943). М., 1946, с. 4—6.

² DDF, t. IV, p. 1, 291.

³ DDF, t. III, p. 395.

увеличить свою империю, присоединив к ней Балеарские острова. Германия намеревается поработить Испанию, чтобы эксплуатировать ее как колонию, выколачивая из нее сырье, которого ей не достает»¹. Министр Дельбос в депеше послу Франции в Лондоне Корбену указывал, что немцы по-настоящему хозяйничают в испанском Марокко и стремятся «распространить свое влияние на всю шерифскую империю». И далее: «Италия намеревается остаться на Балеарских островах», а «Германия рассчитывает обосноваться в Марокко и на Канарских островах». Перед отъездом из Мадрида итальянский посол Педраззи говорил своему французскому коллеге Эрбетту, что, хотя итальянцы, воюющие в Испании, более многочисленны, немцы занимают позиции в тылу, где они расширяют свое влияние и свое производство².

Французский морской штаб докладывал правительству 20 ноября 1936 г.: «Активность итальянцев на Майорке, проникновение немцев в испанское Марокко, использование немцами и итальянцами портов, находящихся в руках мятежников, могут создать как для наших, так и для английских военных и морских коммуникаций и баз очень серьезную опасность». Дельбос еще раз, со своей стороны, констатировал, что «германская активность в Марокко может... подорвать безопасность Франции в Северной Африке». Франсуа-Понсэ заявил итальянскому послу в Берлине Аттолико, что у французов есть основания беспокоиться по поводу того, что «Италия станет ногой на Балеарских островах и что Германия останется в Испании, чтобы организовать здесь фронт против Франции и базы для действий на наших африканских коммуникациях». Раскрывая подлинные причины, побуждавшие руководителей «третьего рейха» вести войну в Испании, Франсуа-Понсэ писал 16 февраля 1937 г. из Берлина Дельбосу: «Если Германия идет на тяжелые материальные и людские жертвы, помогая генералу Франко, то не только по соображениям симпатии к нему и политического расчета, а в действительности и для того, чтобы обеспечить себе возможность распоряжаться частью испанских ископаемых ресурсов, в особенности железной рудой и медью»³.

¹ DDF, t. IV, doc. 197, 198.

² Ibid., p. 88, 90.

³ Ibid., p. 12, 90, 369, 780.

Можно было ожидать, что французские руководители, встревоженные положением дел в Испании, примут меры, ограждающие интересы хотя бы своей собственной страны. Этого энергично требовали широкие массы французского народа. По всей Франции прокатилась волна забастовок, митингов и демонстраций солидарности с Испанской Республикой. 4 сентября в Париже состоялась многолюдная манифестация, участники которой скандировали: «Прекратите блокаду, которая убивает наших испанских братьев!» Когда в тот же день на митинге на площади Республики Долорес Ибаррури заявила, что «фашисты в Испании не пройдут», если Франция окажет братскую помощь ее героическим бойцам, над площадью раскатом грома раздались возгласы: «Оружия для Испании! Самолетов для Испании! Блюм, к действию!»¹.

7 сентября 300 тыс. металлистов Парижского района объявили всеобщую забастовку солидарности с испанскими республиканцами. Их примеру последовали докеры Бордо, рабочие Лиона, Гавра и многих других городов. Французская коммунистическая партия с полным основанием заявила, что в интересах 99% французов и всего Народного фронта необходимо спасти Испанскую Республику от нападения фашизма и что это означало бы действительное усилие для спасения мира². Генеральный секретарь ФКП М. Торез, выступая на массовом митинге на стадионе Буффало, заявил: «Мы — решительные противники всякой интервенции, но мы восстаем и против любой блокады, карающей республиканскую Испанию... Мы требуем во имя уважения международного права предоставления свободы торговли законному правительству Испанской Республики»³. На 50-тысячном митинге с пламенной речью в защиту республиканской Испании выступил Ромен Роллан. Он говорил, что в Испании идет битва между фашизмом и демократией, между реакцией и прогрессом, между силами мира и войны и что эта битва будет выиграна испанской демократией, если ей окажут необходимую помощь миролюбивые народы. Долг и обязанность Франции — помочь испанским борцам за свободу и мир. В ответ на призыв великого писателя снова раздалось мощное эхо: «Долой блокаду! Оружие и

¹ L'Humanité, 5.IX.1936.

² См. Коммунистический Интернационал, 1936, № 15, с. 49.

³ L'Humanité, 26.VIII.1936.

самолеты — Испании!»¹. Делегации многочисленных организаций трудящихся и профсоюзов ежедневно посещали Блюма и его министров, требуя отмены «невмешательства» в дела Испании.

«Глава французского правительства Народного фронта социалист Леон Блюм,— писал А. Колетт,— держал в своих руках судьбы правительств двух стран, и ему достаточно было выполнить один пункт буржуазного торгового договора, подписанного его предшественником, и использовать общую границу, чтобы спасти пролетариат одной страны и укрепить пролетариат другой. Подобная возможность не представляется дважды в течение одной жизни»².

Глава французского правительства Блюм отказался использовать эту историческую возможность. 8 ноября он заявил в ЦК социалистической партии, что «невмешательство спасло мир в Европе»³. Но широкий размах движения солидарности с Испанской Республикой, угроза окружения Франции фашистскими государствами все же вызвали известное колебание среди членов кабинета Блюма. В Париже стали циркулировать слухи о возможности отказа Франции от мнимого невмешательства в испанские события. Реакционные элементы буквально забили тревогу по этому поводу. Посол Эрбетт в телеграммах на имя Дельбоса ежедневно решительно отрицал агрессивные цели итало-германской интервенции в Испании, Средиземном море и в Северной Африке. Одновременно им развивался тезис о превосходстве германского оружия над французским. Он даже утверждал, что «нет оснований приписывать итальянскому правительству намерение координировать вместе с Германией операции, направленные против Франции»⁴.

В комитете по невмешательству Корбен и лорд Плимут закрывали глаза на вооруженное вмешательство Германии и Италии в дела Испании и помогали Риббентропу и Гранди отрицать факты такого вмешательства⁵.

18 ноября Гитлер и Муссолини официально признали «правительство» Франко в Испании. 28 ноября Блюм публично защищал «невмешательство», отрицая итало-

¹ L'Humanité, 23.XI.1936.

² Colette A. Léon Blum ou la politique du juste. P., 1955, p. 122.

³ DDF, t. III, p. 774.

⁴ Ibid., p. 412—413, 612.

⁵ Ibid., p. 481, 494; ДВП СССР, т. XIX, с. 538—539.

германскую вооруженную интервенцию в Испании, вопреки тому, что не менее 80 тыс. солдат и офицеров германской и итальянской армий вели войну против испанских республиканцев. Фашисты ставили своей ближайшей целью захватить Мадрид и добиться пavorота в войне в свою пользу.

Советское правительство, верное своему интернациональному долгу, в период 7—14 октября неоднократно заявляло, что «положение, созданное повторяющимися нарушениями соглашения, делает соглашение о невмешательстве фактически несуществующим»¹. Одновременно правительство СССР предупредило заинтересованные государства о том, что, «если не будут немедленно прекращены нарушения Соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения»².

Нарушения агрессорами соглашения о невмешательстве продолжались и принимали все более широкие размеры. В связи с этим СССР вернул себе «свободу действий» в испанском вопросе: с 13 ноября он стал доставлять в Испанскую Республику оружие, военные материалы, направлять добровольцев — летчиков, танкистов, советников, а также продовольствие, медикаменты и т. п.³ К концу октября трудящиеся СССР собрали в помощь испанским республиканцам 47 млн. рублей. Советская помощь Испанской Республике крепила ее сопротивление фашистам, вдохновляла испанских борцов за свободу.

Полпред И. М. Майский указывал на «усиливающееся сопротивление республиканцев, показывающее, что возможно иное решение испанской борьбы, чем победа Франко...»⁴. Все это производило сильное впечатление в Париже, Лондоне и других столицах. Враги испанской свободы стали принимать меры к тому, чтобы преградить путь поступлению помощи СССР в Испанию.

В Испании британский посол Шелтон заявил 24 октября своему французскому коллеге Эрбетту, что он

¹ ДВП СССР, т. XIX, с. 464.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 180; ДВП СССР, т. XIX, с. 464, 513—514.

³ См. Война и революция в Испании 1936—1939. М., 1964; Солидарность народов с Испанской Республикой. М., 1972; Гарсиа Х. Испания XX в. М., 1967; ДВП СССР, т. XIX, с. 477, 486, 487—488, 515—516, 518—519, 672—674.

⁴ ДВП СССР, т. XIX, с. 485.

«убежден, что Германия и Италия полны решимости приостановить поступление русской помощи Испании». Эрбетт обсуждал с послом Италии Педраззи мероприятия по перехвату советских морских судов в Средиземном море, следовавших с грузами помощи к испанским берегам. В беседе с Педраззи Эрбетт заявил, что «если бы миссия по остановке советских судов» была возложена на испанский крейсер «Almogante cervega» и он был бы обстрелян русскими, «это был бы подходящий случай начать войну между Испанией (франкистской. — С. Ст.) и СССР». Предложение французского дипломата было настолько провокационным, что даже «посол Италии отнесся к подобной возможности без эмоций»¹. Несмотря на преграды, возводившиеся на путях доставки советской помощи в Испанию, она, преодолевая их, поступала испанским антифашистам.

Представитель бургосской фашистской хунты в середине ноября 1936 года с крайней горечью сообщал Эрбетту о том, что порт Барселоны забит советскими морскими судами, доставившими испанским республиканцам оружие, снаряжение, танки, самолеты, медикаменты и продовольствие².

В Мадрид, о взятии которого фашисты трубили ежедневно, непрерывно прибывали бойцы интернациональных бригад и советские добровольцы. Эрбетт в донесении от 23 ноября 1936 г. Дельбосу, перечисляя факты конкретной военной помощи СССР Испанской Республике, указывал, что на стороне республиканцев сражается 21 тыс. советских добровольцев. В донесении от 27 ноября 1936 г. французского военного атташе в Испании генерала Мореля Даладье сообщалось, что в момент тяжелейших боев под Мадридом, когда «испанское командование проявило растерянность, русские офицеры взяли командование в свои руки и помогли организовать настоящие воинские части»³. Были сформированы две, 11-я и 12-я, интернациональные бригады под командованием генералов Лукача и Клебера. В конце апреля 1937 года генерал Морель доносил в секретном порядке из Валенсии военному министру Франции, что военные

¹ DDF, t. III, p. 619—622.

² Ibid., p. 762.

³ DDF, t. IV, p. 51, 72.

силы интернационалистов в Испании сведены в четыре общевоинские бригады и одну танковую¹.

Помощь, оказанная советскими добровольцами и интернационалистами республиканцам, дала возможность тогда отстоять Мадрид и добиться успехов на других участках фронта. «Операции генерала Франко развивались успешно очень короткое время,— писал 19 февраля 1937 г. Эрбетт,— всего в течение двух-трех дней его атаки были успешными; затем сопротивление противника очень сильно возрастает, он контратакует, и продвижение армии Франко приостанавливается»². Испанский посол в Лондоне Аскарате говорил в начале марта 1937 года представителю Кэ д'Орсе, что в Испании «моральное состояние хорошее и нигде не чувствуется усталости... С военной точки зрения оборона Мадрида обеспечила огромные успехи. Мадрид практически можно считать неприступным»³. В столице жизнь протекала нормально. Улучшилось положение на других участках фронта. Армия Республики готова была перейти в наступление. Возросло производство оружия и снаряжения. Тем не менее положение в Испании продолжало оставаться сложным.

К этому времени стали реальными фашистские угрозы интересам и безопасности Франции. Французским руководителям следовало как-то реагировать на изменение обстановки. 8 января 1937 г. Дельбос телеграфировал послу в Лондоне Корбену о том, что немцы приступили к сооружению крупной военной базы в испанском Марокко и готовятся к высадке там войск; он предписывал Корбену «просить британское правительство направить английские корабли совместно с французскими для патрулирования марокканского побережья»⁴. 11 января из Лондона на Кэ д'Орсе поступило сообщение, что британское правительство отказалось направить свой флот к берегам Марокко, сославшись на заявление Гитлера о том, что он не имеет никаких видов на Марокко и возлагает ответственность за распространение подобных слухов на Париж⁵. В Берлине были очень довольны такой позицией англичан.

¹ DDF, t. V, p. 594.

² DDF, t. IV, p. 819.

³ DDF, t. V, p. 71.

⁴ DDF, t. IV, p. 438.

⁵ Ibid., p. 462—463

«Предложение об установлении постоянной морской блокады,— доносил Франсуа-Понсэ,— вызвало здесь внезапную сильную тревогу, которая немедленно была рассеяна Лондоном»¹. Тревога в Берлине и в Риме была не случайной. Войска мятежников и интервентов терпели сокрушительное поражение под Мадридом и на других фронтах в Испании. Франко срочно запросил у Гитлера и Муссолини подкрепления и больших партий оружия. При таких условиях патрулирование французских и английских кораблей в водах вблизи Испании могло бы в определенной мере затруднить поступление этих подкреплений в распоряжение фашистской хунты. В тот момент в Испании сложилось такое соотношение борющихся сил, при котором республиканцы могли бы в короткое время разбить мятежников и установить в стране подлинный мир. Правительство Испанской Республики в своем меморандуме от 2 февраля 1937 г. на имя главы правительства Франции Блюма указывало, что при невмешательстве извне оно «в состоянии положить быстрый конец войне в Испании без всякой внешней помощи». Оно предложило разработать конкретные меры, чтобы «положить конец вмешательству фашистских государств в Испанию»². Но этот призыв был оставлен без ответа западными державами, искавшими возможности сговориться с фашистскими агрессорами по любому вопросу.

Когда французскому правительству стало известно о ведущихся англо-итальянских переговорах о Средиземном море, 12 декабря Дельбос пригласил к себе английского посла в Париже Кларка и заявил ему, что Франция желает принять в них участие. В ответ Кларк пытался убедить Дельбоса в том, что «если двусторонние переговоры превратятся в переговоры трех держав, то и другие заинтересованные в средиземноморском статусе государства потребуют своего участия в них» и в таком случае какое-либо соглашение с Италией станет невозможным. Дельбос, однако, настаивал на том, чтобы сначала по данному вопросу договорились «три великие средиземноморские державы», что позволило бы «потом предусмотреть более широкое соглашение»³. Кларк про-

¹ DDF, t. IV, p. 418.

² Ibid., p. 762—763.

³ Ibid., p. 223.

должал утверждать, что только двустороннее англо-итальянское соглашение выгодно Англии и Франции, поскольку оно позволит «оторвать Италию от Германии». Напрасно французский министр пытался убедить британского посла в том, что исключение Франции из переговоров будет дурно истолковано Германией и Италией как «показатель общего ослабления ее позиций и охлаждения ее добрых отношений с Англией». Британское правительство, игнорируя предложения французов, форсировало завершение этих переговоров, и 2 января 1937 г. Чиано и Друммондт подписали в Риме соглашение о сохранении статус-кво в Средиземном море¹. Этот договор рассматривался в Лондоне, Риме и Берлине в качестве шага на пути «согласования» интересов Англии с интересами государств «оси». В берлинских политических кругах рассматривали это соглашение как важный успех «оси» Берлин — Рим. При этом обращалось внимание на то, что как англо-германское военно-морское соглашение 1935 года, так и англо-итальянское соглашение 2 января 1937 г. явно свидетельствуют о том, что «Великобритания сговорилась с двумя ведущими в европейской политике державами». Французские дипломаты не без основания указывали, что заключенное Лондоном и Римом соглашение ставит на карту важнейшие французские интересы в Средиземном море и намечает решение испанской проблемы в пользу фашистов. «Разговаривая с Муссолини,— писал Франсуа-Понсэ Дельбосу,— Великобритания в действительности говорит с Франко, выражая свое желание, чтобы он одержал победу, и отвергает всякие симпатии к его „красным противникам“»².

Большой соблазн использовать испанскую проблему для сговора с Гитлером и Муссолини испытывали и французские руководители. Правительства Англии и Франции продолжали совместно разрабатывать и применять все новые меры удушения Испанской Республики. Французское министерство иностранных дел по представлению Форин оффис к середине декабря 1936 года разработало дополнительные меры по осуществлению полной блокады республиканской Испании путем так называемого косвенного невмешательства. В целях осуществления такой блокады предлагалось полностью запре-

¹ См. DDF, t. IV, p. 383.

² Ibid., p. 411—412.

тить формирование и отправку добровольцев в Испанию, доставку туда оружия и военных материалов, оказание любой финансовой и политической помощи. Британское правительство, со своей стороны, считало, что в комплексе мер «косвенного невмешательства» наиболее важным и требующим немедленного разрешения является вопрос о запрещении отправки добровольцев в Испанию. 23 декабря вопрос о добровольцах обсуждался в комитете по невмешательству, и его председатель лорд Плимут «с особым ударением подчеркнул необходимость прийти в самое ближайшее время к соглашению по данному пункту», мотивируя это тем, что «все возрастающая напряженность ситуации создана наплывом иностранцев в Испанию». Французское правительство сразу же поспешило запретить формирование и отправку в Испанию добровольцев. По всей Франции запретительные меры правительства Блюма были восприняты как новый удар по Испанской Республике. Тяжелые последствия этого удара для демократической Испании особенно понятны в свете того, что Германия и Италия направляли в Испанию регулярные войска¹. В такой ситуации советский представитель в лондонском комитете по невмешательству в самой категорической форме заявил, что его правительство не будет участвовать в соглашении о добровольцах, прежде чем вступит в действие эффективный контроль.

27 декабря 1936 г. нарком М. М. Литвинов заявил британскому послу в Москве Чилстону, что запрещение отправки добровольцев в Испанию «без контроля означает дальнейшую посылку волонтеров для Франко и полное прекращение волонтерства для республиканской армии»². Но французское и британское правительства не обращали внимания на это представление.

24 декабря 1936 г. Дельбос направил телеграмму дипломатическим представителям Франции за границей, в которой говорилось, что «правительство республики уже объявило о своем согласии на расширение соглашения о невмешательстве путем прекращения, насколько это возможно, как косвенного, так и прямого вмешательства в испанские дела»³. При этом он считал, что важ-

¹ См. DDF, t. IV, p. 340, 370.

² ДВП СССР, т. XIX, с. 689.

³ DDF, t. IV, p. 347.

нейшей проблемой, требующей немедленного разрешения, является вопрос о запрещении въезда иностранных добровольцев в Испанию, что Англия и Франция пришли к соглашению запретить англичанам и французам поступать на службу к обеим борющимся в Испании сторонам. Министр обязывал французских представителей в Берлине, Риме, Москве, Лиссабоне и Лондоне предложить правительствам, при которых они аккредитованы, срочно принять аналогичные меры. Посол Кулондр в тот же день имел беседу с М. М. Литвиновым, во время которой настаивал на согласии правительства СССР запретить отправку добровольцев в Испанию, мотивируя это в особенности «наличием слухов о предстоящей отправке Гитлером 60 тыс. немцев в Испанию»¹.

На другой день французскому послу была вручена памятная записка Советского правительства, в которой говорилось, что сражающиеся в Испании на стороне мятежников марокканский иностранный легион, германские и итальянские регулярные войска никак нельзя отнести к числу добровольцев. И если не представляется возможным удалить из Испании иностранные элементы, то следовало бы принять меры, чтобы впредь не допускать появления в рядах борющихся в Испании сторон войсковых подкреплений испанского происхождения. Советское правительство предложило включить, в частности, в проект нового соглашения следующие пункты: «1) чтобы участники соглашения изъявили согласие на установление эффективного контроля над выполнением этого соглашения; 2) чтобы те или иные меры контроля были приняты скорее, независимо от согласия или несогласия мятежных генералов; 3) чтобы участники морально обязались до введения контроля следить за прибытием так называемых волонтеров через имеющихся у них на местах официальных и неофициальных агентов»².

Германская дипломатия, стремясь не допустить принятия вышеуказанных советских предложений, снова выступила с измышлениями о каких-то тайных планах СССР в отношении Испании и с планом возможного «полюбовного» разрешения Берлином и Парижем испанского вопроса³.

¹ Ibid., p. 360.

² ДВІІ СССР, т. XIX, с. 693; см. также DDF, т. IV, p. 370—371.

³ См. DDF, t. IV, p. 380—381.

Правительство Франции очень вяло занималось вопросом об установлении эффективного контроля, но самым энергичным образом добивалось немедленного отъезда французских добровольцев из Испании.

20 января Дельбос и Иден договорились об англо-французском посредничестве в целях «примирения» борющихся в Испании сторон. При этом они опять же считали, что «наиболее срочным вопросом является вопрос о добровольцах», а не об эффективном контроле. Правительство Испанской Республики, наоборот, еще 18 декабря дало свое согласие на установление полного контроля¹.

Советское правительство вело последовательную и активную борьбу за установление самого эффективного контроля на суше и море вокруг Испании. «Мы требуем,— писал М. М. Литвинов 4 ноября 1937 г.,— посылки уполномоченных во все пограничные пункты и порты Испании, занятые как мадридскими войсками, так и мятежниками. Они, конечно, смогут осуществлять контроль лишь в том случае, если они будут иметь право по собственной инициативе проверять все поступающие грузы и о случаях обнаружения военной контрабанды сообщать Комитету»². Председатель комитета лорд Плимут при содействии французского представителя Корбена настаивал на том, чтобы уполномоченные могли только выполнять поручения комитета; над этими уполномоченными следует поставить старших уполномоченных для непосредственного их сношения с комитетом. «Это означает,— указывал нарком СССР,— создание длительной процедуры, которая сделает контроль таким же мало эффективным, как и нынешняя процедура»³. Для создания самой эффективной системы контроля СССР выражал согласие участвовать в морском контроле своими судами. Всем предложениям СССР противились английские власти вплоть до адмиралтейства.

Французский представитель в комитете Корбен не только не содействовал советскому представителю И. М. Майскому, но всячески мешал ему⁴. Дипломаты Италии и Германии, со своей стороны, предлагали по-

¹ DDF, t. IV, p. 291.

² ДВП СССР, т. XIX, с. 539.

³ Там же.

⁴ Там же.

ручить осуществление контроля по испанскому вопросу четырем великим державам — Англии, Франции, Германии и Италии — без СССР¹.

Все же по решительному настоянию Советского Союза технический подкомитет 26 января 1937 г. утвердил проект соглашения об установлении сухопутного и морского контроля вокруг Испании. Но до реализации эффективного контроля было еще очень далеко. Тем не менее французское правительство 19 февраля 1937 г. поспешило принять новый жесткий декрет против поступления любой помощи Испанской Республике. По всей территории Франции запрещались какие бы то ни было добровольческие формирования, а также отправка, транзит и ретранзит добровольцев, следующих в Испанию и ее владения. Министрам иностранных и внутренних дел строжайше предписывалось следить за исполнением этого декрета, вступающего в силу с 21 февраля 1937 г.²

Гитлер и Муссолини, пользуясь отсутствием контроля над португальскими портами, находившимися в руках мятежников, увеличивали оказание всех видов помощи генералу Франко. Так, французский поверенный в делах в Риме Блондель уже в конце января 1937 года сообщил Дельбосу о том, что после 20 января «доставки волонтеров и оружия в Испанию умножились»³. Французский консул в Неаполе докладывал, что за тот же самый срок из неаполитанского порта в Испанию на итальянских судах было отправлено около 6 тыс. солдат и офицеров и около 160 т военного снаряжения. 26 января из Гаэты вышло судно «Ламбардия», имея на борту 5 тыс. солдат, около 100 т военного снаряжения, 105-мм и 149-мм пушки, и взяло курс к берегам Португалии. Франсуа-Понсэ доносил из Берлина, что Италия направляет в Испанию с одобрения Гитлера «новые многочисленные контингенты войск». 1 марта политический департамент МИД Франции констатировал, что на стороне фашистских мятежников в Испании воюют 60 тыс. итальянцев и 30 тыс. немцев⁴.

8 марта 1937 г. лондонским комитетом, наконец, был утвержден и вступил в действие план контроля. Но кон-

¹ См. ДВП СССР, т. XX. М., 1976, с. 53.

² См. DDF, t. IV, p. 635.

³ Ibid., p. 633.

⁴ Ibid., p. 638; t. V, p. 56, 72.

троль оказался малоэффективным. Отправка Германией и Италией войск и военной техники в Испанию продолжалась. 22 марта французский посол в Испании Эрбетт телеграфировал Дельбосу о том, что на стороне испанских фашистов сражается уже около 100 тыс. итальянских солдат и, по сведениям Корбена, Муссолини готовит отправку еще 20 тыс.¹ Сами французские дипломаты констатировали, что «в Испании действует открыто итальянская регулярная армия»². Соотношение воюющих сил в Испании все больше менялось в пользу мятежников и интервентов. Испанской Республике чем дальше, тем труднее становилось сражаться. Французское правительство отказывалось поставить в комитете вопрос об отзыве итальянских дивизий из Испании и предложило Советскому правительству самостоятельно возбудить этот вопрос³, но в то же время в ультимативной форме требовало от республиканского правительства Испании высылки из страны французских добровольцев⁴.

Сама же французская дипломатия продолжала зондировать почву в Берлине и Риме относительно возможности «примирения» сторон в Испании.

Фашисты, потерпев крупное поражение при попытке захватить Мадрид со стороны Гвадалахары, в мае 1937 года решили организовать наступление на севере, рассчитывая захватить оружейную промышленность провинции Гипускоа, черную металлургию и военные заводы Бискайи, аграрно-животноводческий Санедерс, уголь Астурии. Они ставили перед собой и стратегические цели: отрезать Испанскую Республику с севера от внешнего мира и от Франции — в частности. Блюм в разгар жестокого сражения приказал задержать в Андее (на французской территории) оружие и боеприпасы, посланные республиканским правительством Испании на Ирунский фронт. 12 июня французское правительство заявило, что не пропустит через территорию своей страны самолеты республиканской Испании. И это как раз в момент, когда фашисты и интервенты несли большие потери от действий республиканской авиации! Франко в ответ на выгодные для него мероприятия Парижа и Лондона заявил о том, что «не возражает против удаления ино-

¹ DDF, t. V, p. 234, 664.

² ДВП СССР, т. XX, с. 138.

³ Там же, с. 139.

⁴ См. DDF, t. V, p. 613—614.

странных волонтеров»¹. Английское и французское правительства снова подняли вопросы об отозвании добровольцев из Испании и о контроле за соблюдением «невмешательства»². Париж и Лондон ценой новых уступок в испанском вопросе в который раз пытались достичь соглашения с Берлином и Римом.

Однако Гитлер и Муссолини отказывались вывести свои войска из Испании, противились введению любого контроля, требовали предоставления Франко права воюющей стороны. Диктаторы готовы были опрокинуть всю систему «невмешательства». «Невмешательство явно дышит на ладан,— писал И. М. Майский в Наркоминдел 29 июня 1937 г.— Поведение фашистских держав на подкомитете не оставляло ни малейшего сомнения, что Германия и Италия хотят сорвать всякий контроль и идти ва-банк в помощи Франко»³.

Желая спасти «невмешательство», за кулисами которого можно было бы сговориться с фашистами, Иден выдвинул план, удовлетворявший требование Гитлера и Муссолини о предоставлении Франко «права воюющей стороны». 1 июля М. М. Литвинов телеграфировал И. М. Майскому, что Советское правительство против попытки навязывания комитету по невмешательству «решения о признании за Франко права воюющей стороны, ибо мы в таком решении участвовать не можем»⁴.

В тот же день М. М. Литвинов направил полпреду СССР во Франции Я. З. Сурицу телеграмму со следующим предложением: «Посетите Дельбоса и спросите его: 1) действительно ли Франция согласна вместе с Англией признать за Франко право воюющей стороны со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) имеются ли у него сведения о том, что Англия будто бы даже в случае ликвидации Комитета по невмешательству намерена оставить в силе эмбарго на вывоз оружия для испанского правительства и как намерено в таком случае поступить французское правительство»⁵. Полпреду поручалось одновременно заявить, что «мы ни в коем случае не допустим, чтобы признание за Франко права воюющей стороны ис-

¹ DDF, t. VI, p. 98, 298.

² Ibid., p. 139—140, 144.

³ ДВП СССР, т. XX, с. 336—337.

⁴ Там же, с. 350.

⁵ Там же, с. 351.

ходило от Лондонского комитета, пока мы в нем участвуем»¹.

3 июля, после беседы с французским министром иностранных дел, Суриц писал в Наркоминдел: «Из беседы сегодня с Дельбосом выяснил, что даже и после провала системы невмешательства французы не сразу (если вообще когда-нибудь) установят «свободу коммерции» с Валенсией. Они намерены в этом случае снять контроль со своей границы, предоставить свободу транзита, но не снимут эмбарго на оружие»². Суриц, указав Дельбосу, что «позиция, которую он собирается занять, представляется не совсем последовательной», сказал: «Свертывая на путь применения обычных норм международного права, нелогично сохранять эмбарго на оружие, а с точки зрения помощи это привело бы к еще большему закреплению односторонности снабжения Франко, так как нет сомнений, что снабжение его итальянцами и немцами примет еще большие размеры»³. Французский министр в ответ не отрицал возможности снятия эмбарго «в будущем», но тут же выразил надежду на достижение компромисса с фашистами. «Таким приемлемым компромиссом, — писал далее Суриц, — он считает признание права воюющей стороны, предоставленного, однако, лишь после того, как из Испании будут удалены волонтеры»⁴. Таким образом, Дельбос присоединился к плану Идена и стремился любой ценой спасти систему «невмешательства». 8 июля французское правительство направило ноту заинтересованным государствам, в которой писало, что «добивается соглашения о том, чтобы осуществлять полное невмешательство, действенность которого должна быть гарантирована строгим и эффективным контролем»⁵.

Эхо кровопролитных боев у самой французской границы, нараставшие протесты во Франции против предательской политики правительства, твердая позиция СССР в защиту Испанской Республики поколебали в известной мере позицию французского правительства. Оставаясь на почве «невмешательства», оно довело до сведения лондонского комитета, что с 13 июля, вплоть до осо-

¹ ДВП СССР, т. XX, с. 351.

² Там же, с. 359.

³ Там же, с. 360.

⁴ Там же.

⁵ DDF, t. VI, p. 343.

бого распоряжения, запрещает во Франции деятельность «администрации международного наблюдения за испанской границей»¹.

Главной же в тот момент заботой французского правительства, совместно с британским, было добиться компромисса с фашистами в испанском вопросе. Иден был уже готов «поставить вопрос о праве воюющей стороны даже в случае вывода не всех, а только большинства волонтеров»².

Тем временем испанское правительство обратилось к Советскому правительству с просьбой возражать, даже если возникнет «предложение о частичном признании права воюющей стороны, т. е. с распространением его только на территориальные воды или специальную прибрежную полосу»³. Советское правительство, учитывая эту просьбу законного правительства Испании, решительно заявило «о непризнании за Франко права воюющей стороны ни при каких условиях»⁴.

14 июля британское правительство внесло предложение о признании права воюющей стороны за Франко при условии частичного вывода иностранных добровольцев. 16 июля этот план рассматривался в комитете по невмешательству и был принят большинством (в том числе Францией) за основу дальнейших переговоров. Сам Дельбос не только поддержал план Англии, но и неоднократно пытался добиться согласия правительства СССР на предоставление Франко права воюющей стороны. Возражая Дельбосу, советский полпред Суриц указал: «Увод волонтеров — фикция, а признание Франко — реальность»⁵.

С тех пор французское правительство, вслед за британским, стало ориентироваться на победу Франко в Испании. В отчетах французских дипломатов своему правительству отчетливо прослеживается эта позиция. Так, в телеграмме от 23 июля посол Эрбетт в самых радужных красках рисовал Дельбосу отношения франкистского «правительства» с Францией и Англией, «когда будет достигнута окончательная победа генерала Франко». 26 июля Эрбетт снова сообщил Дельбосу о том, что положение Франко упрочилось, особенно после взятия фаши-

¹ Ibid., p. 354.

² ДВП СССР, т. XX, с. 371.

³ Там же, с. 365.

⁴ Там же, с. 382.

⁵ Там же, с. 744.

стами Бильбао. «Правительство (фашистская хунта.— С. Ст.) убеждено,— писал посол,— что в результате удаления иностранных добровольцев, если оно осуществится в обоих лагерях одновременно и эффективно, армия Саламанки не будет заметно ослаблена, в то время как для армии Валенсии это будет означать роковой удар»¹. 24 августа временный поверенный в делах в Валенсии Жан Пайяр писал Дельбосу: «В настоящее время как в международном, так и в военном аспектах баланс сил все больше и больше складывается в пользу мятежников. Англия ныне, сдается, склоняется на их сторону».

Но пагубные результаты проводимого французской дипломатией «невмешательства» оборачивались против самой Франции. У южных границ Франции развернулись широким фронтом военные действия; из Италии, вопреки ложным заявлениям Муссолини и Франко, шли военные подкрепления испанским фашистам. Муссолини сосредоточивал в Испании крупную группировку войск. Италия требовала для себя господствующего положения во всем бассейне Средиземного моря.

Угроза окружения Франции фашистскими государствами становилась все очевиднее. Это вызывало тревогу у французской демократической общественности и усиливало давление на правительство К. Шотана. Дельбос признавал, что он подвергался сильному давлению, с тем чтобы Франция отказалась от политики «невмешательства», по крайней мере, в части, касавшейся «закрытия границы».

Руководители правительства серьезно заколебались: открыть или нет французскую границу на Пиренеях. Часть полагала, что открытие границы положит конец солидарности французского и английского правительств.

17 сентября состоялась встреча Дельбоса с Иденом в Женеве, в ходе которой были рассмотрены китайско-японский конфликт и испанские дела. Французский министр обратил внимание своего британского коллеги на то, что Италия наращивает свою военную мощь в Испании, направляя туда контингенты войск не только из метрополии, но и из колоний. Это свидетельствует, по мнению французского министра, о том, что в случае победы Франко Италия и Германия надолго останутся в Испании. «Настало время для Франции и Англии,— заключил

¹ DDF, t. V, p. 458—459, 466, 621.

Дельбос,— принять ясное решение». Иден в ответ заявил, что Англия не стоит ни за Саламанку, ни за Валенсию.

18 сентября Дельбос вручил Идену памятную записку, в которой обосновывалась «новая» точка зрения французского правительства на решение испанской проблемы¹. Французский министр заявил своему британскому собеседнику, что «итальянская сторона делает все более и более трудной для французского правительства возможность оставаться на почве невмешательства». В подкрепление своего мнения Дельбос указал на то, что Италия непрерывно усиливает свою военную мощь и укрепляет позиции в Средиземном море, которые могут оказаться весьма опасными для французских и английских интересов. «При таких условиях,—продолжал Дельбос,—следует спросить себя, не открыть ли снова границу и не разрешить ли пропуск военных материалов и волонтеров, поддерживаясь лишь от прямого вмешательства».

Иден решительно возражал против такой постановки вопроса и попытался припугнуть Францию тем, что она окажется непосредственно втянутой в испанскую войну со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Если Франция дискриминирует одну из сторон,—предупреждал Иден Дельбоса,—на деле она будет действовать в пользу Валенсии; тем самым расхождения между французской и английской политикой усилятся». Французское правительство уступило нажиму англичан, отказавшись от своего намерения открыть границу своей страны «для международного транзита» в Испанию.

27 сентября 1937 г. заместитель командующего сухопутными войсками республиканской армии Фернандес Баланьос при встрече в Валенсии, рассказав французскому военному атташе генералу Морелю о тяжелом положении на фронтах, выразил сожаление по поводу того, что «Франция недооценивает правительство Валенсии как своего союзника». Он сказал, что «новые массовые итальянские подкрепления нарушат равновесие сил до того предела, когда республиканская армия окажется не в состоянии выдержать удар»² мятежников и интервентов. Баланьос задал Морелю вопрос, нельзя ли сделать так, чтобы граница «была немного приоткрыта»³.

¹ См. DDF, t. VI, p. 815—816, 839—841.

² DDF, t. V, p. 875.

³ Ibid., p. 874.

Эта просьба была доложена военному министру Даладе, но не была удовлетворена. Французская граница осталась закрытой. Тем не менее Испанская Республика продолжала сражаться против внутренних и внешних врагов.

В этой борьбе Испанской Республике оказывали действительную помощь народы Советского Союза, демократические силы многих стран мира.

Только в 1937 году Советский Союз предоставил Испанской Республике 157 904 т различных товаров и материалов на общую сумму 92 444 тыс. рублей. В порядке военной помощи им было поставлено испанским республиканцам 806 боевых самолетов, 362 танка, 120 броневиков, 1555 артиллерийских орудий, около 500 тыс. винтовок, 340 гранатометов, 15 113 пулеметов, свыше 110 тыс. автомобилей, около 3,4 млн. снарядов, 500 тыс. гранат, 862 млн. патронов, 1500 т пороха и многое другое. На фронтах вооруженной борьбы в Испании под Мадридом, Гвадалахарой, Таруелью, Валенсией храбро сражалось около 3 тыс. советских добровольцев¹. Это были летчики, танкисты, артиллеристы, советники и инструкторы. «Наша страна,— говорил Л. И. Брежнев,— пришла на помощь испанскому народу всем, чем могла,— от дипломатической поддержки и экономической помощи до личного вклада тысяч советских добровольцев, до последнего дня вместе с испанцами защищавших баррикады Барселона и небо Мадрида»².

Трудящиеся Франции оказывали посильную материальную и военную поддержку своим испанским братьям. Около 12 тыс. французских добровольцев сражались в Испании в рядах интернациональных бригад³. Что касается правительства Шотана, то оно непрерывно добивалось отзыва французских добровольцев из Испании и усиливало блокаду Испанской Республики. Одновременно оно заверяло демократическую общественность в том, что Франция питает «глубокие симпатии», «искренние чувства» к испанскому народу.

Эта двурушническая линия правительства Шотана

¹ Военно-исторический журнал, 1971, № 7, с. 73; История второй мировой войны, т. II. М., 1974, с. 55.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, с. 121.

³ См. Торез М. Сын народа. М., 1960, с. 132.

проводилась и новым французским послом в Испании Эриком Лабонном *.

Во время встречи с Лабонном в ноябре 1937 года глава правительства Испании Негрин, характеризуя положение своей страны, заявил: «Сегодня, несмотря на усталость, неудачи и лишения, несмотря на блокаду, правительство неустанно консолидирует свои силы». Вопреки систематической подрывной деятельности «поумовцев» ** и «фаистов» ***, «моральное состояние армии хорошее, лучше, чем когда бы то ни было в прошлом. Сегодня армия не одобрит никаких переговоров о перемирии» ¹.

Негрин, высоко оценив помощь, оказанную Советским Союзом Испанской Республике, сказал, что «СССР готов и впредь оказывать нам большую помощь» ². Одновременно глава испанского правительства, отметив усиление блокады, особенно морской, заявил французскому послу, что помощь СССР при таких условиях может эффективно доставляться в Испанию только через Францию.

В ответ на это Лабонн, повторив слова о том, что Франция питала и питает «глубокие чувства симпатии» к Испании, категорически заявил: «Любое французское правительство не в состоянии при нынешнем положении вещей допустить формальные нарушения правил невмешательства». На намерение руководителей Испании разорвать морскую блокаду республики, которая, по их утверждению, располагает достаточными морскими и другими средствами, Лабонн реагировал резко отрицательно.

«Франция,— заявил в конце беседы Негрин,— при своем явном и сердечном сочувствии ничего не может сделать для нашего вооружения, в то время как на виду у всего мира Германия и Италия делают все возможное для наших врагов; какую помощь мы можем извлечь для себя из вашей симпатии и вашего сочувствия к нам?»

Слова, сказанные премьер-министром Испанской Республики, раскрывали истинный смысл и пагубные последствия «невмешательства» Франции в испанские события, разоблачали лицемерие, которым французская дипломатия пыталась его прикрывать.

* Эрик Лабонн был назначен послом при правительстве Испанской Республики 8 октября 1936 г., сменив на этом посту Эрбетта.

** Троцкистов.

*** Анархистов.

¹ DDF, t. VII, p. 504—507.

² Ibid.

2

ПОИСКИ ФРАНЦУЗСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПУТЕЙ К СГОВОРУ С ФАШИСТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

1. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1936—1937 ГОДАХ И ПРИЧИНЫ ЕГО СЛАБОГО РАЗВИТИЯ

Глава французского правительства Л. Блюм заявил в сенате 25 июня 1936 г. о том, что Франция связана и «застрахована союзом с СССР»¹. Развитие событий в Европе и за ее пределами со всей остротой выдвигало вопрос о необходимости укрепления отношений Франции с ее союзниками, и прежде всего с Советским Союзом.

Франция могла успешно развивать свои отношения с СССР в экономической, технической, политической и военной областях на основе заключенного 2 мая 1935 г. советско-французского договора о взаимной помощи в интересах обоих народов. Именно этого ожидал народ Франции: рабочие, крестьяне и средние слои в городах. Этого хотели коммунисты и левые социалисты, многие республиканцы и профсоюзные активисты. Но этого не желали и этому противились представители реакционной буржуазии, фашисты как внутри Франции, так и за ее пределами². Французский посланник в Праге де Лакруа признавал, что в Париже и в Лондоне существует «сильная оппозиция, которая проявляется против сотрудничества с Советским Союзом в английских консервативных и некоторых французских кругах»³.

После прихода к власти Народного фронта можно было ожидать, что тенденция к сотрудничеству с СССР возобладает во внешней политике Франции, принесет поль-

¹ Annales du sénat. Débats parlementaires 1936, t. CXXIV. P., 1937, p. 593—595.

² См. Thorez M. Oeuvres, t. XIV, p. 182—191; см. также Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques. P., 1961, p. 226—229; Saint-Paulien. Histoire de la collaboration. P., 1964, p. 12, 47.

³ DDF, t. III, p. 701.

зу советскому и французскому народам и хорошо послужит делу мира. В самом деле, на конференции в Монтрё совместными усилиями советской и французской дипломатии был достигнут серьезный положительный результат: 20 июля 1936 г. конференция приняла новую конвенцию о Черноморских проливах, которая учитывала особые интересы черноморских государств, в том числе двух союзников Франции — СССР и Румынии¹. «Конференция признала, хотя, правда, в недостаточной еще степени, особые права черноморских стран в Черном море и в пользовании проливами, а также особое географическое положение Черного моря, к которому не совсем должны быть применены понятия об абсолютной свободе морей»².

В данной конвенции воплотились в определенной мере принципы коллективной безопасности государств всего черноморского региона.

Решения конференции в Монтрё и позитивное участие в ней Франции, а на заключительной стадии — и Англии пришлось не по вкусу фашистским диктаторам Германии и Италии. Франсуа-Понсэ писал 15 июля в донесении Дельбосу, что «здесь опасаются того, как бы державы, представленные на конференции, не повернулись спиной к Германии и Италии. Англия, в своем стремлении подшутить над Муссолини^{*}, в конце концов приняла франко-советский тезис относительно возможного применения советского пакта о Дарданеллах». В Берлине даже склонны были рассматривать итоги конференции в Монтрё как первую попытку создания «блока, объединяющего две западные державы (Англию, Францию) и СССР»³.

Любые попытки делового сотрудничества между западными странами, особенно Франции, с Советским Союзом постоянно вызывали отрицательную реакцию и противодействие руководителей фашистской Германии. Гитлеровская дипломатия применяла самые изощренные методы, чтобы не только не допустить углубления и расширения сотрудничества между Францией и СССР, но и добиться аннулирования советско-французского договора о взаимной помощи.

¹ См. Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 148—160; см. также DDF, т. II, р. 511, 538, 648, 685; т. III, р. 47.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, с. 165.

^{*} Французский дипломат намекает на непоследовательность и неискренность позиции английского правительства. — С. Ст.

³ DDF, t. II, р. 685.

Что касается правительства Блюма, то оно в вопросе союзных отношений между Францией и Советским Союзом вскоре пошло на поводу у французской реакции, английских консерваторов и фашистских диктаторов Германии и Италии.

В июне 1936 года в правительственных сферах Франции рассматривался вопрос о значении обязательств Франции и СССР, определенных договором о взаимной помощи 1935 года. В момент заключения этого договора обе стороны решили, что в дополнение к нему будет подписана военная конвенция, определяющая способы и размеры взаимной помощи союзников на случай их вооруженной борьбы против агрессора. Но возглавлявшие в 1935—1936 годах французское правительство П. Лаваль, а затем А. Сарро отказались подписать такую конвенцию. Казалось, новое правительство Франции, опиравшееся на Народный фронт, должно было бы вернуться к этому вопросу и решить его положительно. 26 июня состоялось заседание постоянного Комитета национальной обороны* под председательством военного министра Даладье, на котором рассматривались задачи обороны страны в свете международной обстановки. Но никто из членов этого комитета не затронул вопрос о необходимости подкрепления советско-французского договора о взаимной помощи военной конвенцией¹.

30 июня политический отдел Кэ д'Орсе представил Дельбосу докладную записку, в которой о советско-французском договоре 1935 года говорилось, что его «действенность была поставлена» в полную зависимость от пакта, заключенного в Локарно в 1925 году, что данный договор «является только двусторонним соглашением, не предусматривающим гарантийных обязательств со стороны третьего государства»². Из данной оценки вытекало прежде всего то, что раз Локарнский пакт, аннулированный Гитлером в марте 1936 года, больше не действует, то утратил свою силу и договор о взаимной помощи между СССР и Францией. Это показывает истинное отношение французских дипломатов к союзному договору, кото-

* Постоянный Комитет национальной обороны был утвержден правительственным декретом 6 июня 1936 г. вместо существовавшего до того времени Верховного военного совета.

¹ См. DDF, t. II, p. 553—561.

² DDF, t. VI, p. 264.

рый, по признанию самого премьера Блюма, «страховал» Францию от ее внешних противников.

Советское правительство, учитывая, что во Франции к власти пришел Народный фронт, настойчиво ставило вопрос перед правительством Блюма о необходимости расширения и углубления сотрудничества между СССР и Францией в экономической, научно-технической, культурной, дипломатической и оборонной областях¹.

Однако Блюм, его заместители Шотан, Даладье, министр иностранных дел Дельбос явно не торопились. В течение почти трех месяцев (июнь — октябрь 1936 г.) Франция была представлена в Москве всего лишь временным поверенным в делах Ж. Пайяром. Это одно из свидетельств того, что правительство Блюма пассивно относилось к вопросу активизации деловых контактов Франции с СССР. Между тем в августе 1936 года Германия ввела у себя двухлетний срок военной службы — акт, больше всего задевавший интересы Франции².

СССР, учитывая возрастающую угрозу со стороны Германии многим европейским государствам, в сентябре 1936 года пригласил Францию к совместному сотрудничеству в деле организации надежной безопасности в Европе на основе принципа европейской солидарности и мирного сосуществования народов. Советский Союз предложил заключить пакт о взаимной помощи с участием Франции, СССР, Польши, государств Малой и Балканской Антанты³. В начале октября М. М. Литвинов встретился в Женеве с Блюмом и обсудил с ним эти и другие важнейшие международные вопросы. Данная встреча еще раз подтвердила нежелание французских руководителей приступить к реализации неотложной защиты от агрессии. «Блюм не отвергает идею более широкого пакта взаимопомощи., — телеграфировал Литвинов 5 октября, — но до локарнской конференции * он ничего не будет предпринимать»⁴. Блюм отказался нанести визит в Москву. Контакты его правительства с правительством СССР продолжались на уровне временного поверенного

¹ См. ДВП СССР, т. XIX, с. 428—429, 432, 448—449, 461—462, 549 и др.

² Там же, с. 409.

³ Там же, с. 461.

* Имеется в виду предполагавшаяся конференция для рассмотрения вопроса о новом Локарно.

⁴ Там же.

в делах. А последний предпринимал попытки представить правительству Франции предложения СССР в совершенно извращенном виде. «Настойчивость призывов Литвинова к укреплению европейской безопасности, как и к применению технических средств,— телеграфировал в Париж Пайяр,— может быть объяснена стремлением вызвать у нас страх относительно нашей собственной изоляции на Западе и возродить во Франции чувство общности франко-русских интересов перед лицом германской опасности»¹. В другом донесении из Москвы Пайяр пытался представить внешнюю политику СССР лишь как «русско-национальную», защищающую только «национальные» интересы, испытывающую на себе «все большее и большее влияние идеологии».

Активное сотрудничество Советского Союза в международных делах, по мнению французского дипломата, повлекло бы за собой вмешательство СССР во внутренние дела других государств и усиление его давления на их правительства². Пайяр намеревался вызвать у своего правительства как можно больше подозрений к миролюбивой внешней политике СССР.

В сентябре 1936 года правительство Блюма приняло решение назначить послом в СССР Р. Кулондра, но последний прибыл в Москву только 5 ноября и начал свою деятельность с резкой критики состояния франко-советских отношений. «Наши отношения,— говорил он 12 ноября М. М. Литвинову,— задержанные (в своем развитии.— С. Ст.) вопросом о долгах, сегодня омрачены идеологической агитацией»³. Он тут же попытался возложить на СССР ответственность даже за «социальные волнения» во Франции, за деятельность Французской коммунистической партии, не приведя при этом в доказательство ни одного факта. Нарком СССР дал достойный отпор французскому послу, указав на то, что Советский Союз никогда не вмешивался и не вмешивается во внутренние дела других стран, в том числе и Франции. «Почему многочисленные французские партии могут вырабатывать свои программы действий, выступать на митингах и в печати по собственному разумению и почему такая способность оспаривается за коммунистической партией,— говорил Литвинов Кулондру.— Мы заявляли не раз, что

¹ DDF, t. III, p. 436.

² Ibid., p. 558—559.

³ Ibid., p. 748.

никакого отношения не имеем ни к тактике ФПК в целом, ни к выступлениям ее отдельных представителей»¹. В резюме заявления послу Франции нарком СССР, желая освободить советско-французские отношения «от засоряющих их элементов» и в целях их оздоровления, писал: «Советское Правительство неоднократно заявляло, что одним из руководящих принципов его внешней политики является полное невмешательство во внутренние дела других государств. Этому принципа оно, как и его представители в Париже, строго придерживается в своих отношениях с Францией. Оно никогда не пыталось и не намерено пытаться оказывать какое бы то ни было давление на политические партии Франции. Не составляет из этого исключения и Французская коммунистическая партия»².

Далее нарком СССР, отметив, что французский посол, по существу, приглашал Советское правительство к вмешательству во внутренние дела Франции, заявил ему, что правительство СССР «ни на одну минуту не могло бы встать на этот путь, нарушив принцип невмешательства»³, и что советско-французские отношения только выиграют, если французское правительство «раз и навсегда освободится от подобных предположений»⁴. 18 ноября Дельбос и полпред СССР в Париже В. П. Потемкин обсуждали вопросы безопасности как обеих стран, так и общеевропейской безопасности перед лицом новых угрожающих выступлений и действий Гитлера и Муссолини. Дельбос интересовался достоверностью слухов о японо-германском соглашении против СССР и тем, не произойдет ли серьезного столкновения между СССР и Германией.

По первому вопросу Потемкин ответил Дельбосу ссылкой на сообщение ТАСС*, а по второму вопросу полпред заявил, что «Германия нас не запугает... Мы считаем, что для нападения на нас ей нужно еще многое подготовить технически и политически. Легче напасть на союзника Франции Чехословакию, даже на саму Францию»⁵.

¹ ДВП СССР, т. XIX, с. 550.

² Там же, с. 551.

³ Там же, с. 552.

⁴ Там же.

* См. Известия, 1936, 18 ноября.

⁵ ДВП СССР, т. XIX, с. 594.

Из ответов и объяснений Дельбоса по существу затронутых в беседе вопросов можно было сделать лишь один вывод. что французское правительство не стремилось серьезно ни к углублению франко-советских отношений, ни к организации действенной системы безопасности в Европе, способной остановить Гитлера и Муссолини. Оно лишь уповало на возможное совещание держав — членов Локарнского пакта, которое, по его мнению, могло воссоздать «обновленное Локарно».

26 ноября в Москве Литвинов и Кулондр снова подробно обсудили «вопрос о франко-советских отношениях и условиях их оздоровления». Литвинов, вопреки желанию Кулондра представить взаимоотношения СССР и Франции в необъективном и даже «нездоровом» свете, заявил, что «наши отношения оздоровил» покойный Луи Барту в бытность свою в 1934 году министром иностранных дел Франции и что сейчас они могут развиваться на здоровой и взаимовыгодной основе.

В правительстве Блюма были сторонники развивать советско-французские отношения именно на такой здоровой и взаимовыгодной основе. Министр авиации П. Кот 15 июня 1936 г. интересовался у временного поверенного в делах СССР во Франции состоянием советско-французского сотрудничества в области авиации и «в самых дружественных выражениях высказал свое мнение о необходимости всяческого расширения этого сотрудничества»¹. П. Кот выдвигал идею организации «индустриальной взаимопомощи» между Францией и СССР, а равно и с другими странами, с которыми его страна имела пакты о взаимной помощи. Такая взаимная помощь, по его мнению, должна была иметь место как в мирное, так и в военное время. 23 июля он предложил руководителям французского правительства добиться максимального увеличения военно-воздушных сил своей страны на основе развития тесного военно-технического сотрудничества с рядом зарубежных стран, и прежде всего с СССР, с которым Франция связана договором о взаимной помощи².

5 сентября П. Кот, не получив ответа на свои предложения, снова письменно повторил их премьер-министру и министру иностранных дел Франции. Дельбос ответил

¹ ДВП СССР, т. XIX, с. 305.

² См. DDF, t. III, p. 67.

на первое письмо П. Кота только 27 сентября, то есть спустя два месяца.

Дельбос, «соглашаясь» в принципе с предложением П. Кота о развитии военно-технического сотрудничества Франции с СССР, обставил это «согласие» целым рядом серьезных оговорок: следует учесть настроение английского общественного мнения, соображения Германии, которая сочтет это сотрудничество как «практическое осуществление политики ее окружения», неизбежные «трудности» транспортировки материалов и готовой продукции, сохранения секретности и др.

Что касается Советского правительства, то оно с большим желанием пошло навстречу предложениям французского министра П. Кота в деле организации технического сотрудничества между СССР и Францией. По его инициативе обе стороны обменялись летом 1936 года делегациями специалистов. СССР разместил во Франции взаимовыгодные заказы на моторы, станки и оборудование¹.

Советский Союз проявил инициативу и в деле организации советско-французского сотрудничества в оборонной области. Но французский военный министр Даладье, формально не отвергая советских предложений, считал, что только в будущем «появится возможность вести переговоры с советским генеральным штабом»². Одновременно французские военные руководители с большим подозрением отнеслись к тому, что касалось возможных военных контактов между Прагой и Москвой, и всячески мешали их плодотворному развитию. Советская сторона действовала по-иному. Она, учитывая быстро возрастающую угрозу миру в Европе со стороны фашистских агрессоров, предлагала французской стороне в ближайшее время обсудить и разработать совместные конкретные оборонные меры против возможной агрессии. 17 сентября 1936 г. во время военных маневров в СССР, на которых присутствовала французская военная миссия, К. Е. Ворошилов обратил внимание генерала Швейсгута на то, что «планы Гитлера предусматривают нападение на Францию, что она перед лицом такой угрозы не может ослаблять свои оборонные усилия»³. Но в от-

¹ См. ДВП СССР, т. XIX, с. 375—376, 392.

² DDF, t. III, p. 511.

³ Ibid.

ветах представителя французского генштаба на данное предостережение сквозили явная недооценка германской угрозы¹, известное неверие в боевую мощь Красной Армии*. Генерал Швейсгут также пытался приписать Советскому Союзу какие-то далеко идущие «тайные» планы.

«Война между Францией и Германией, — утверждал в своем отчете Швейсгут, — не только представляется ему (СССР. — *С. Ст.*) выгодной тем, что ввиду отсутствия общей границы (германо-советской. — *С. Ст.*) почти все советские вооруженные силы окажутся вне конфликта и что СССР, подобно Соединенным Штатам в 1918 году, выступит в роли арбитра перед лицом истощенной войной Европы»².

Даладьё 13 октября 1936 г. направил Дельбосу копию отчета Швейсгута, сопроводив ее своими замечаниями о «трудностях», на которые могут натолкнуться франко-советские военные переговоры, и в том числе, в частности, на нежелание некоторых дружественных Франции государств вызвать у Германии подозрения относительно их стремления «окружить ее». Французская сторона действительно постоянно создавала трудности франко-советскому сотрудничеству. Полпред Потемкин указывал, что «затруднения с нашими военными заказами во Франции вызывают сомнения в действительной заинтересованности французского правительства в укреплении вооруженных сил СССР»³.

С осени 1936 года Советский Союз все настойчивее ставил вопрос перед Францией о необходимости организации самого эффективного сотрудничества в оборонной и оборонно-технической областях, которое следовало определить в конвенции, дополняющей советско-французский договор о взаимной помощи. Уклоняясь от прямых ответов на советские предложения, французская сторона

¹ DDF, t. III, p. 513.

* Заместитель начальника генерального штаба французской армии Швейсгут в своей беседе с временным поверенным в делах СССР во Франции дал очень высокую оценку боевой готовности и технической оснащенности Красной Армии (см. ДВП СССР, т. XIX, док. 282, с. 448—449), а в своем официальном отчете французскому военному руководству явно умалил эти ее качества (см. DDF, т. III, p. 510—513).

² DDF, t. III, p. 511.

³ ДВП СССР, т. XIX, с. 429, 549.

запросила 9 января 1937 г. советскую сторону о том, какую помощь мог бы оказать Франции Советский Союз в случае нападения на нее Германии¹. Запрос носил односторонний характер; предусматривался единственный случай — нападение Германии на Францию, но не предусматривалась агрессия Германии против Чехословакии или нападение на СССР.

17 февраля 1937 г. полпред в Париже В. П. Потемкин, сообщил премьер-министру Л. Блюму ответ генштаба СССР*, который гласил: «1. В случае, если Польша и Румыния дадут согласие на проход советских войск через свою территорию, Советский Союз придет на помощь жертве агрессии всеми видами оружия. 2. Если Польша и Румыния не согласятся пропустить советские войска, соединения Красной Армии придут во Францию морским путем, будет оказана также помощь военно-воздушными силами». И в том и в другом случае Советское правительство было готово оказать помощь Франции военно-морскими силами, а также поставлять бензин, мазут, масла, марганец, моторы, танки, потребительские товары и т. д. В этих целях предлагалось заключить специальное соглашение. В ответе указывалось, что СССР готов оказать соответствующую военную помощь и Чехословакии.

Советская сторона, в свою очередь, желала бы знать, на какую помощь Франции может рассчитывать при нападении со стороны Германии. Каким способом должна быть определена эта помощь? Какое оружие поставит Франция Советскому Союзу?²

Блюм, направляя 27 марта свои записи о встрече с В. П. Потемкиным Дельбосу, указывал: «Если имеются другие возможные предложения, касающиеся договора Франции с СССР, то их следует подготовить»³.

Обращает на себя внимание то, что Блюм не выразил своего отношения к советским предложениям по существу, а обратил внимание министра лишь на необходимость «подготовить другие возможные предложения». Если этот документ сопоставить с показаниями Блюма в

¹ См. ДВП СССР, т. XX, с. 703—704.

* В тот же день данный ответ был сообщен французскому генштабу.

² См. ДВП СССР, т. XX, с. 703—704.

³ DDF, t. IV, p. 788.

специальной комиссии Национального собрания Франции (март 1947 г.)¹, то станет ясно, что французский премьер-министр отнесся к заключению военной конвенции между Францией и СССР, в которой нуждалась прежде всего Франция, равнодушно, если не сказать больше. Показания Блюма в комиссии Национального собрания Франции о том, что французский генштаб по вопросу о заключении военной конвенции хранил тогда «преднамеренное молчание»², не соответствуют действительности. Генштаб французской армии и другие ее руководящие военные органы вовсе не отмалчивались.

Военное министерство Франции 15 апреля 1937 г. в своей докладной записке относительно возможности заключения военного соглашения между СССР и Францией отмечало, что, поскольку СССР не имеет общей границы с Германией, французскому и советскому генштабам надлежит изучить способы, которые обеспечили бы действия Советских Вооруженных Сил³. Но при этом на первый план выдвигался вопрос о проходе советских войск через Прибалтику, а не через Польшу и Румынию, как предлагала советская сторона. В мае 1937 года французским генштабом была составлена докладная записка о возможных последствиях франко-советских контактов по военной линии, в которой указывалось, что в Совете Лиги наций не может быть достигнуто единодушие по вопросу применения советско-французского договора, что аннулирование Локарнского пакта исключает возможность сохранения в силе этого договора, что заключение военной конвенции между Францией и СССР вызвало бы отрицательную реакцию и недоверие в Германии, Польше и Румынии, а также не было бы одобрено в Англии⁴. 9 июня 1937 г. французский генштаб направил правительству новую докладную записку, в которой делался вывод, что «в нынешних условиях было бы благоразумным воздержаться от ведения военных переговоров» с СССР⁵. Следовательно, факты свидетельствуют, что французский генштаб не просто «преднамеренно молчал», а, наоборот, активно сопротивлялся заключе-

¹ См. *Les événements*. P., 1951, p. 128.

² *Ibid.*

³ DDF, t. V, p. 448, 449.

⁴ *Ibid.*, p. 825.

⁵ DDF, t. VI, p. 50—52.

нию советско-французского военного соглашения. Сотрудничество срывалось из-за сопротивления влиятельных реакционных элементов во Франции, на поводу у которых шли правительства Блюма, а затем Шотана. В основе их сопротивления лежало убеждение в том, что после ремилитаризации Рейнской области устремления фашистской Германии будут обращены на Восток и что СССР якобы настолько слаб, что вряд ли сможет сам выстоять «в трудной войне»¹. Кроме того, каждая попытка как с советской, так и с французской стороны улучшить взаимоотношения между СССР и Францией встречала противодействие со стороны консервативных правящих кругов Англии.

Систематическую подрывную деятельность, направленную на ухудшение франко-советских отношений, вели германские фашисты, широко используя методы дезинформации, клеветы и запугивания «опасностью коммунизма». Они, в частности, распускали слухи о том, что СССР якобы готов изменить курс своей политики в отношении Франции. Советским дипломатам неоднократно приходилось давать отпор этим необоснованным слухам. М. М. Литвинов 17 апреля 1937 г. телеграфировал в Париж и Прагу, что «циркулирующие за границей слухи о нашем сближении с Германией лишены каких бы то ни было оснований»². Советские полпреды во Франции В. П. Потемкин, а затем Я. З. Суриц, выполняя инструкции своего правительства, постоянно стремились к дальнейшему улучшению и расширению дружественных связей между СССР и Францией. Этого нельзя сказать относительно деятельности французского посла в Москве Кулондра.

Кулондр, как свидетельствуют опубликованные документы, «старался выискивать» отрицательные моменты во внутренней и внешней политике СССР. В своих донесениях из Москвы, относящихся к периоду с ноября 1936 по январь 1938 года, Кулондр пытался приписывать миролюбивой внешней политике Советского Союза какие-то «скрытые замыслы и цели», силился «доказать» прогрессирующую слабость Красной Армии, выдумывал наличие «открытых форм» национализма и сепаратизма

¹ См. Mourin M. Les relation franco-soviétique, 1917—1967. P., 1967, p. 223.

² ДВП СССР, т. XX, с. 174—175, 185—186 и др.

в Советской Украине, якобы «угрожающих существованию» самого Советского Союза*¹.

Французские реакционные дипломаты, аккредитованные в других странах, подобно Кулондру, «собирали» всякого рода вымыслы о Советском Союзе, состоявшем в союзных отношениях с Францией. Французский дипломат Массигли, «почерпнув» сведения в каких-то женевских кругах, 15 сентября 1937 г. предупредил министра о «чувствительном ослаблении силы армии Советского Союза». Временный поверенный в делах в Берлине Ламарль 13 января 1938 г. информировал Дельбоса о том, что в германских военных кругах настойчиво утверждали, что «Россия находится накануне тяжелых внутренних потрясений». Французское посольство в Ватикане в январе 1938 года сообщило о том, что в дипломатических сферах считают, что Германия не была бы столь опасной, если бы ей помогали «удовлетворить свои аппетиты за счет России, за счет Украины»². Посол Корбен из Лондона систематически докладывал Дельбосу о том, что британское правительство противилось любой попытке улучшения франко-советских союзных отношений.

16 января 1938 г. Кулондр выразил М. М. Литвинову недовольство тем, что советские власти якобы не показали французским офицерам-стажерам всех научно-исследовательских институтов, авиационных заводов и авиачастей, с которыми они хотели познакомиться. Советский нарком заметил в ответ французскому послу, что во Франции наблюдается все большее и большее охлаждение к СССР и, читая французскую прессу, можно задать вопрос, объединяет ли еще обе страны пакт о взаимной

¹ DDF, t. VI, doc. 35, 54, 65, 76, 73, 90, 122, 144, 162, 183; t. V, doc. 233; t. VII, doc. 92, 491.

* «Приходится констатировать, — писал замнаркома Потемкин полпреду СССР во Франции Сурицу, — что нынешний официальный представитель Франции в Москве менее всего способен или расположен противодействовать охлаждению своего правительства к сотрудничеству с СССР. Вы сами мне сообщали о характере донесений Кулондра в Париж. Нам известно, что и в Москве Кулондр действует не так, как полагалось бы послу дружественной нам страны. Он ведет с представителями дипкорпуса паникерские разговоры. Он собирает антисоветские сплетни... Не хватал с неба звезд и Альфан (посол Франции в СССР с июня по ноябрь 1936 г. — С. Ст.). Все же в сравнении с ним Кулондр представляется мелкотравчатым обывателем» (ДВП СССР, т. XX, с. 673).

² DDF, t. VII, p. 102; t. VI, p. 788; t. VII, doc. 452, 418.

помощи. Кулондр, всячески оправдываясь, заявлял, что позиция французского правительства в отношении СССР не изменилась, о чем свидетельствует заявление Дельбоса 29 октября на съезде радикалов, но тут же, вопреки всякой логике, пытался возложить ответственность за возникновение «антикоминтерновского пакта» на советскую пропаганду. Сообщая содержание своей беседы с Литвиновым, Кулондр писал Дельбосу, что «создался более чем порочный круг, в котором оказались франко-советские отношения»¹.

Несмотря на трудные условия, советская дипломатия продолжала стремиться к улучшению отношений с Францией и другими странами Запада в целях поисков путей сопротивления агрессорам.

2. ПЕРЕГОВОРЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С ГИТЛЕРОМ В ЦЕЛЯХ ДОСТИЖЕНИЯ «СОГЛАСИЯ» И ИХ ПРОВАЛ

Министр иностранных дел Дельбос, выступая 25 июня 1936 г. во французском парламенте, заявил: «В нашем отношении к Германии нет никакой неясности, и мы будем искать с ней согласия»². Спустя несколько дней премьер-министр Блюм, проконсультировавшись предварительно с Лондоном и Брюсселем, сделал предложение Гитлеру начать переговоры об урегулировании европейских проблем.

В угоду влиятельным элементам французского капитала, стремившихся к урегулированию спорных вопросов и классовому сотрудничеству с германскими монополиями, правительство Блюма стало прилагать упорные усилия к достижению «согласия» с Гитлером. Важную роль в попытках достижения этой цели играл посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсэ.

4 июля 1936 г. Франсуа-Понсэ сообщил в Париж, что Германия принимает меры к тому, чтобы сделать невозможным новое «сердечное соглашение» между Англией и Францией. 15 июля он подробно осведомился в МИД Германии относительно возможного участия Германии в предполагаемом новом локарнском пакте. Министр иностранных дел Нейрат заявил послу, что заключение

¹ Ibid., t. VII, p. 434, 435, 551.

² Débats parlementaires. 1936. T. Unique. P., 1937, p. 21.

такого пакта следует отложить до осени, когда прояснится общая обстановка в Европе¹. 24 июля французский, английский и бельгийский послы посетили политического директора МИД Германии Дикгоффа и предложили начать переговоры о заключении нового пакта на основе «мирных предложений» Гитлера и французских предложений от 8 апреля 1936 г.

На следующий день Франсуа-Понсэ, сообщая итоги встречи с Дикгоффом, писал Дельбосу: «Германия согласится на выработку и заключение нового локарнского пакта, но при условии.., что он не будет предусматривать восстановление демилитаризованной зоны и установление отношений, подобных тем, которые существуют у Франции с СССР, и не будет иметь тех последствий, которые имеет франко-советский пакт»². Этот документ безусловно свидетельствует о явной антисоветской направленности франко-германских контактов.

Гитлеровский дипломат далее утверждал, что новое Локарно не должно включать такие «пустопорожние, амбициозные и бесплодные принципы, как коллективная безопасность и неделимость мира»³.

Гитлеровская дипломатия если и допускала на словах возможность заключения нового Локарно, то оно должно было быть лишь замкнутой западноевропейской империалистической группировкой держав, направленной против СССР и обеспечивающей свободу действий Германии в Центральной и Восточной Европе. Несмотря на всю одиозность заявления гитлеровского дипломата, французский посол полагал, что надо продолжать контакты с германским правительством на сформулированной Гитлером основе.

В начале августа 1936 года правительство Блюма направило в Берлин нового директора Французского банка Лабейри. Во время переговоров, которые Лабейри вел с президентом рейхбанка Шахтом, речь шла о подготовке финансово-экономической сделки между французским и германским правительствами, выгодной Гитлеру.

Вскоре Гитлер принял решение направить Шахта в Париж для «далеко идущего политического зондирова-

¹ См. DDF, t. II, p. 591, 691.

² Ibid., p. 57.

³ Ibid.

ния». В день опубликования данного решения, 24 августа, Франсуа-Понсэ имел продолжительную беседу с Шахтом. По словам Шахта, он рассчитывал обсудить в Париже с французскими руководителями ряд вопросов: идею добровольного ограничения вооружений, проекты экономических соглашений. «Все это, — говорил Шахт, — необходимо пронизать духом сознания Гитлера, который все больше и больше тревожится опасными успехами советских финансов и прогрессирующей угрозой большевизации континента»¹. Франсуа-Понсэ, выслушав Шахта, заверил его, что он «встретит в Париже самое полное понимание», ибо взгляды французских руководителей совпадают со взглядами Шахта. «Я без колебаний советую, — писал Франсуа-Понсэ, — вести переговоры с директором рейхсбанка глубоко и откровенно»².

Гитлером 24 августа был подписан декрет о введении в вермахте двухлетнего срока военной службы. Военный декрет от 24 августа мог позволить рейху, по мнению иностранных дипломатов и военных специалистов, довести к началу 1937 года численность своих вооруженных сил до 800—900 тыс.³

Учитывая крайне отрицательную реакцию, вызванную во Франции декретом Гитлера, Франсуа-Понсэ поспешил заверить свое правительство в том, что новое военное мероприятие Германии направлено прежде всего против СССР и меньше всего — против Франции. Он по-прежнему рекомендовал французским руководителям оказать Шахту самый теплый прием и вести с ним искренние и глубокие переговоры.

Шахт прибыл в Париж 26 августа и сразу же встретился с Лабейри, а затем приступил к переговорам с французскими руководителями по широкому кругу «политических и экономических вопросов». Он пытался обратить их внимание на то, «какими опасностями чревата коммунистическая пропаганда»⁴. Он настойчиво советовал Дельбосу и Блюму, чтобы Франция аннулировала свой союзный договор с СССР.

Затем Шахт потребовал открытия французских рынков для сбыта германских товаров. «Я должен сказать

¹ DDF, t. III, p. 275.

² Ibid.

³ Ibid., p. 277—278, 280, 293.

⁴ Le Temps, 27.VIII.1936.

как хозяйственник, — заявил Шахт, — что если вы не хотите, чтобы мы использовали наши машины для производства оружия, если вы не хотите, чтобы мы наших безработных превратили в солдат, то откройте нам рынки»¹. В качестве первого «лояльного акта» французы, по мнению гитлеровского эмиссара, должны были открыть для немецких товаров Камерун.

Шахт очень упорно пытался убедить своих французских собеседников в том, что рейх вовсе не собирается воевать против Франции, а вооружается он лишь против «русской угрозы».

Вторая встреча Шахта с Блюмом состоялась через день, 28 августа.

«Вы спрашивали нас, — начал французский премьер, — хотим ли мы протянуть нить или оборвать ее. Мы не хотим ее рвать. Вы предложили нам подумать. Мы продумали ваше предложение в двух аспектах. Я вчера пытался подвести итог и представить его себе с наибольшей точностью в виде двух колонок»². В ответ раздался голос Шахта: «Дебет и кредит».

Блюм: «Да. С одной стороны, имеется предложение создать совместно систему гарантирования всеобщего мира и подготовить сокращение вооружений. Мы готовы к такому усилию. Условия нелегкие: существуют трудности психологического порядка и трудности объективные. Но именно потому, что усилие является наиболее трудным, оно нам кажется необходимым. Мы хотим предпринять все, чтобы исключить войну, так как не хотим, чтобы война становилась все более угрожающей. Мы не боимся войны. Наше внешнее и внутреннее положение более прочно, чем оно было несколько месяцев назад. Есть некоторые вещи, которые вы должны хорошо понять, — это народное движение, которое влило в нас силу народа».

Шахт: «Да, коммунизм стал национальным».

Блюм: «Нет, не столько это. Национальное чувство, которое приняло другую форму. Вследствие этого Франция не дрожит перед войной, но она не хочет войны».

Шахт: «Мы тоже не хотим ее больше. Никто в Германии ее не хочет»³.

¹ Berliner Tageblatt, 27.VIII.1936.

² DDF, t. III, p. 307.

³ Ibid.

Блюм: «Хорошо. Но рассмотрим вопрос конкретнее. Вы нам предложили всеобщую систему безопасности, предусматривающую прямые гарантии некоторым державам, как, например, Франции, и косвенные гарантии некоторым другим державам, как, например, СССР. Вы не берете на себя обязательств в отношении Советской России, а какое обязательство вы возьмете перед нами, касающееся ее? Я пытался представить себе все это хотя бы приблизительно. Я могу понять лишь то, что касается строгого соблюдения гарантий. Ну, а в вопросе разоружения? Как можно представить себе конвенцию о сокращении вооружений, в которой СССР не будет сигнатарием? Как, в частности, вы представляете конвенцию, поскольку вооружения СССР объявляются вами в качестве причины или предлога ваших собственных вооружений?»¹.

В этой риторической тираде Блюма явно выделяется его «понимание» того, что Гитлер не возьмет на себя строгого соблюдения даже косвенных гарантий безопасности в отношении СССР. Из слов Блюма можно сделать вывод о том, что при некоторых условиях Франция не будет препятствовать «свободе рук» Германии в отношении СССР.

Шахт, отвечая на вопросы Блюма, говорил: «Естественно, я не могу представить себе подобной конвенции без участия СССР. Но нет надобности немедленно ставить этот вопрос. Надо положить начало, и тогда решение вопроса будет продвигаться вперед. Перед моим отъездом я встречался с Гитлером, и он одобрил общее направление моих предложений... но необходимо, чтобы его духом были проникнуты некоторые понятия»². Из приведенного заявления Шахта вытекало два вывода: СССР не должен привлекаться к участию ни в каких соглашениях, которые могут быть заключены Германией с западными державами; духом нацизма должны быть проникнуты понятия и термины в предполагаемых соглашениях. Перед столь наглой постановкой вопроса Блюм вынужден был заявить следующее: «Необходимо хорошо понять, что мы не откажемся ни от каких наших обязательств, ни от наших друзей. Мы не предпримем ничего,

¹ Ibid., p. 307—308.

² Ibid.

что могло бы вызвать подозрение у государств, на которые мы можем рассчитывать в случае тяжелого кризиса»¹. Шахт ответил сразу, что он это хорошо понимает.

Блюм, продолжая разъяснять цели политики своего правительства, раскрыл Шахту понятие «некоторых условий». «Мы могли быть союзниками Берлина», и он, как премьер Франции, «убежден, что французы с пониманием отнеслись бы и к германо-польскому, и германо-австрийскому договорам»². Но ведь если первый договор (январь 1934 г.) имел своей целью по меньшей мере втянуть Польшу в орбиту политики фашистской Германии, то второй (июль 1936 г.) являлся шагом на пути к осуществлению аншлюса. Шахт, оценив авансы, которые готов был дать Блюм Гитлеру в отношении Центральной и Восточной Европы, одобряюще и многозначительно заявил: «Ваши доводы вполне резонны. Ничего не может совершиться ни быстрее, ни легче, чем это возможно». После этого Блюм поинтересовался у Шахта, не предусматривает ли германское правительство более «широкой по сравнению с Лигой наций конференции с участием США и Японии». Получив утвердительный ответ своего германского собеседника, Блюм стал обосновывать тезис о том, что в таком широком блоке могут ужиться фашистские и демократические капиталистические государства³.

«Да, — говорил Блюм, — мы абсолютно ни к чему не смогли бы прийти, если бы мы возвели между идеологиями непреодолимые барьеры; я говорю вам об этом с полной откровенностью; ведь я не только француз, но марксист и еврей»⁴. Чтобы склонить Германию к участию в предполагаемом блоке, Блюм предложил привлечь к переговорам по колониальному вопросу Англию. Но Шахт сказал, что «этот предмет следует изучить потом».

Тогда Блюм спросил Шахта, нельзя ли договориться о созыве в ближайшее время конференции государств — участников Локарнского пакта.

Шахт: «Нам надо сперва убедиться в том, что соглашение возможно».

¹ DDF, t. III, p. 308.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 309—310.

Блюм: «Мы пошли бы на конференцию пяти, как это было предусмотрено на совещании в Лондоне»*.

Шахт: «Согласен».

Блюм: «Я готов немедленно начать переговоры».

Шахт: «Нет, надо подождать. Я должен доложить о нашей встрече канцлеру и убедиться в том, что он ее одобряет». Шахт обещал, что сообщит ответ на предложения Блюма письменно через французского посла в Берлине.

Шахт: «Надо продвигаться вперед в области торговли».

Блюм: «Но успех в этой области зависит не только от нас»¹.

Блюм предложил достичь хотя бы какого-нибудь «перемирия», чтобы умиротворяюще повлиять на французское общественное мнение, которое после событий 7 марта 1936 г.** крайне отрицательно относилось к фашистской Германии. Однако и это предложение французского премьера не нашло положительного отклика у Шахта***. Переговоры отразили наличие глубоких противоречий между Францией и Германией.

Полпред Я. З. Суриц писал 28 августа 1936 г. из Берлина, что «после введения двухлетнего срока службы Германия должна считаться с фактом нового углубления франко-германских противоречий и разногласий»². Гитлер стремился получить от Франции значительные выгоды, ничего конкретного не обещая взамен. Гитлеровцы особенно упорно добивались аннулирования Францией ее договора о взаимной помощи с СССР, что привело бы к серьезному ослаблению французских позиций в Европе. «Если бы германской политике, — говорил в то время Геринг Муссолини, — удалось разрубить узел, связыва-

* 23 июля 1936 г. в Лондоне состоялось совещание глав правительств Англии, Франции и Бельгии, на котором было решено поставить вопрос о созыве в ближайшее время конференции главных участников Локарнских соглашений 1925 года.

¹ DDF, t. III, p. 309—310.

** Вступление немецких войск в демилитаризованную зону Рейнской области.

*** Анализ записи переговоров Блюма с Шахтом опровергает сделанное им заявление В. П. Потемкину о том, что он стоял за коллективную безопасность в Европе (см. ДВП СССР, т. XIX, с. 431).

² ДВП СССР, т. XIX, с. 410.

ющий Париж и Москву, это бы явилось несомненно большим успехом для держав „оси”»¹.

Французская дипломатия и после визита Шахта в Париж продолжала стремиться к достижению согласия с германским правительством. Посол Франсуа-Понсэ сообщил Дельбосу, что Шахт вынес из своей поездки во Францию впечатление о возможности «кое-что предпринять» в пользу франко-германского сближения, но что препятствием на этом пути, по мнению немцев, продолжает оставаться «франко-русский договор». «Пакт Париж — Москва представляется им кошмаром и является причиной всеобщего волнения в Европе»². Накануне своего отъезда в отпуск, 2 сентября, Франсуа-Понсэ имел продолжительную беседу с Гитлером, во время которой канцлер ему заявил, что доклад Шахта о поездке в Париж вызвал у него «живой интерес» и что он «позволит Шахту следовать тем же путем».

Французский посол, со своей стороны, ясно дал понять, что французское правительство готово во имя заключения нового Локарно пожертвовать франко-советским договором о взаимной помощи. «Письмо, адресованное председателем совета министров М. Торезу*, — заявил Франсуа-Понсэ, — свидетельствует, что социализм и коммунизм далеки от слияния. Они находятся в состоянии конфликта. Главное состоит в том, чтобы прийти к локарнской конференции и достичь на ней заключения пакта, который постепенно повлечет за собой общее урегулирование европейского кризиса»³. «Европа измучена большевизмом, — прокричал в ответ послу фюрер. — ...Советы в настоящее время минировали территорию Польши, Чехословакии, Румынии, Бельгии и Франции. Огромной силы взрыв рискует произойти в любой момент. Необходимо всеми средствами сопротивляться опасным действиям и чудовищным планам Ко-

¹ Les archives secrètes du comte Ciano. 1936—1942. P., 1946, p. 81.

² DDF, t. III, p. 335.

* Речь идет об ответе Блюма на письмо Генерального секретаря ФПК председателю совета министров Франции от 26 августа 1936 г., в котором было сказано: «В то время как Гитлер осуществляет ускоренную гонку вооружений, смертельно угрожающую миру во всем мире и самой безопасности Франции, не кажется ли Вам, что те почести, которые оказываются президенту рейхсбанка, затрагивают честь нашего народа и приносят вред делу мира» (L'Humanité, 27.VIII.1936).

³ Ibid., p. 497.

минтерна»¹. Только он и Муссолини, уверял Гитлер французского посла, в состоянии предотвратить эту «грозную опасность», нависшую над Европой.

Гитлеровские тирады, проникнутые антикоммунизмом и антисоветизмом, произвели сильное впечатление на французского дипломата. «Франко-русский пакт является заблуждением, страшной ошибкой, — писал он Дельбосу после своей беседы с фюрером. — Гитлер не может понять, как мы могли ее совершить. Будущее Франции является предметом его глубокого беспокойства». В Париже Франсуа-Понсэ в беседах с государственными деятелями и дипломатами настаивал на том, что гитлеровский декрет о введении двухлетнего срока воинской службы вызван исключительно военными приготовлениями Советской России и поскольку вопрос об Эльзас — Лотарингии и Сааре полностью урегулирован, существует полная возможность достижения «согласия» между Германией и Францией.

Но Гитлер и его окружение стремились не к достижению «согласия» с Францией, а к подрыву ее внутреннего положения, аннулированию ее договоров с СССР, Польшей, Чехословакией.

По словам французского временного поверенного в делах Ламарля, в Берлине считают Францию врагом № 1 среди стран Западной Европы и все чаще можно слышать вопрос: «Долго ли Германия будет терпеть коммунистическую Францию своим соседом? Когда, наконец, она придет к выводу, что связи, которыми Франция опутана, сделают войну с ней необходимой?»². Франсуа-Понсэ после своего возвращения в Берлин уверял гитлеровского дипломата Дикгоффа в том, что «предположения об установлении во Франции коммунистического режима являются необоснованными» и что линия французского правительства на достижение «согласия» с Германией остается прежней. Германский министр иностранных дел Нейрат, стремясь подтолкнуть Францию к отказу от договора с СССР, заявил французскому послу 13 декабря: «Что касается Германии, то она готова взять на себя обязательство ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне против Франции»³.

¹ DDF, t. III, p. 497.

² Ibid., p. 361.

³ Ibid., p. 509.

Франсуа-Понсэ настолько был пленен и дезинформирован Гитлером и его дипломатами, что «проглядел» действия германского и итальянского правительств, приведшие к заключению соглашения, оформившего агрессивный союз — «ось» Берлин — Рим. Он телеграфировал Дельбосу 26 октября, что «во время визита графа Чиано между Германией и Италией не было подписано никакого договора, никакого пакта...»¹. После опубликования официального сообщения о том, что 25 октября 1936 г. итальянский министр иностранных дел Чиано подписал с правительством Германии соглашение, Франсуа-Понсэ принялся уверять свое правительство в том, что данное соглашение не имеет серьезного значения и ничего нового не вносит в германо-итальянское сотрудничество. Немецко-фашистская печать, иронизируя над французским правительством, которое представлял в Берлине Франсуа-Понсэ, ставила вопрос: «Чего же ожидали французы?» Безусловно, Блюм, Дельбос, Франсуа-Понсэ и их сторонники рассчитывали на совершенно другой результат. Но они явно просчитались. Вместо желаемого ими франко-германского «согласия» появилась «ось» Берлин — Рим, оформившая агрессивный германо-итальянский союз. 18 ноября правительством Германии было официально объявлено о признании испанской фашистской хунты в качестве правительства Испании. Итало-германские интервенты все глубже проникали в Испанию, угрожая Франции с юга. Что касается французских дипломатов, аккредитованных в Берлине и Риме, то они упорно информировали свое правительство, что Германия и Италия предпринимают новые военные мероприятия лишь «на случай советской агрессии»².

В то время когда Германия подготавливала заключение «антикоминтерновского пакта» с Японией, французскому послу в МИД Германии то старались «вселить надежду» на скорое достижение франко-германского «согласия», то «пугали» возможностью создания «треугольника» Берлин — Рим — Лондон в целях полной политической изоляции Франции³.

Тем временем в Германии стали громко раздаваться голоса реваншистов, требовавших аннексии Эльзаса и

¹ DDF, t. III, p. 622.

² Ibid., p. 629, 631, 635, 691, 802.

³ Ibid., p. 802.

Лотарингии. Франсуа-Понсэ, со своей стороны, отмечал, что правительство рейха удвоило усилия к тому, чтобы развалить Малую Антанту, что оно настойчиво заигрывает с югославским, румынским и чехословацким правительствами, «применяя по отношению к ним все средства давления»¹.

Над этими странами реально возрастала угроза быть втянутыми в сферу германской и итальянской политики. Руководители Чехословакии и Румынии летом 1936 года предложили французскому правительству заключить военно-политический союз. Чехословацкое правительство представило даже проект такого союзного договора. Но французское правительство в октябре 1936 года предложило Чехословакии, Югославии и Румынии «отложить любые официальные переговоры, касающиеся укрепления связей Франции с Малой Антантой, пока продолжаются локальные переговоры (имеется в виду заключение нового локального пакта. — *С. Ст.*), чтобы не дать Германии предлога уклониться от участия в них или нанести удар другим переговорам»². Английский посол Кларк в беседе с Дельбосом 15 февраля 1937 г. высказал предостережение, что «эти новые соглашения в настоящих условиях являются нежелательными, так как они могут явиться для Германии поводом говорить о ее окружении»³. Вопрос о заключении договора между Францией и Малой Антантой остался открытым.

Тем временем Гитлер и Муссолини вбивали в Малую Антанту один клин за другим. 24 марта 1937 г. Нейрат не без удовольствия заявил, что «Малая Антанта начала трещать»⁴. 23 марта Чиано и югославский премьер М. Стоядинович подписали договор о ненападении и сотрудничестве между Италией и Югославией. В Берлине этот договор расценили как поражение политики Малой Антанты и Франции. Когда французская дипломатия в марте 1937 года вернулась к вопросу о возможности заключения военно-политического договора между Францией и Малой Антантой, было уже поздно. Явно рушилась французская система союзов в Восточной Европе. А Блюм и Дельбос то и дело напоминали германскому послу в Париже И. Вельчеку, что они «согласны начать

¹ DDF, t. IV, p. 697.

² Ibid., doc. 391.

³ Ibid., p. 772.

⁴ DDF, t. V, p. 262.

прямые переговоры с целью достичь взаимопонимания с рейхом». Но Берлин упорно молчал.

30 января 1937 г. Гитлер произнес в рейхстаге речь, в которой миролюбивые заверения чередовались с явными угрозами в адрес Франции. 3 февраля на обеде в честь дипломатического корпуса Франсуа-Понсэ заявил Гитлеру, что его речь расценена во Франции «как внушающая мало надежды и слабо способствующая прогрессу всеобщего урегулирования, которое избавило бы Европу от тягот и кошмаров»¹. Гитлер в ответ обвинил французов в том, что они «ослеплены коммунизмом» и не отдают себе отчета, что помимо своей воли движутся навстречу «тяжелому кризису». «Вместе с тем, — писал Франсуа-Понсэ, — Гитлер повторил мне, что одним из его самых сокровенных желаний являлось стремление добиться сближения обеих стран»².

7 января 1937 г. Геринг заявил послу: «Я повторяю, мы хотим жить с вами в полном согласии. Но мы не можем сказать, что мы вечно будем довольны настоящим положением в Европе»³. После беседы с Нейратом 18 февраля Франсуа-Понсэ писал в Париж, что тактика германских руководителей состоит в том, чтобы развеять впечатление о себе как о сторонниках войны, «успокоить» другие нации и помешать им объединиться. Они продолжают вооружаться, одновременно «стремятся изменить окружающий их политический климат и придать своим отношениям с Францией внешне примирительную форму»⁴.

Французский военный атташе генерал Ренондо писал военному министру Даладьё 3 марта 1937 г. о тактике гитлеровцев следующее: «Германия не сможет закончить формирование и оснащение своей армии по меньшей мере до осени 1938 года, и до этих пор она не будет ввязываться в конфликт»⁵.

Такова была политическая атмосфера, когда в Париж со вторым визитом прибыл Шахт (25—29 мая 1937 г.). Гитлеровский эмиссар намеревался разрешить ряд очень важных вопросов: получить от Франции заем, добиться улучшения условий сбыта германских товаров

¹ DDF, t. IV, p. 695.

² Ibid.

³ Ibid., p. 137.

⁴ Ibid., p. 811—812.

⁵ DDF, t. V, p. 87.

на французском рынке, снабжения германской промышленности французским колониальным сырьем, возвращения германских колоний, наконец, достичь нового ослабления отношений Франции с СССР и другими союзными ей государствами. Последнее являлось одной из самых главных целей германского правительства.

Министр финансов Ориоль в беседе с Шахтом, касавшейся условий предоставления займа, заявил, что Германия должна будет погасить сумму займа в золотой валюте на основе существовавшей во Франции процентной ставки и дать согласие на уменьшение гонки вооружений. Шахт пришел в ярость: «Я немедленно возвращаюсь в Берлин», — заявил он своему собеседнику. Однако на следующий день, 28 мая, он имел с Блюмом длительный разговор. «Прежде всего должна быть изучена возможность политического урегулирования, — заявил Блюм Шахту. — К вопросам об экономических льготах, поставках сырья, к решению всех других проблем такого рода следует приступить лишь тогда, когда появится уверенность, что политическое урегулирование возможно». «Это вопрос о методике подхода к проблемам, а не существо самой проблемы», — пытался возражать Шахт. Блюм, однако, продолжал призывать немцев начать переговоры об общем урегулировании европейских проблем, ограничении вооружений, возвращении Германии в Лигу наций. Затем Блюм долго распространялся относительно того, что франко-германское сближение является одним из факторов укрепления мира в Европе, настаивая на заключении нового Локарно. Шахт прервал Блюма репликой: «Как сам премьер представляет себе совместимость обязательств Франции в отношении некоторых стран с будущими франко-германскими обязательствами?» «Может быть, посредством других пактов о ненападении», — последовал ответ Блюма. Из слов Блюма вытекало, что, если Франция возьмет на себя обязательства в отношении Германии, она фактически откажется от таковых в отношении своих союзников¹. Но этого аванса гитлеровцам оказалось недостаточно. Они и на сей раз оставили французские предложения без ответа. 19 июня 1937 г. Франсуа-Понсэ в беседе с Нейратом, выразив удивление по поводу молчания германского

¹ См. DDF, t. V, p. 793—794, p. 806—809; Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse, t. I. P., 1950, p. 109.

правительства в ответ на новые французские предложения, заявил ему: «Складывается впечатление, что Шахт дезавуирован и что германское правительство отказалось встать на путь, проложенный им»¹ (Шахтом. — С. Ст.). Нейрат сказал послу, что сейчас неподходящий момент для обсуждения этого вопроса. Так, несмотря на все усилия французской стороны, никакого прогресса в улучшении франко-германских отношений достигнуто не было.

В осенние месяцы 1937 года германо-итальянские интервенты и мятежники Франко на широком фронте подошли к южным границам Франции. Германия интенсивно укрепляла «ось» Берлин — Рим, готовилась нанести удары по Австрии и Чехословакии. Из Берлина не поступало никаких сведений о возможном визите Шахта, с которым французское правительство связывало продолжение переговоров с Германией. Но французское правительство, возглавляемое в то время радикалом К. Шотаном, по-прежнему упорно стремилось к достижению «согласия» с фашистской Германией. 20 октября 1937 г. Франсуа-Понсэ передал в МИД Германии предложение созвать конференцию в составе представителей Англии, Франции и Германии, чтобы попытаться решить испанский вопрос².

Атташе-секретарь Макензен отверг предложение французского посла, заявив, что такая инициатива являлась бы попыткой «разъединить Германию и Италию». Когда зашла речь об Австрии, Макензен указал, что Гитлер и Муссолини того мнения, что положение в данной стране «становится все более и более тяжелым и с этим надо кончать». Относительно «оси» Берлин — Рим Макензен уверял Франсуа-Понсэ, что она не направлена против кого-либо и «преследует только миролюбивые цели». Но миролюбивые фразы гитлеровских дипломатов — это одно, а агрессивные действия Германии — другое.

«Ось» Берлин — Рим «нажимала» на Францию. Гитлер давил на французских союзников в Восточной Европе, Муссолини тревожил Францию в Средиземном море и Северной Африке: высадил войска на Майорке, направил новые войска в Ливию, чтобы усилить напряжен-

¹ DDF, t. VI, p. 155—157.

² Ibid., doc. 502; t. VII, p. 17, 29—31, 96.

ность на границах Туниса и Алжира, вводил в строй в Средиземном море новые военные корабли.

МИД Франции решил выяснить отношение германского правительства к факту высадки итальянских войск на острове Майорка и к отправке Муссолини новых военных контингентов в Ливию. Нейрат 19 октября в беседе с Франсуа-Понсэ не только не «придал этому сообщению серьезного значения»¹, но и постарался перевести разговор на тему о внутренних делах Франции. Он выразил «радость по поводу результатов» состоявшихся во Франции кантональных выборов*, как и ко всему тому, что «может отдалить Францию от коммунизма». «Чем меньше будет влияние коммунизма во Франции, тем лучше будут ее отношения с Германией», — поучал гитлеровский министр. «Нейрат, однако, не скрывает, — писал Франсуа-Понсэ Дельбосу, — что, по его мнению, время для франко-германского разговора еще не пришло. Продолжение испанской войны делает его деликатным и рискованным. Но министр убежден, что этот час настанет»². Когда речь зашла о чехословацком вопросе, Нейрат заявил, что «Чехословакия не согласилась на предоставление судетским немцам культурной автономии», а именно эта, как и другие, уступка могла бы «изменить и полностью урегулировать германо-чешские взаимоотношения».

Фашистская Германия тем временем продолжала усиленно вооружаться; ее главари все реже говорили французским руководителям о возможности достижения «согласия» Германии с Францией. Эта их формула являлась всего лишь одним из тактических приемов фашистской дипломатии, рассчитанным на дезориентацию Франции и выигрыш времени.

Генерал Ренондо, французский военный атташе в Берлине, доносил военному министру Даладьё о том, что численность гитлеровского вермахта значительно превысила 36 дивизий и что на северо-западе и юго-западе страны расквартированы вновь сформированные 4-я и 5-я танковые дивизии³.

¹ DDF, t. VII, p. 175.

* Увеличилось число голосов, поданных за представителей реакционных партий.

² Ibid., p. 175, 176.

³ Ibid., p. 320—321.

5 ноября 1937 г. Гитлер совещался в имперской канцелярии со своими политическими и военными советниками и принял решение не позднее 1938 года захватить Австрию и Чехословакию¹. Франсуа-Понсэ в тот же день в своем донесении Дельбосу писал: «Германия отдает себе отчет в том, что ей трудно получить удовлетворение в этой области (колониальной. — С. Ст.). Но она, при необходимости, будет осуществлять действия силой в европейских районах, которые в действительности интересуют ее больше: Дунайский бассейн, Украина или Прибалтика»². Ноябрьские донесения Франсуа-Понсэ в Париж полны сообщений об «удовлетворенности», царившей в руководящих сферах рейха по поводу присоединения Италии к «антикоминтерновскому пакту», о том, что Гитлер требует от канцлера Австрии К. Шушнига введения в правительство членов австрийской национал-социалистской партии, о резком ухудшении германо-австрийских отношений, о том, что в Берлине с интересом ожидают Галифакса, «визит которого предпринимается по инициативе Лондона»³.

Особый интерес у французского посла вызывало все то, что было связано с предстоящим визитом Галифакса в Берлин. Но ни английский посол Гендерсон, ни Вильгельмштрассе не информировали его.

27 ноября посол телеграфировал в Париж, что Шахт, попав в опалу, ушел в отставку с поста министра экономики рейха⁴. Рушились последние надежды на франко-германское «согласие», предусмотренное планами Блюма — Шотана.

На попытку Франсуа-Понсэ ознакомить немцев с итогами конференции французских и английских министров, состоявшейся 28—29 ноября в Лондоне, Нейрат заявил, что «Германия не согласится на всеобщее урегулирование на основе принципов неделимости мира и коллективной безопасности и всего того, что связано с этим», что «рейх не согласится обсуждать с третьими державами проблемы своих собственных отношений с Австрией или Чехословакией»⁵.

¹ См. ADAP, Bd. I, Dok. 19.

² DDF, t. VII, p. 333, 336, 337.

³ Ibid., doc. 196, 220, 226, 232, 251, 258, 269.

⁴ См. DDF, t. VI, p. 498.

⁵ Ibid., p. 471.

Тем не менее Франция продолжала свои заигрывания с фашистской Германией. Не случайно в середине декабря 1937 года с «частным» визитом в Берлине оказался П. Э. Фланден, председатель «альянса демократии» — реакционной буржуазной партии. В результате бесед с Нейратом, Геббельсом, Герингом и Шахтом он пришел к следующим выводам относительно целей германской внешней политики: Германия не возвратится в Лигу наций и не примирится ни с какой «иной» системой коллективной безопасности; в первую очередь ее интересует Центральная Европа, а не колонии, и она осуществит присоединение Австрии, а затем выдвинет свои притязания на Чехословакию и Югославию; Германия не занимает совсем отрицательной позиции в отношении «гуманизации войны и ограничения вооружений»; ее руководители демонстрируют «добрую волю прийти к соглашению с Францией»¹.

Само будущее соглашение между Германией и Францией, по мнению Фландена, должно основываться на следующих положениях: Франция со своим стабильным населением и громадной империей сохраняется как континентальная держава; она предоставляет Германии, стране, занимающей центральное положение на континенте, но с непрерывно растущим населением, «возможность свободно развивать свои энергичные усилия в Дунайском бассейне и Центральной Европе, которые являются естественными территориями, где она должна расширять свое влияние»².

Вслед за Фланденом германскую столицу посетил фашиствующий французский журналист Жорж Скапини. После встречи с Гитлером Скапини заявил на пресс-конференции, что фюрер относится гораздо «примирительнее» к Франции, чем Гесс и Геринг, и что он лишь очень «печется» о судетских немцах и Австрии. Что же касается колониальной проблемы, то она в настоящее время не имеет для Германии актуального значения³. Таким образом, Скапини вслед за Фланденом повторял гитлеровское предложение Франции: отказаться от Центральной и Восточной Европы и довольствоваться своей колониальной империей. Франсуа-Понсэ, работая в Бер-

¹ DDF, t. VII, doc. 343, 346, 347, 351.

² Ibid., p. 707.

³ Ibid., p. 742.

лине в самом тесном контакте с английским и американским послами, собирал и докладывал в Париж такие сведения и данные, которые настораживали тогдашних руководителей Франции и в конце концов заставляли их пойти на новые уступки Гитлеру. В канун 1938 года Франсуа-Понсэ прислал Дельбосу донесение, переполненное самыми «неприятными» для Франции сведениями и нелепыми измышлениями в адрес ее союзника — СССР. По мнению немцев, говорилось в донесении, Советский Союз значительно ослабел: Красная Армия «не способна вести наступательные действия», «СССР парализован внутренними конвульсиями». США, дескать, капитулируют перед японским и германским империализмом; союзы, которые могли бы служить преградой против германских притязаний, рушатся, авторитет и значение Лиги наций исключительно низко пали. «Война в Абиссинии и события на Дальнем Востоке, — делал вывод посол, — подорвали веру малых стран в систему коллективной безопасности»¹.

В донесениях французского дипломата, проникнутых духом капитулянтства, чередовались ложь в отношении СССР и правда о том, что западные державы отступают перед угрозами Гитлера, Муссолини и японской военной, преувеличение достигнутой к тому времени военной мощи фашистской Германии. Так, в донесении от 6 января 1938 г., приводя цифры и факты роста вооружений рейха, Франсуа-Понсэ утверждал, что германская армия почти равна армиям Франции, Чехословакии и Польши, вместе взятым, и гораздо лучше их оснащена современным оружием и боевой техникой². Германия, сообщал Франсуа-Понсэ, готовит молниеносную войну (Blitz Krieg) против Австрии и Чехословакии и может пойти на такую же войну и против Франции. Все это писалось для того, чтобы доказать, что у Франции нет другого выхода, как пойти на унижительную капитуляцию перед агрессорами.

Фашистская Италия, используя склонность французских руководителей к достижению «согласия» и уступки, на которые они шли Муссолини, интенсивно вооружалась и становилась грозной силой для Франции у ее юго-восточных границ и на Средиземном море. 2 декабря

¹ DDF, t. VII, p. 800; doc. 51.

² Ibid., p. 845.

1937 г. французский дипломат Гуерен донес из Рима Дельбосу, что всеми своими действиями итальянские руководители ведут дело к войне. «Муссолини избирает политику авантюр, — писал дипломат, — уверенный в том, что для ее осуществления в будущем не может быть более благоприятных условий, чем теперешние»¹.

Французские дипломатические представители в Италии рекомендовали своему руководству признать Италию «империей» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это опять была рекомендация уступки со стороны Франции, чтобы купить себе хорошее отношение итальянских фашистов! «Граф Чиано, как нам показалось, — писал Блондель Дельбосу 6 января 1938 г., — с большим оптимизмом настроен рассмотреть с нами крупные проблемы 1938 года, разрешения которых мы намереваемся достигнуть»².

Итальянская дипломатия применяла в контактах с французскими представителями тот же прием, что и германская: обещать в будущем соглашение с Францией, получать от нее возможные уступки сейчас, ничего ей не давая взамен.

Советник итальянского посольства в Ватикане советовал французскому послу Шарле-Ру: «Признайте завоевание нами Эфиопии, и через два месяца взаимоотношения между Италией и Францией перестанут быть напряженными»³. Шарле-Ру обратил внимание своего итальянского собеседника на то, что сотрудничество Муссолини с Гитлером может оказаться опасным для самой Италии. «Мы эффективно делаем политику престижа (т. е. вместе с Германией. — С. Ст.), — отвечал советник, — и мы ее вынуждены делать: это судьба всех авторитарных правительств, это плата за ограничение внутренней свободы. Необходимо предоставить народу эту пищу. Но, добившись дипломатического успеха — признания империи, наш режим смог бы посвятить свои усилия делам внутреннего порядка, например делу создания настоящей корпоративной организации».

Итальянский дипломат здесь же пригрозил французам, что, «если пройдут месяцы без достижения данного результата (т. е. признания захвата Италией Эфио-

¹ DDF, t. VII, p. 564—568, 757

² Ibid., p. 830.

³ Ibid., p. 852—853

нии. — С. Ст.), — мы можем стать более требовательными по мере того, как возрастет наша мощь»¹.

Советник далее заявил, что Италия вскоре спустит на воду еще два крейсера и новые подводные лодки и будет располагать в Средиземном море 12 крейсерами и многими другими военными судами. Когда французский посол спросил своего итальянского собеседника, как отнесется Италия к гитлеровским притязаниям в Восточной Европе, последний ответил, что Германии следует «помочь удовлетворить свои интересы за счет России, за счет Украины». Итальянский представитель старался убедить посла Франции в том, что Италия, захватив Эфиопию, больше никаких других территориальных притязаний не преследует.

В Берлине, как и в Риме, французским дипломатам говорилось о том, что Гитлер и Муссолини не имеют никаких территориальных притязаний к Франции и что сфера их интересов лежит в Восточной Европе. На самом деле наряду с «восточными интересами», то есть агрессией против СССР и других восточноевропейских стран, Германия и Италия вынашивали и планы нанесения удара по Франции. Вооружения Германии и Италии, несмотря на известное преувеличение их уровня французскими дипломатами, к началу 1938 года значительно возросли численно и качественно и представляли существенную угрозу безопасности Франции. Вот почему, несмотря на все усилия французских руководителей склонить Гитлера и Муссолини к «согласию», руководители фашистских держав не желали ни в какой степени связывать себе руки каким бы то ни было соглашением с Францией.

3. ВИЗИТ И. ДЕЛЬБОСА В ВОСТОЧНУЮ И ЮГО-ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

С осени 1937 года фашистская Германия еще больше усилила давление на страны Центральной и Восточной Европы. Германия наводняла своими «туристами» Польшу, насаждала нацизм и антисоветизм, усиливала германизацию Данцига (Гданьска). Германский генштаб непрерывно формировал новые воинские части и соединения и демонстративно расквартировывал их у границ

¹ DDF, t. VII, p. 853.

своих восточных и юго-восточных соседей. Геринг в октябре 1937 года заявил американскому послу в Берлине, что «целью рейха является аннексия Австрии, ...в отношении Судетов Германия имеет тот же замысел...»¹. Геббельс в декабре в самой категорической форме заявил Фландену о том, что вопрос о Данциге касается только Германии и Польши и что он должен быть урегулирован исключительно ими. «Разногласие по вопросу о судетских немцах, — продолжал гитлеровский министр пропаганды, — давно было бы урегулировано, если бы Франция и Англия в это дело не вмешивались»².

В ноябре 1937 года германский посланник в Австрии Папен, приезжавший в «частном порядке» в Париж, в разговоре с вице-премьером Блюмом поставил условием франко-германского сближения «предоставление Германии свободы рук в Австрии»³.

Франсуа-Понсэ докладывал из Берлина в начале января 1938 года о том, что гитлеровцы вынашивают идею осуществления «внезапности» нападения и «молниеносной войны» против Австрии и Чехословакии»⁴. Германские фашисты широко использовали антибольшевизм как предлог для вмешательства во внутренние дела и внешнюю политику других государств, в особенности государств Восточной Европы⁵.

Нет сомнения в том, что агрессивные действия германских фашистов в Восточной Европе имели совершенно явное антисоветское острие. Но они были направлены и против Франции. Гитлер, добиваясь уничтожения восточноевропейского звена французской «системы союзов», стремился разорвать союзные отношения Франции с Чехословакией и Польшей, а особенно с СССР. На западе Гитлер рассчитывал, на основе сговора с консервативной Англией и влиятельными изоляционистскими элементами США, оставить Францию одну, лицом к лицу с Германией. Патриоты Франции были охвачены в связи с этим тревогой и требовали от руководителей страны противопоставления гитлеровскому натиску. В такой ситуации возникла и стала подготавливаться поездка француз-

¹ DDF, t. VII, p. 847.

² Ibid., p. 687.

³ Ibid., p. 418.

⁴ Ibid., p. 843, 847.

⁵ Ibid., p. 844.

ского министра иностранных дел в Польшу и в страны Малой Антанты.

В Париже кое-кто верил в то, что эта поездка подбодрит французских союзников на востоке Европы и укрепит их солидарность с Францией, а реакционные буржуазные элементы полагали, что планируемый вояж Дельбоса можно будет использовать для достижения империалистической сделки с Гитлером за счет восточно-европейских стран, своим острием направленной против СССР. На этом акцентировали внимание Чемберлен и Иден, когда на лондонском совещании 29—30 ноября 1937 г. обсуждался вопрос о целях предстоящей поездки Дельбоса в Восточную Европу¹. В результате Дельбос выехал в Польшу и другие союзные с Францией страны, писал поверенный в делах СССР в Польше Б. Виноградов, «не столько в качестве министра иностранных дел Народного фронта, сколько в качестве представителя английских и французских группировок, стремящихся к соглашению с Германией, хотя бы даже ценою больших уступок»². Ход и исход визита Дельбоса в Восточную Европу полностью подтвердили точку зрения советского дипломата.

Обращает на себя внимание тот факт, что французский министр отказался включить в программу своей поездки посещение Москвы, но 3 декабря, проездом через Берлин в Варшаву, встретился на Силезском вокзале с германским министром иностранных дел Нейратом. «Мы демонстрируем нашу волю к разрядке и соглашению, отмечаем прогресс, происшедший со времени Лондона в нашем взаимопонимании», — таковы были первые слова Нейрата, обращенные к Дельбосу. «В Лондоне ничего не было принято, что явилось бы запретным для Германии, — отвечал Дельбос. — В Лондоне говорилось о необходимости организовать и укрепить всеобщий мир». «Германия желает всеобщего мира, — отвечал Нейрат, — но заявляет, что нельзя решить всю проблему сразу». Дельбос: «Можно решать проблему частями, установив вначале контакт»³.

Французский министр остался «доволен честью, оказанной ему Нейратом», и говорил полпреду Сурицу

¹ DDF, t. VII, p. 526—530.

² ДВП СССР, т. XX, с. 646—647.

³ DDF, t. VII, p. 596.

«о громадном впечатлении, которое наряду с его лондонским визитом этот жест Нейрата произвел на малоантантовцев и поляков». С таким радушным настроением Дельбос проследовал в польскую столицу. Польские реакционные политические круги провели значительную подготовку к визиту Дельбоса и создали соответствующую атмосферу путем бешеной антисоветской и античешской кампании в прессе. Нарком СССР Литвинов, еще накануне поручая полпреду Сурицу предупредить французского министра об этой кампании в Польше, писал: «Мы рассчитываем, что Дельбос не только не будет поддаваться на интриги Бека, но, наоборот, укажет последнему на ценность сотрудничества с СССР и заинтересованность Франции в улучшении советско-польских отношений»¹.

За полчаса до отъезда из Парижа Дельбос обещал Сурицу «быть тверже камня («никому не позволит поколебать франко-советскую дружбу») и заверил.., что он по собственной инициативе намерен был указать Беку, что теперешнее состояние польско-советских отношений тревожит Францию»².

Дельбос не только не сдержал слова, но во время своего пребывания в Польше (3—7 декабря 1937 г.) своим поведением и разговорами при встречах с польскими руководителями — маршалом Рыдз-Смиглы, президентом Мосцицким, министром иностранных дел Беком — действовал против франко-советской дружбы.

Министрами обсуждался широкий круг вопросов: итоги лондонского совещания (29—30 ноября 1937 г.), состояние отношений Польши с Францией, СССР, Чехословакией, Германией, положение Австрии, проблема Лиги наций и др. Дельбос, знакомя Бека с договоренностями на встрече в Лондоне, указал на большой интерес, проявляемый Англией и Францией к положению в Центральной Европе, «где может вспыхнуть всеобщая война»³. Бек на это почти не реагировал. Когда Дельбос заговорил о Лиге наций, Бек заявил, что она сильно ослаблена и не может играть свою роль.

Перейдя к вопросу о возможности нового «локарнского урегулирования», Дельбос уверял своего польского со-

¹ ДВП СССР, т. XX, с. 648, 635.

² Там же, с. 636.

³ DDF, t. VII, p. 613.

беседника, что оно ни в какой мере не затронет договорных обязательств Франции с другими странами, в «особенности с Польшей». Что касается Данцига, по поводу положения которого высказал озабоченность Бек, Дельбос его заверил, что Лига наций исполнит свои обязательства в отношении его статуса. Когда речь зашла об Австрии, то Бек заявил, что «он уверен в неизбежности аншлюса». Дельбос обратил внимание Бека на «возможность сопротивления попыткам аншлюса и улучшения положения в Центральной и Юго-Восточной Европе путем организации Антанты придунайских и балканских стран, к чему Франция относится положительно». Бек лишь советовал французскому министру придерживаться умеренных действий во взаимоотношениях с Италией, в особенности в испанском деле. Когда речь зашла об отношениях между СССР и Польшей, то Бек заявил, что с внешней стороны «положение является нормальным», но тут же обрушился с нападка на Коминтерн¹.

Дельбос, перейдя к чехословацкой проблеме, заявил, что Чехословакия является основным фактором сохранения мира в Европе и что в общих интересах Франции и Польши следует предотвратить обострение событий в этом районе. Французский министр даже отметил «некоторую разрядку напряженности между Польшей и Чехословакией». По мнению польского министра, наоборот, в этом деле не достигнуто никакого прогресса. Бек сетовал на «тяжелое положение» польского меньшинства в Чехословакии, всячески критиковал взаимоотношения Чехословакии с Советским Союзом, распространялся о подрывной деятельности Коминтерна, одним из центров которой якобы является Прага. Дельбос пытался обратить внимание своего собеседника на серьезную угрозу, которую таит в себе для Европы гитлеровский план создания «германской Центральной Европы». Бек этому сообщению не придал серьезного значения².

На второй беседе Дельбоса с Бекком присутствовал французский посол Ноэль. В центре их разговора был вопрос об отношении Франции и Англии к Германии. По словам Дельбоса, Бек был «приятно удивлен» достигнутой в Лондоне франко-английской солидарностью в вопросе об отношении к гитлеровскому рейху и не в мень-

¹ См. DDF, t. VII, p. 613—615.

² Ibid., p. 615.

шей мере тем, что Нейрат прибыл на Силезский вокзал приветствовать французского министра. Бек усмотрел в этом акте больше, чем просто «жест вежливости». Этим, по его мнению, немцы «желали отметить происшедшую серьезную разрядку напряженности между Францией и Германией»¹.

Бек на протяжении всех встреч клонил дело к необходимости достижения сговора Парижа и Варшавы с Берлином и к их разрыву с Москвой и Прагой². Что касается Дельбоса, то он всячески поддакивал ему в этом. «Настоящему штурму подверглись и франко-советский и чешско-советский пакты со стороны Бека при встрече последнего с Дельбосом, — писал замнаркома В. Потемкин полпреду СССР во Франции. — По-видимому, французский министр иностранных дел не сумел или не захотел противопоставить резким выпадам Бека сколько-нибудь членораздельные возражения»³. Дельбос в своих разговорах с Бекон фактически демонстрировал негативное отношение к франко-советскому пакту. Буквально в унисон провокационным заявлениям Бека о так называемой подрывной деятельности Коминтерна, который он отождествлял с правительством СССР, Дельбос «пожаловался на Коминтерн», который якобы при посредничестве французских коммунистов вмешивается во французские дела и ведет пропаганду⁴. «...В вопросе об отношении к СССР между Дельбосом и Бекон обнаружили не столько разногласия, сколько точки соприкосновения, ибо, как выясняется, Франции и Польше угрожает не гитлеровская агрессия, а Коминтерн, т. е. СССР»⁵.

Переговоры французского министра с польскими руководителями завершились неудовлетворительными результатами прежде всего для Франции. Французский посол в Варшаве Ноэль в своем донесении от 8 декабря констатировал, что данные переговоры выявили наличие разногласий по общеполитическим вопросам между Польшей и Францией⁶. Визит Дельбоса ни в какой мере не послужил улучшению отношений между двумя странами, зато воочию показал, что Польша все дальше от-

¹ DDF, t. VII, p. 625.

² Ibid., p. 617.

³ ДВП СССР, т. XX, с. 672.

⁴ Там же, с. 648—649.

⁵ Там же, с. 649.

⁶ См. DDF, t. VII, p. 623.

ходит от Франции и тяготеет к фашистской Германии. В Берлине были очень довольны тем, что Польша не дала себя увлечь на путь «коллективных методов» разрешения европейских проблем и продолжает придерживаться методов прямых двусторонних переговоров, которыми она «пользуется во взаимоотношениях с Германией»¹.

Переговоры французского министра в Варшаве безусловно нанесли серьезный вред польско-советским и польско-чешским отношениям. «Встретив явное сочувствие Дельбоса в вопросе о Коминтерне, Бек атаковал франко-советский, франко-чешский и советско-чешский пакты»².

С такими результатами переговоры с правящими кругами Польши французский министр проследовал с визитом в Румынию. Министр иностранных дел Антонеску при встрече французского министра в Бухаресте счел уместным сообщить ему, что Нейрат требует для судетских немцев «культурной автономии и экономических условий для их нормального развития». Румынский король Кароль, со своей стороны, заявил Дельбосу, что Италия, в обмен на поддержку Германией ее экспансии в Африке и Средиземном море, изменила свою политику в Центральной Европе». Далее король сказал французскому министру, что он «восхищен германским оружием и итальянскими пилотами», воюющими в Испании³. В ходе последующих встреч Дельбос и премьер-министр Г. Татареску подробно обсуждали двусторонние франкорумынские и межсоюзнические отношения Франции со странами Малой Антанты.

Анализ бухарестских переговоров французского министра иностранных дел с румынскими правящими кругами свидетельствует о том, что симпатии и надежды последних находились не на стороне Франции Народного фронта, а на стороне фашистских государств, и прежде всего гитлеровской Германии. Это нашло свое убедительное подтверждение в том, что 9 декабря, во время пребывания Дельбоса в Бухаресте, было подписано германорумынское соглашение, по которому сумма румынского импорта из Германии на 1938 год устанавливалась в

¹ DDF, t. VII, p. 662.

² ДВП СССР, т. XX, с. 650.

³ DDF, t. VII, p. 647—649.

8 млрд. лей, из которых 5 млрд. лей — на вооружение: полевую артиллерию, легкие самолеты, пулеметы и оптические приборы. Со своей стороны, Германия рассчитывала импортировать из Румынии на 8 млрд. лей нефти, не сокращая размеров вывоза хлеба, бекона, живого скота и лошадей. «Обращаю ваше внимание, — писал советский полпред в Румынии Островский в Наркоминдел СССР, — на то обстоятельство, что впервые предусмотрено массивное оснащение румынской армии из Германии, и на совпадение подписания этого соглашения с пребыванием Дельбоса»¹.

После посещения Бухареста французский министр иностранных дел направился в Югославию. В Белграде встречи Дельбоса с премьер-министром Стоядиновичем начались со взаимной информации. Первый кратко сообщил о своих переговорах в Варшаве и Бухаресте, второй, — о своей поездке в Рим и встречах там с Муссолини.

Стоядинович, говоря о заключенном им в Риме договоре о «ненападении и дружбе» между Югославией и Италией, считал, что тем самым удалось изменить «чувства Италии к Югославии». На самом же деле этот договор отразил внешнеполитическую ориентацию югославского правительства. Хотя Стоядинович и уверял французского министра, что, «если вспыхнет война, Югославия, вне всякого сомнения, немедленно будет на стороне Франции»², Дельбос в ответ заявил своему собеседнику, что «некоторые действия югославского правительства», в особенности связанные с Италией, «задели французские чувства». Он обратил внимание Стоядиновича и на то, что одновременно со сближением Югославии и Италии и заключением между ними договора о «ненападении и дружбе» усилились нападки фашистских руководителей Италии на Францию. Югославский премьер напомнил Дельбосу, что на путь сближения с Италией его раньше «толкали сами французы». Иными словами, французская дипломатия, пожиная плоды своего заигрывания с Гитлером и Муссолини, теряла еще одного своего союзника.

Тем не менее Стоядинович сказал, что он сегодня же официально заявит, что «франко-югославская дружба и

¹ ДВП СССР, т. XX, с. 645.

² DDF, t. VII, p. 696, 697.

союз являются и будут являться основой его политики». Однако французский министр упрекнул Стоядиновича в нежелании укреплять сотрудничество Югославии и других двух членов Малой Антанты с Францией. Последний в ответ заявил, что он «всегда остается приверженцем этой группировки, но полагает нецелесообразным и даже опасным раздувать ее». В этих словах югославского министра было выражено отрицательное отношение его правительства к укреплению Малой Антанты.

Завершающим этапом вояжа руководителя французской внешней политики в Центральную и Восточную Европу стали посещение им Праги и переговоры с чехословацкими правящими кругами. В Праге Дельбос встретился с министром иностранных дел К. Крофтой. В ходе беседы оба министра констатировали «полное совпадение их точек зрения по всем затронутым вопросам»¹. В беседах с президентом Бенешем центральной была проблема Судетов. В ответ на предложения лондонского совещания о том, чтобы чехословацкое правительство сделало все, что может, для судетских немцев, Бенеш заявил, что он и его правительство не предоставят судетским немцам автономии, так как это поставило бы под вопрос национальное единство Чехословакии и означало бы торговать независимостью своей страны. Далее Бенеш утверждал, что в решении судетского вопроса он полагается прежде всего на Францию, затем на Великобританию, но ни в какой мере не на СССР².

Когда речь зашла об угрозе Чехословакии со стороны Германии, Бенеш утверждал, что «он не верит в возможность возникновения войны, в особенности потому, что Германия в данное время не готова ее вести», а Чехословакия, наоборот, «в состоянии сопротивляться», имея 265 тыс. хорошо вооруженных, храбрых и дисциплинированных солдат³. Далее Бенеш отметил, что заводы Шкода работают на полную мощность, и, показав на карте богемскую линию укреплений (построенную по образцу французской линии «Мажино». — С. Ст.), заявил, что «при таких условиях его страна может нанести в течение нескольких месяцев поражение немцам». Это были только слова, ничем не оправданное бахвальство главы бур-

¹ DDF, t. VII, p. 745.

² Ibid., p. 748.

³ Ibid.

жуазной Чехословакии. На деле же он решительно одобрил действия Франции: решения лондонской конференции ноября 1937 года, турне французского министра в страны Малой Антанты и в Польшу и «план умиротворения Европы»¹.

«Согласие», которое было достигнуто в ходе переговоров Дельбоса с чехословацкими руководителями, было полностью основано на англо-французской «договоренности», разработанной в Лондоне. «Бенеш и Дельбос, — писал чехословацкий посланник в Париже Осуский, — действовали на основе линии, начертанной лондонским коммюнике. В настоящее время можно с полной уверенностью утверждать, что Чехословакия далека от того, чтобы отвергнуть новую миролюбивую акцию Англии и Франции, наоборот, она полностью присоединилась к англо-французской точке зрения»². После визита Дельбоса в Прагу германский посланник в Чехословакии Эйзенлор был уверен в том, что Бенеш под «эффективным внешним воздействием готов пойти на уступки... рейху»³. Еще более категорично Эйзенлор писал о том, что премьер Годжа «имеет намерение любой ценой достигнуть урегулирования с Германией». Посланник, сообщая Риббентропу о содержании своего разговора с французским министром иностранных дел в Праге, писал 17 декабря 1937 г.: «Дельбос не обсуждал со мной германо-чешские отношения, но много говорил о своем желании добиться ослабления напряженности между Францией и Германией»⁴.

В берлинских политических кругах, по словам Франсуа-Понсэ, высказывалось мнение, что вояж Дельбоса в Центральную и Восточную Европу не имел антигерманской направленности. Наоборот, «они полагали, что ваши усилия в Праге подтолкнули ее к почетному разрешению проблемы судетских немцев»⁵. Советские дипломаты по горячим следам событий указывали, что визит Дельбоса в Прагу ничего, кроме вреда Чехословакии, «не принес и не принесет»⁶. Действительно, визит французского ми-

¹ См. ДВП СССР, т. XX, с. 686.

² AMZV CSSR. Донесение чехословацкого посланника во Франции № 1238. Париж, 21 декабря 1937 г.

³ Les archives secrètes, t. II. P., 1953, p. 56.

⁴ Ibid., p. 52.

⁵ DDF, t. VII, p. 763.

⁶ ДВП СССР, т. XX, с. 652.

нистра в Прагу дал «новый импульс» нараставшему в правящих реакционных кругах Чехословакии капитулянтству перед Германией.

Подводя итоги своей восточноевропейской поездки, Дельбос абсолютно необоснованно утверждал, что этой поездкой были скреплены «связи, которые объединяют три государства Малой Антанты между собой и Малую Антанту с Францией и которые имели тенденцию к ослаблению»¹. Но факты показывают, что этот визит не способствовал укреплению связей внутри Малой Антанты, а также ее связей с Францией и Польшей. Отношения Польши и Чехословакии еще более ожесточились. Л. Ноэль конфиденциально сообщил Дельбосу 6 января 1938 г., что недоверие Польши к Лиге наций и к Малой Антанте «еще больше усилилось»². В Берлине полагали, что после вояжа Дельбоса появятся новые тенденции в самой французской внешней политике, что Париж не только оставит «утопию коллективной безопасности, но также смягчит систему своих союзов»³. Визит Дельбоса нанес безусловный вред сотрудничеству Франции и СССР, отношениям стран Восточной Европы с Советским Союзом. Советские дипломаты, оценивая отрицательные последствия поездки французского министра в общеевропейском плане, указывали, что «Дельбос нащупывает какие-то новые формы «умиротворения Европы» на путях примирения двух враждующих концепций (коллективная безопасность и двусторонние договоры). ...Не подлежит сомнению, что СССР во всех его комбинациях занимает чрезвычайно малое место»⁴.

Так постепенно формировался тот внешнеполитический курс французских политиков, который привел к мюнхенскому сговору.

4. ОТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ С США В 1936—1937 ГОДАХ

Французское правительство в связи с обострившимся международным положением Франции и ростом ее экономических трудностей попыталось заручиться поддержкой со стороны Соединенных Штатов. Французская дипломатия, в частности, искала возможности добиться ан-

¹ DDF, t. VII, p. 749.

² Ibid., p. 832.

³ Ibid., p. 731.

⁴ ДВП СССР, т. XX, с. 687.

нулирования военных долгов Франции. В 1936 году французские послы в Вашингтоне Лабуайе, а затем Бонне неоднократно пытались начать переговоры с американским правительством по данному вопросу. Но оно всякий раз отвергало французские просьбы о переговорах¹. Более того, президент Рузвельт в середине апреля 1937 года заметил Бонне, что «на американское общественное мнение производит плохое впечатление неуплата Францией своих военных долгов»².

Летом 1937 года проблема военных долгов Франции несколько отошла на задний план. Внимание правительства США было отвлечено внутренней политической борьбой и военными действиями Японии в Китае. Однако с наступлением осенью 1937 года нового экономического кризиса в США, снизившего на $\frac{1}{3}$ промышленное производство страны и увеличившего безработицу до 10 млн. человек³, вопрос о взыскании долгов с Франции снова приобрел актуальность.

Американское правительство предложило начать переговоры о внесении Францией очередного взноса в счет погашения общего долга, срок которого истекал 15 декабря 1937 г.

4 декабря французский премьер-министр К. Шотан телеграфировал в Вашингтон, что правительство Франции «снова выражает свое истинное стремление изыскать способы для урегулирования этого вопроса на взаимовыгодной основе для обеих сторон»⁴. Более того, французское правительство выражало готовность вести переговоры с США об урегулировании «всей проблемы долга» на известных льготных условиях для Франции. Однако из попыток французских правящих кругов освободить Францию от уплаты долга Соединенным Штатам ничего не вышло. Французскому налогоплательщику пришлось расплачиваться своими средствами. Отметим также, что во влиятельных кругах США явно проявлялась тенденция использовать задолженность Франции, чтобы привязать французскую экономику к американской⁵.

Французские правительства Блюма и Шотана постоянно «сверяли» свою политику «невмешательства» в ис-

¹ DDF, t. IV, p. 99, 817—818; t. VI, doc. 60.

² DDF, t. V, p. 444.

³ DDF, t. VII, p. 797.

⁴ Ibid., p. 601.

⁵ См. DDF, t. IV, p. 877—878.

панские события с американским курсом, который проводился Вашингтоном под флагом «нейтралитета». Несмотря на закон о «нейтралитете», США вмешивались во внутренние дела Испании в пользу мятежников. Их реакционные круги, как правило, поддерживали все действия Франции и Англии, осуществлявших политику «невмешательства», направленную на удушение Испанской Республики. Они внимательно следили за тем, чтобы политика «невмешательства» последовательно проводилась в жизнь, и возражали против каких бы то ни было попыток ее прекращения. США даже предлагали свои посреднические услуги для «примирения» западных держав с Гитлером и Муссолини на основе «разрешения» испанской проблемы¹. Французская дипломатия в ходе переговоров с английским, итальянским и германским правительствами о так называемом «европейском урегулировании» на основе возрождения «пакта четырех» или создания «блока пяти держав» предприняла в середине сентября 1936 года попытку добиться выступления президента Рузвельта в пользу такого «урегулирования»². В этих видах французский финансовый атташе в Лондоне Э. Моник * дважды, 15 и 18 декабря 1936 г., встречался с американским послом в Париже У. Буллитом и обсуждал с ним вопрос о политических и финансовых мероприятиях, которые надлежало бы осуществить Англии, Франции и США, с тем чтобы «сохранить мир»³. Во время первой встречи Моник говорил Буллиту: «Если США не объединят своих усилий с нами, то достичь мира будет невозможно, так как Франция и Англия не являются ни достаточно богатыми, ни достаточно сильными, чтобы купить мир. Наоборот, все станет возможным, если три великие демократии объединят свои усилия. Они втроем обладают $\frac{9}{10}$ богатств и кредитов мира». Моник сформулировал свои предложения следующим образом: в ближайшее время необходимо выступить с англо-франко-американской инициативой экономического и финансового порядка; эта инициатива должна способствовать отделению Италии от рейха. «Изолированная в этом случае Герма-

¹ DDF, t. IV, p. 817—818, 101.

² Ibid., p. 321—323.

* Эммануил Моник ранее занимал пост французского финансового атташе в Вашингтоне.

³ Ibid., p., 321—322.

ния поспешит присоединиться к переговорам трех великих демократий».

Буллит, согласившись с предложениями Моника, заявил о вероятности акции президента Рузвельта в пользу мира. Вместе с тем он указал, что президент согласен взять на себя инициативу, но колеблется, поскольку не видит, в какой форме может быть предпринято это его выступление. «Все нации, — говорил Буллит, — повернулись к нему, но ни одна из них не оказалась способной предложить ему план действий».

По словам американского посла, президент опасался, что его выступление может постигнуть участь «14 пунктов» Вильсона или более поздних предложений Гувера. По мнению Буллита, для успешной реализации плана европейского мира необходимо провести предварительные переговоры между Англией и Францией, а затем привлечь к ним Германию. «Проблема мира в Европе, — утверждал Буллит, — остается прежней: это проблема франко-германского сближения. Почему Франция не может начать разговор с канцлером Германии? Этот разговор должен вестись вплоть до крайних пределов. Необходимо каким-то способом выяснить истинные намерения Гитлера. Это дало бы возможность выяснить и то полезное, что позволило бы начать осуществление плана действий, которому президент Рузвельт оказал бы свою поддержку»¹. Буллит обещал немедленно передать в госдепартамент предложение Моника и по возвращении Рузвельта в Вашингтон даже связаться с ним по телефону.

16 декабря Буллит подробно информировал Вашингтон о разговорах с Моником, Боннэ * и германским послом в Париже Вельчеком по вопросам, касавшимся плана европейского «урегулирования»². Моник подробно обсудил с Дельбосом итоги своей первой встречи с американским послом. При второй встрече, состоявшейся в Париже, Буллит сообщил Монике ответ госдепартамента США на его предложение, который сводился к следующему: 1. Президент полностью оценивает значительную роль, которую могут сыграть США, приняв участие в ближай-

¹ DDF, t. IV, p. 321—323.

* Тогда посол Франции в США.

² См. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1936, vol. I. Wash., 1953, p. 380—381, 382, 383 (далее: Diplomatic Papers).

шей экономической и финансовой инициативе в пользу мира. 2. Он равным образом учитывает опасность того, что представленное американское предложение может оказаться плохо приспособленным к европейским условиям. Поэтому, говорил Буллит, президент опасается, что европейские правительства, вынудив его выступить, сами не проявят интереса к данному выступлению, и не будет касаться европейских дел в своей речи 2 января. 3. Президент согласен с тем, что, прежде чем выступить с призывом и действовать в пользу мира, надо иметь конкретный план, имеющий шансы на успех. «Проблема европейского мира, в его представлении, остается проблемой сближения между Францией и Германией. Соединенные Штаты полны решимости помочь своими добрыми услугами всякому франко-германскому разговору»¹.

Выступление президента США «в пользу европейского мира» так и не состоялось. Он не только опасался, что его призыв не будет воспринят должным образом в Европе, но и того, что против «вмешательства» США в дела Европы активно выступят группировки американских изоляционистов.

Лидеры правого крыла американского «изоляционизма», отражавшие точку зрения реакционных элементов финансовой олигархии и прикрывавшиеся флагом «нейтралитета», выступили за сохранение «свободы рук Соединенными Штатами», за отказ США от каких-либо военно-политических союзов с «демократическими» странами Европы и использовали закон о «нейтралитете» как средство поощрения фашистской агрессии. Более того, те из лидеров американских изоляционистов, которые были непосредственно связаны с германским и японским капиталом, предлагали заключить соглашение с Германией, Японией и Италией о новом переделе мира, главным образом за счет СССР и Китая. Демократическая группировка в правящей верхушке США, возглавляемая президентом Рузвельтом, полагая, что столкновения между буржуазно-демократическими государствами и фашистским блоком держав неизбежны, считала, что Соединенным Штатам следует пойти на соглашение с Англией, Францией и некоторыми другими европейскими странами, с одной стороны, и на известную нормализацию отношений с СССР — с другой. Эта группировка именовалась

¹ DDF, t. IV, p. 323.

ла свою внешнеполитическую линию «интернационалистским курсом».

В наиболее концентрированной форме этот курс был выражен в речи президента Рузвельта, произнесенной 5 октября 1937 г. в Чикаго. Рузвельт, характеризуя варварские военные действия Японии в Китае, Германии и Италии — в Испании, сопровождавшиеся массированными бомбардировками мирных городов, говорил, что они создают анархию в международных делах и крайне неустойчивое положение в мире. Нельзя, продолжал он, оставаться нейтральными перед лицом действий этих государств, «надо принять меры, чтобы сохранить мир»¹. Рузвельт даже предложил установить общими усилиями «карантин» для агрессивных держав.

Французский поверенный в делах в Вашингтоне Ж. Анри, ссылаясь на эту речь, писал, что Рузвельт склонен вернуться к «вильсонизму» во внешней политике и что есть основания полагать, что «американское правительство не останется безразличным перед лицом обострения европейской обстановки»². В своем донесении Дельбосу от 11 октября 1937 г. Анри писал, что «Рузвельт во главе страны несомненно готов к сотрудничеству по поддержанию международного порядка»³.

22 октября с критикой «изоляционизма» выступил и государственный секретарь США К. Хэлл.

Эти выступления американских руководителей внушали представителям французской дипломатии надежды на возможность двустороннего сотрудничества США и Франции в финансово-экономической области, в вопросах европейской политики, и особенно в урегулировании взаимоотношений Франции с Германией в Европе и в вопросе о колониях. Тем более, что сам Рузвельт давал повод французам питать такие надежды. В беседе 6 ноября 1937 г. с французскими представителями Рузвельт, указав, что нападение Японии на Гонконг создает угрозу для Индокитая, голландской Индии и Филиппин, заявил, «что наши интересы окажутся под угрозой, и мы должны будем их защищать совместно»⁴. Но в проведении своего «интернационалистского курса» правительство президента Рузвельта не проявило должной настойчивости и шло

¹ DDF, t. VII, p. 61.

² Ibid.

³ Ibid., p. 101.

⁴ Ibid., p. 356.

на компромиссы с изоляционистами. Президент вместо действий, о которых говорил в речах, ограничивался только «моральным» осуждением агрессоров.

Надежды французской дипломатии на сотрудничество Франции и США или получение с их стороны реальной поддержки в сложном водовороте европейских противоречий рухнули в начале 1938 года, утонув в шумной кампании американских изоляционистов, добивавшихся принятия поправки к конституции о том, что конгресс может объявить страну в состоянии войны «только после проведения референдума». Правящие круги США своей противоречивой империалистической политикой объективно поощряли действия агрессоров.

3

РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА

1. РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОБЫТИЙ В НАЧАЛЕ 1938 ГОДА. ПЛАНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

1938 год начался для французской дипломатии в обстановке новых трудностей и неудач. Германия и Италия значительно усилили политическую, экономическую и военную экспансию в Европе и за ее пределами. Фашистские державы единым фронтом наступали на европейские позиции Франции, упорно подбирались (особенно Италия) к ее африканским колониям и средиземноморским коммуникациям. Испанская война вплотную приблизилась к границе Франции на широком фронте. С каждым днем возрастало давление Германии на Австрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Польшу, Бельгию и другие страны Европы. В связи с этим народы малых стран охватила неуверенность и тревога. Англия и Франция проводили политику «непротивления» фашистским агрессорам.

Гитлер убедился в том, что не следует серьезно опасаться организованного сопротивления со стороны западных держав, так как фронт «великих демократий» не является ни солидарным, ни даже сплоченным. Для такой оценки у Гитлера имелись достаточные основания. Британское правительство настоятельно «утверждало идею» предоставить Германии «свободу рук» в Восточной Европе, «обеспечить» ей плацдарм для нападения на СССР и тем самым отвести удар от Англии и ее колониальной империи.

«Позиция, занятая г-ном Невилем Чемберленом,— писал Франсуа-Понсэ,— равным образом отвечает одному из старых и затаенных желаний нацистов. Отрицательные суждения британского премьера о Лиге наций и коллективной безопасности могут только переполнить их

сердца от удовольствия. Чемберлен — это человек, который помогает им реализовать одну из главных целей германской внешней политики, изложенную в книге «Майн кампф»: нейтрализовать англичан, достичь соглашения с ними, заставить их перестать интересоваться континентом»¹.

Линия «непротивления» агрессору все больше обозначалась и во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов. Заместитель государственного секретаря США С. Уэллес заявил французскому поверенному в делах в Вашингтоне Ж. Анри, что американское правительство отнесется так же «индифферентно к австрийским делам», как и британское правительство, и что «незаинтересованность Великобритании может только усилить позицию сторонников политики изоляционизма, которой несомненно придерживается большинство населения страны»².

В этих условиях нацистские вожаки придали военным приготовлениям Германии небывалый размах. В донесении 30 декабря 1937 г. Франсуа-Понсэ делал вывод, что «рейх готовит войну», что военный конфликт, «в котором он будет участвовать, неизбежен»³. В донесении от 6 января 1938 г., отвечая на вопрос о том, в какой мере Германия готова к участию в назревавшем конфликте, Франсуа-Понсэ указывал, что она располагает армией приблизительно в 850 тыс. человек, имеет под ружьем 60 тыс. резервистов⁴ и готовится захватить в результате внезапного удара Австрию и Чехословакию. Поэтому Германия, по мнению дипломата, не желает связывать себе руки какими бы то ни было соглашениями. Ситуация в Европе и на международной арене вообще, делал вывод Франсуа-Понсэ, вдохновляет Германию на осуществление широкой «экспансии и агрессии»⁵.

Гитлер, усиливая подготовку к войне, 4 февраля 1938 г. произвел серьезные изменения в высшем руководстве армией, внешней политикой и экономикой Германии. На пост военного министра и руководителя верховного командования вооруженными силами был назначен генерал артиллерии Кейтель, а на пост главнокомандующего сухопутной армией — генерал Браухич. Герингу было при-

¹ DDF, t. VIII, p. 505.

² DDF, t. VII, p. 408.

³ Ibid., p. 800.

⁴ Ibid., p. 845, 847.

⁵ Ibid., p. 847.

своею звание маршала. На посту министра иностранных дел Нейрата заменил Риббентроп. Созданный декретом Гитлера тайный совет полностью подчинился фюреру и беспрекословно исполнял все его распоряжения. В руках Гитлера сосредоточивалось руководство «всей национальной энергией, чтобы придать больший вес германской политике и позволить Германии осуществить ее огромные замыслы»¹. Франсуа-Понсе указывал в своем донесении от 10 февраля 1938 г., что Гитлер может «ввергнуть страну в авантюру»: рейх может двинуться на Вену, а оттуда — на Прагу. Его танковые и моторизованные войска могут мгновенно захватить Бельгию². 21 февраля посол писал Дельбосу: «В течение длительного времени я сигнализировал, что Германия делает ставку на г-на Невилля Чемберлена. Она усматривает в нем сторонника идеи, согласно которой Англия должна предоставить Германии свободу рук на востоке и юго-востоке Европы и ограничить свои интересы по линии Рейна. Она рассматривает британского посла в Берлине сэра Невилля Гендерсона как представителя этой политики, за которую поручился сам премьер-министр»³.

Французское правительство должно было бы сделать для себя серьезный вывод из этих сообщений. Здравый смысл подсказывал необходимость укрепления союзных связей Франции с СССР и другими союзниками. Пьер Кот многозначительно подчеркивал, что, до тех пор пока действовал франко-советский пакт о взаимной помощи, Франция находилась под «надежной защитой Красной Армии»⁴. Но не в сторону Москвы, а в сторону Лондона, где усиливалась прогитлеровская ориентация, направляло свои взоры правительство Шотана.

Ш. Корбен 17 января писал Дельбосу, что англичане разочарованы «внутренним положением» Франции и что направление французской внешней политики вообще «ослабляет франко-британскую солидарность»⁵. На деле между французской и английской политическими линиями существовали разногласия лишь по тактическим вопросам. Если британское правительство открыто поощряло распространение германской агрессии в восточном

¹ DDF, t. VIII, p. 138, 274.

² Ibid., p. 291.

³ Ibid., p. 441.

⁴ Cot P. Op. cit., vol. 1, p. 93—94.

⁵ DDF, t. VIII, p. 1.

направлении, стремясь отвести удар Германии от Англии и ее колониальной империи, то французское правительство вынуждено было действовать «осторожнее». Оно не могло не считаться с тем, что Германия, имея общую сухопутную границу с Францией, непосредственно угрожает французской нации, а распространение германской агрессии в восточном направлении грозило французским союзникам в Центральной и Восточной Европе.

Лондон и Париж решили «согласовать» свои точки зрения по ряду важнейших внешнеполитических проблем и организовать встречу своих министров иностранных дел. Кэ д'Орсе подготовило к этой встрече памятную записку, в которой на первый план были поставлены вопросы, подлежащие обсуждению в Лиге наций: общее положение в Лиге наций, реформа ее Статута, а также вопросы о позиции Швейцарии и об Эфиопии.

Второй раздел памятной записки касался «вопросов общей политики», где значились: проблема отношений с Германией в свете лондонской конференции британских и французских министров (ноябрь 1937 г.), австрийский вопрос и испанские дела.

Дельбос и Иден, встретившись 28 января 1938 г. в Женеве, обсудили и согласовали свою точку зрения по следующим вопросам:

1. Итальянское дело. Министры согласились считать, что признание захвата Италией Эфиопии может состояться только после того, как Италия внесет свой вклад в разрядку европейской напряженности, предусматривающую: а) прекращение итальянской интервенции в Испании (вывод добровольцев); б) сокращение итальянских войск в Ливии; в) прекращение враждебной западным странам итальянской пропагандистской кампании.

2. Последствия визита лорда Галифакса в Германию (ноябрь 1937 г.). Министры указали на «трудность, которую представляет колониальное урегулирование, отвечающее германским запросам».

Иден заявил, что английская сторона «не исключает возможности параллельных переговоров по колониальному вопросу и вопросам европейского урегулирования». Дельбос выразил сомнение в том, что по указанным вопросам «в данное время можно было бы достичь соглашения».

3. Испанские дела. Дельбос поставил перед Иденом вопрос, не настало ли время организовать «посредниче-

ство между обеими борющимися в Испании сторонами». Иден уклонился от высказывания своего мнения по данному вопросу¹.

Ознакомление с итогами встречи французского и британского министров иностранных дел показывает явное стремление обеих сторон «умиротворить» Гитлера и Муссолини за счет чужих территорий; любой ценой продолжать торг с Германией, чтобы завершить его достижением сговора с ней.

О. Сарджент, заместитель министра иностранных дел Англии, указывал, что важнейшая цель обеих дипломатий состоит в том, чтобы выяснить, как «далеко зашли» в своих требованиях руководители фашистской Германии. «Вопрос этот неясен и должен быть изучен до конца»².

Итак, перед англо-французской дипломатией был поставлен «вопрос»: узнать условия, на которых окажется возможен империалистический сговор с Гитлером и Муссолини.

2. УХУДШЕНИЕ СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Объективно ход событий выдвигал перед французской дипломатией задачу расширения и углубления сотрудничества Франции с СССР. Это позволило бы обоим государствам действовать единым фронтом против тех, кто угрожал миру и безопасности народов Европы и других континентов. Однако французские дипломаты как в самом Париже, так и в Москве, а равно и в других столицах, где они были аккредитованы, меньше всего заботились об этом. Многие из них, усердно добиваясь «примирения» с Гитлером и Муссолини, вели дело к срыву пакта о взаимной помощи между СССР и Францией. Что касается самих руководителей французского правительства—Шотана, Дельбоса и др., то они делали от случая к случаю, да и то под сильным давлением миролюбивых сил своей страны, заявления о верности франко-советскому пакту о взаимной помощи, однако эти заявления не отражали действительного внешнеполитического курса правительства. Они скорее всего были данью французскому общественному мнению, серьезно встревоженному герман-

¹ См. DDF, t. VIII, p. 115.

² Ibid., p. 209.

ской угрозой и видевшему выход для своей страны в опоре на СССР.

Что касается германских фашистов и их агентуры во Франции, то они как раз усиливали свои нападки на союзный франко-советский договор. В канун 1938 года газета «Тан» дословно перепечатала статью, опубликованную 23 декабря 1937 г. в «Дойче альгемайне цайтунг», в которой говорилось: «Дельбос в определенной мере отдает себе отчет в том, что франко-советский пакт нанес самый большой ущерб отношениям Франции с ее союзниками, исключая Чехословакию»¹.

Появление данной статьи в «Тан», широко распространенной во Франции газете, к тому же являвшейся официозом Кэ д'Орсе, являлось диверсионным актом французских противников сотрудничества Франции и СССР в интересах мира. Это была попытка геббельсовской пропаганды и ее агентуры во Франции припугнуть французов отрицательными последствиями для их страны сотрудничества с Советским Союзом на основе пакта о взаимной помощи 1935 года. В такой политической атмосфере проходили в 1938 году контакты между Парижем и Москвой.

11 января 1938 г. состояние советско-французских отношений было предметом обсуждения в продолжительной беседе наркома М. М. Литвинова с французским послом Р. Кулондром². Сетуя на то, что Литвинов вменил Дельбосу в вину, что тот как в Варшаве, так и в Лондоне упустил значение и роль франко-советского пакта, Кулондр пытался выгородить своего шефа, заявив, что вышеуказанные утверждения принадлежат «лицам, заинтересованным в том, чтобы мутить воду». На самом деле Дельбос был повинен в отрицательных последствиях своего визита в Варшаву, Бухарест, Белград и Прагу в декабре 1937 года. М. М. Литвинов, информируя ЦК ВКП(б), 21 января 1938 г. сообщил, что Бек в разговоре с одним дипломатом передал мнение Дельбоса об охлаждении интереса Франции к советско-французскому пакту. «В том же порядке я передал Колондру имеющиеся сведения о высказываниях Шотана в Лондоне по поводу франко-советского пакта. Далее я отметил, что в посещенных Дельбосом странах теперь усилились тенденции сближения с Германией»³.

¹ DDF, t. VII, p. 791.

² См. ДВП ССР, т. XXI. М., 1977, с. 41—42.

³ Там же, с. 701.

Как раз в этот момент французские профашистски настроенные газеты развернули шумную враждебную франко-советскому пакту кампанию.

18 января газета «Петит паризьен» опубликовала вымышленное сообщение о том, что Советское правительство якобы пыталось оказывать на посла Кулондра давление в целях «укрепления франко-советских отношений путем дополнения договора о взаимной помощи обязательствами военного характера»¹.

Советское правительство последовательно стремилось к укреплению взаимоотношений между СССР и Францией и принимало к этому все возможные меры. Но никаких средств давления оно никогда не допускало. 19 января замнаркома В. П. Потемкин пригласил к себе Кулондра и выразил ему протест Наркоминдела СССР в связи с публикацией французской газетой фальшивки. Посол категорически отрицал причастность французского правительства к тому, что было опубликовано в «Петит паризьен». «Я ему ответил,— доносил Кулондр в тот же день Дельбосу,— что Литвинов ничего подобного от меня не требовал и что ответ, который я представил Вашему превосходительству о моем разговоре 11 января с народным комиссаром, не может в этом отношении дать никакого повода»². В Париже 20 января Дельбос в беседе с Сурицем, вопреки фактам, подчеркивал «свою преданность франко-советскому пакту...»³. При этом он обошел полным молчанием вымысел в «Петит паризьен» о советском давлении на французского посла. Более того, Дельбос в новой инструкции послу сообщил о том, что некоторые французские органы печати, якобы инспирированные Москвой, ежедневно подвергают нападкам членов кабинета Шотана * за неудовлетворительное состояние франко-советских отношений. Дельбос здесь же обязал Кулондра заверить Советское правительство в том, что «французское правительство не имеет никакого намерения изменить политику, нашедшую свое выражение во франко-советском пакте»⁴, и сказать Литвинову, что слухи, распус-

¹ DDF, t. VIII, p. 879.

² Ibid., p. 11.

³ ДВП СССР, т. XXI, с. 42.

* 18 января 1938 г. К. Шотан сформировал новое правительство, в котором Дельбос сохранил за собой пост министра иностранных дел.

⁴ DDF, t. VIII, p. 36, 37.

каемые в Лондоне и Варшаве относительно непопулярности во Франции этого пакта, лишены всякого основания.

Параллельно Дельбос весьма активно пытался продвинуть вперед дело «примирения» Франции с фашистской Германией. Дельбос в телеграмме Кулондру указывал, что в Москве «начало разрядки во франко-германских отношениях интерпретируют как показатель стремления с нашей стороны порвать с Москвой». Он предписывал послу заявить Литвинову, что французское правительство «никогда не помышляло и не помышляет в какой-либо мере ослабить связи, которые объединяют его со своими союзниками, со своими друзьями и Лигой наций, чтобы достичь разрядки с Германией»¹. К сожакению, эти слова французского министра расходились с его практическими действиями, а равно и действиями его сотрудников.

25 января Кулондр посетил Литвинова и, выполняя инструкции своего шефа, повторил в разговоре с наркомом необоснованные утверждения Дельбоса о том, что Советское правительство, якобы используя часть французской прессы и своих агентов во Франции, продолжает свои «нападки» на членов французского правительства. Эти надуманные и необоснованные заявления Дельбоса и Кулондра не помогали делу позитивного развития советско-французских отношений.

29 января 1938 г. Литвинов встретился в Женеве с Дельбосом и обсуждал с ним состояние советско-французских отношений. Дельбос снова пытался «убедить» наркома в том, что французское правительство постоянно и лояльно следует политике франко-советского пакта². Министр отрицал свое негативное отношение к франко-советскому пакту. Но его оправдания звучали неубедительно. Сведения, полученные в Москве из Варшавы, Праги и Лондона, свидетельствовали о «малом энтузиазме» Дельбоса и Шотана по отношению к договору Франции и СССР. Об этом свидетельствовали и другие факты. Дельбос, например, обошел полным молчанием грубые нападки на франко-советский пакт, с которыми 28 декабря 1937 г. выступил реакционный сенатор Лемери. Эти и подобные им поступки руководителей французского правительства омрачали советско-французские отноше-

¹ DDF, t. VII, p. 38; см. по этому же вопросу ДВП СССР, т. XXI, с. 42.

² DDF, t. VIII, p. 127.

ния. А дружба и сотрудничество, основанные на искренности и взаимной выгоде, были очень нужны и советскому, и французскому народам. Произведенная 4 февраля 1938 г. Гитлером перетасовка в руководящих сферах рейха серьезно встревожила Францию. Глава французского правительства К. Шотан, пригласив к себе советского полпреда Я. Сурица, стал вести разговор о том, что в ответ на эти перестановки в гитлеровской верхушке наряду с «мерами по обороне нужно крепить и все существующие связи, в частности связь между СССР и Францией»¹. Далее Шотан сказал о том, что он всегда был искренним приверженцем франко-советского сотрудничества, но что ему казалось, что было бы неосторожно создавать вовне впечатление, что франко-советский пакт перерастает в военный союз. Полпред, прервав на этом месте французского премьера, напомнил ему, что СССР этого никогда не предлагал и не добивался. Шотан, продолжая свои суждения, признал «большой ошибкой» замалчивание франко-советского пакта, что дает повод к неверным и «вредным интерпретациям в Берлине и Риме»². В словах Шотана было выражено стремление Франции опереться на поддержку СССР перед лицом развития угрожающих ее интересам событий: Гитлер готовил захват Австрии и подбирался к Чехословакии; ушел в отставку Иден; Чемберлен еще меньше, чем раньше, был готов считаться с Францией. Эти и многие другие события свидетельствовали, что политика французского правительства терпит крах.

В разгар этих событий Дельбос пригласил к себе Сурица и заявил, что «Франции сейчас не на кого рассчитывать», что «она так одинока!» «Меня подмывало ему сказать, — писал Суриц в Наркоминдел, — что не кто иной, как он сам, несет ответственность за эту вину»³. Однако руководители Франции не делали для себя нужных выводов и не стремились серьезно к укреплению сотрудничества с Советским Союзом. Французский посол в Москве продолжал «выискивать» не то, что сближало, а то, что отдаляло обе союзные страны.

11 марта 1938 г. в беседе с Литвиновым Кулондр, сетуя на то, что в советской критике иностранных госу-

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 78.

² Там же.

³ Там же, с. 84.

дарств не делалось исключения для Франции, «касался некоторых новых тенденций советской политики». Нарком отверг это неверное «суждение» французского посла, заявив, что критические замечания в адрес иностранных государств, содержащиеся в выступлениях советских руководителей, не относятся к союзным с СССР странам, в том числе к Франции. «Он меня заверил, — доносил посол министру иностранных дел, — что ориентация советской внешней политики не изменилась. Будучи верным Женевской Лиге, его правительство продолжает считать, что конвергентные интересы Англии, Франции и СССР должны продиктовать им общую позицию для поддержания мира в рамках существующего статус-кво»¹. Как раз в те дни СССР предлагал западным державам, в том числе США, принять меры коллективной защиты Австрийской Республики, над которой нависла угроза захвата фашистской Германией. Но французская дипломатия в ответ на советские предложения отмалчивалась и «выравнивала» политику своего правительства в соответствии с «новой ориентацией» британского правительства во главе с Н. Чемберленом.

3. GERMANO-AVSTRIYSKIY KRIZIS 1938 GODA; POZIITSIA FRANTSUZSKOY DIPLOMATII

Гитлер, подготавливая захват Австрии, тщательно выявлял через своих агентов позицию французского правительства. Осенью 1937 года Париж посетил германский посол в Вене Папен. В беседе с вице-премьером Блюмом он поставил условием достижения франко-германского «согласия» предоставление «рейху свободы рук в Австрии»².

По всей видимости, подобные заявления представителей гитлеровской дипломатии производили впечатление на французское правительство. По австрийскому вопросу его дипломатия вяло обменивалась мнениями с иностранными правительствами, с правительством СССР вообще этот вопрос обошла, зато с германским правительством находилась в постоянном контакте. Министр иностранных дел Нейрат в начале января 1938 года заявил Франсуа-Понсэ, что Германия готовится разрешить вопрос об Ав-

¹ DDF, t. VIII, p. 774.

² Ibid., p. 418.

стрии. Посол Франции немедленно поставил об этом в известность свое правительство. Однако никаких существенных шагов Париж не предпринял в защиту Австрии. Заметно активизировались французские гитлеровцы Гуа, Скапини и др., являвшиеся постоянными гостями и собеседниками нового германского министра иностранных дел И. Риббентропа.

10 февраля 1938 г. Риббентроп заявил Скапини, что «коммунисты и другие элементы во Франции стремятся сделать невозможным всякое улучшение франко-германских взаимоотношений». Риббентроп предупреждал Скапини и его друзей, что, «пока не прояснится эта атмосфера, не может быть достигнут какой-либо политический прогресс» во взаимоотношениях двух стран, при этом он напомнил о существовании франко-советского пакта и заключил, что «если он еще в недавнем прошлом являлся сторонником франко-германского сближения, то сегодня его мысль сориентирована в другом направлении». Скапини сразу же информировал об этом посла Франсуа-Понсэ, а последний сообщил в Париж, что «атмосфера во франко-германских отношениях снова омрачилась». «Успехи, достигнутые в последнее время с таким трудом, поставлены под вопрос, и у нацистских руководителей создается впечатление, что решительно все затраченные ими усилия оказались напрасными»¹. 11 февраля посол направил Дельбосу специальное донесение, в котором сообщил, что, по мнению Скапини, Риббентроп «выразил желание видеть франко-германские отношения улучшившимися»². Пока дипломаты рейха вводили французов в заблуждение надеждами на достижение «согласия» между Францией и Германией, Гитлер по заранее разработанному плану готовил захват Австрии. 12 февраля фюрер пригласил к себе в Берхтесгаден австрийского канцлера Шушнига и добился от него «согласия» реорганизовать правительство, введя в него австрийских гитлеровцев во главе с Зейсс-Инквартом, назначив его на пост министра внутренних дел и государственной безопасности. Канцлер Шушниг также дал «обещание» Гитлеру амнистировать всех австрийских гитлеровцев, осужденных за различные преступления³.

¹ DDF, t. VIII, p. 269.

² Ibid.

³ Ibid., p. 323, 332.

Франсуа-Понсэ 16 февраля после беседы с Риббентропом доносил Дельбосу, что встреча двух канцлеров в Берхтесгадене является «лишь этапом на пути поглощения Германией Австрии»¹.

Поведение французской дипломатии убеждало многих, в том числе австрийцев, что правительство Франции ничего реального не предпримет в поддержку Австрийской Республики. Французские дипломаты прилагали усилия к тому, чтобы использовать австрийский вопрос для «улучшения» франко-германских отношений.

Эти вопросы подробно обсуждал в те дни Франсуа-Понсэ с Гитлером. Германский канцлер говорил послу, что он «продолжает желать установления хороших отношений» между Германией и Францией и что он добивается «европейского умиротворения», которому будет содействовать и соглашение рейха с Австрией². Вместе с тем Гитлер с раздражением заявил о том, что французский посланник «в Вене предпринял демарш, имеющий целью вдохновить Шушнига на сопротивление», и что он не может понять «подобного жеста».

Гитлер возмущался «непониманием» Францией того, что «австро-германский конфликт достиг опасной степени напряженности» и что в результате его дальнейшего развития может «вспыхнуть пожар». Обращаясь к послу, канцлер спросил его: «Может ли Франция сожалеть по поводу того, что этот пожар был предотвращен? Могла бы она сама, будучи на месте Германии, оказаться незаинтересованной в судьбе братьев по языку и расе, населяющих соседнюю страну? Наоборот, она должна радоваться тому, что соглашение оказалось достигнутым». Из заявлений Гитлера вытекало, что Германия сама, без какого-либо участия других держав, разрешит австрийский вопрос. Французский дипломат стал в ответ подчеркивать большую заинтересованность Франции в данном вопросе. Франсуа-Понсэ сказал Гитлеру, что «французское правительство будет радо всему тому, что укрепит существующий мир, всему, что будет содействовать обеспечению независимости и целостности Австрии»³. Дельбос, в свою очередь, поручил французскому послу в Австрии заявить канцлеру Шушнигу, что французское правитель-

¹ DDF, t. VIII, p. 334.

² Ibid., p. 337.

³ Ibid.,

ство «продолжает считать, что независимость Австрии является важнейшим фактором сохранения равновесия и мира в Европе»¹. МИД Франции связался и с Форин оффис. Казалось, что Кэ д'Орсе серьезно оценивает критическое положение Австрии, отдавая себе отчет в том, что вслед за Австрией наступит очередь Чехословакии. «Мы могли бы в несколько приемов,— писал министр иностранных дел Дельбос в Лондон Корбену 18 февраля,— навязать рейху широкий разговор, в котором заинтересованным в Центральной Европе деятелям можно было бы обещать компенсацию в других местах»².

Здесь не сказано прямо, за счет каких территорий надлежит предоставить рейху компенсацию. Но так как СССР не приглашался принять участие в разговоре, то предполагаемую Дельбосом сделку с Гитлером мыслилось совершить за спиной Советского Союза и против его интересов. Чтобы подготовить такую сделку, Дельбос предлагал британскому правительству совместно с французским до 20 февраля выступить в Берлине со следующим заявлением: «а) Шушниг, по нашему мнению, готов пойти на уступки так далеко, насколько ему позволит законная забота об австрийской обороне; б) реальная независимость Австрии сочетается с интересами европейского мира, и мы не можем остаться безразличными перед инициативами, клонящими ее к уничтожению; с) любой акт насилия, имеющий своей целью поставить под вопрос территориальное статус-кво в Центральной Европе, натолкнется на решительное противодействие западных держав»³.

Между тем 18 февраля 1938 г. Франсуа-Понсэ прислал новую телеграмму из Берлина, в которой сообщил, что Риббентроп снова ему заявил, что австрийская проблема касается только Германии и Австрии и что рейх будет рассматривать «как недопустимое вмешательство всякую инициативу третьей стороны»⁴. Посол указывал далее, что Гитлер и его помощники, подготавливая захват Австрии, кричат о мнимой «угрозе» странам этого района, исходящей от СССР. В тот же день, 18 февраля, французский посланник Пуо имел беседу в Вене с Шушнигом, в ходе которой австрийский канцлер сказал, что Германия

¹ Ibid., p. 345.

² Ibid.

³ Ibid, p. 386.

⁴ Ibid., p. 399.

основательно сблизилась с Англией, а в лице Галифакса «Гитлер нашел поддержку в своем давлении на Австрию»¹. В Париже 18 февраля было получено сообщение из Вашингтона от французского временного поверенного в делах Анри о том, что правительство США не вмешается в германо-австрийский конфликт на стороне Австрии².

20 февраля Гитлер выступил с речью, в которой изложил главные требования Германии о перекройке границ в Европе в ее пользу и возвращении ей «украденных» у нее колоний. Речь Гитлера была переполнена грубейшими выпадами против СССР и демократических сил в зарубежных странах. Но главную платформу его выступления составляли два нацистских принципа: антибольшевизм и «этническая солидарность всех немцев». Эти «принципы», как указывал Франсуа-Понсэ, должны позволить Германии вмешиваться во внутренние дела других стран. Стремление рейха захватить Австрию и Чехословакию обосновывалось тем, что в их пределах проживает 10 млн. немцев, которым отказывают в законном праве присоединиться к Германии. Гитлер даже заявлял о «праве Германии на польский коридор, Данциг (Гданьск), Верхнюю Силезию» и ставил под сомнение само существование Польши как независимого государства. По утверждению Франсуа-Понсэ, в речи фюрера была начертана программа захвата Германией Центральной и Восточной Европы от Балтики до Адриатики и выражено стремление «рейха организовать будущую Европу под эгидой свастики».

Французский дипломат, давая общую оценку притязаниям рейха, нашедшим отражение в данной речи Гитлера, писал: «Теория и притязания, сформулированные фюрером, в действительности приводят к тому, что Германия интересуется не только Австрией и Центральной Европой, но также Испанией, Россией, Дальним Востоком и колониями. Что будет, если этим не ограничится зона интересов рейха? Что будет, если в зону интересов рейха войдут Англия и Франция?»³. Чтобы этого не случилось, полагали в Лондоне, Париже и в Вашингтоне, Гитлеру надо предоставить «свободу рук» на востоке.

¹ DDF. t. VIII, p. 401.

² Ibid., p. 408.

³ Ibid., p. 504.

25 февраля в Форин оффис вручили Корбену меморандум, содержащий ответ британского правительства на французский запрос. В нем французское правительство упрекали в том, что его предложения по австрийскому вопросу обличены лишь в словесные формулы, «не подкрепленные указаниями на конкретные действия». Все три пункта («а», «b», «с») вышеуказанных французских предложений отвергались. «В действительности...— говорилось в британском меморандуме,— оба первых предложения, представленные французским правительством («а» и «b»), не только не открывают даже самой слабой перспективы эффективной приостановки реализации германских замыслов в Австрии, но и могут спровоцировать новый нажим немцев на австрийское правительство и более глубокое их вмешательство во внутренние дела Австрии». Отвергая пункт «с» французского меморандума, британское правительство заявило, что оно против принятия каких бы то ни было «коллективных мер» сопротивления действиям Германии. Оно, со своей стороны, указывало, что после достигнутого 12 февраля «соглашения» между Гитлером и Шушнигом события в Австрии могут принять характер «нормальной эволюции». Британское правительство отказывалось даже на словах сделать какое-либо предупреждение Гитлеру, упорно стремилось «разрешить» австрийскую проблему на основе тех положений, которые Галифакс высказал Гитлеру 19 ноября 1937 г.¹

Эту «новую ориентировку» * британского правительства на сговор с Гитлером целиком одобрили руководители госдепартамента США. «Уэллес считал, что политику Идена было трудно проводить, что это было равнозначно невозможности,— писал Ж. Анри из Вашингтона 24 февраля. — Политика Невиля Чемберлена, будучи намного реалистичнее, напротив, открывает интересные возможности с точки зрения устройства европейского мира. Соединенные Штаты, таким образом, приветствуют то, что британский премьер преуспевает в своей политике»². В донесении французского дипломата указывалось и то,

¹ DDF, t. VIII, p. 538—539; см. также Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. М., 1948, с. 9—48 (далее: Документы и материалы).

² DDF, t. VIII, p. 517.

* Так называли западные дипломаты политическую линию Н. Чемберлена после ухода с поста министра иностранных дел А. Идена.

какой результат этой политики Чемберлена будут приветствовать правящие круги США. «Если его политика приведет к заключению пакта между четырьмя крупными державами, результатом которого явится умиротворение Европы,—продолжал Анри,— то Соединенные Штаты в такой же мере будут рады этому, как радовался он (Чемберлен.— С. Ст.) проведению экономической политики государственного секретаря» *¹. Приведенные факты и документы свидетельствуют о том, что при подготовке Гитлером аншлюса Англия, Франция и США рассчитывали использовать Австрию в своих планах достижения сговора с Германией.

25 и 26 февраля 1938 г. во французском парламенте велись бурные дебаты по вопросам внешней политики. В них приняли участие 62 депутата самых разных политических направлений. В центре внимания оказались отношения Франции с важнейшими иностранными державами, а также австрийский и чехословацкий вопросы.

Депутаты левых партий (коммунисты, левые социалисты и социал-радикалы) считали, что Франция, укрепляя свои союзнические связи с Советским Союзом и другими государствами, заинтересованными в упрочении мира, должна добиваться предотвращения аншлюса Австрии, сделать все возможное для ограждения Чехословакии от посягательств на нее Гитлера. Правые реакционные депутаты, в особенности фашисты, такие как Фланден, де Шампо, Ибарнегарэ, Марен и др., настойчиво требовали немедленных переговоров и заключения соглашения Франции с Германией и Италией на основе уступок Гитлеру и Муссолини прежде всего в Центральной и Восточной Европе. Даже часть депутатов правого лагеря выступила против сторонников капитулянтской политики. П. Рейно, возражая сторонникам поощрения германских притязаний в Центральной и Восточной Европе, говорил: «Попустительство Германии привело бы нас к участию в бесчестной войне и без единого друга...»².

Абсолютное большинство депутатов требовало от руководителей правительства четко и определенно сформулировать внешнеполитическую линию Франции перед ли-

* Имеется в виду план осуществления монополиями США широкой экономической экспансии в Европе.

¹ DDF, t. VIII, p. 517.

² Débats parlementaires. 1938. Session ordinaire. P., 1939, p. 575, 579—599, 604, 657.

цом назревавших новых актов агрессии. Министр иностранных дел Дельбос лишь после больших колебаний выступил 26 февраля с ответом на многочисленные запросы депутатов, адресованные правительству. Он заявил, что «Франция должна сохранить свою традиционную политику — оставаться верной Лиге наций и оборонительному франко-советскому пакту». Министр даже указал, что «независимость Австрии является важнейшим фактором европейского порядка». Однако Дельбос тут же предупредил, что он излагает политику правительства по австрийскому вопросу с оговоркой, так как по этому вопросу ведутся в настоящее время переговоры, в ходе которых и будет окончательно определена позиция Франции. По чехословацкому вопросу министр сделал более определенное заявление, указав, что «наши обязательства в отношении Чехословакии, в случае если бы она подверглась нападению, были бы точно исполнены»¹. По утверждению чехословацкого посланника Осуского, присутствовавшего на заседании палаты, этому заявлению Дельбоса аплодировали все депутаты, за исключением «Фландена, который продолжал сидеть и не пошевелился»². В самом конце дискуссии премьер-министр Шотан в своем выступлении повторил, что Франция не может не проявлять интереса к Центральной Европе и не откажется от своих обязательств, которые охраняют «независимость Чехословакии». Заявления премьера и министра иностранных дел, основательно одобренные словами о «верности Франции Лиге наций и франко-советскому пакту», о стремлении правительства «поддержать и упрочить мир на основе коллективной безопасности», о безусловном исполнении Францией своих обязательств в отношении Чехословакии, произвели впечатление на французских парламентариев (за политическую линию правительства проголосовали 439 депутатов, против — 2). Но одобренная палатой «линия» на деле лишь маскировала подлинные цели правительственного курса и давала основание самим агрессорам полагать, что Франция безусловно пойдет на сговор с Германией и Италией. Франсуа-Понсэ в телеграмме из Берлина от 27 февраля, передавая впечатление, произведенное выступлениями депутатов во французском парламенте на руководителей рейха, писал: «Они

¹ Ibid., p. 631—632.

² Документы и материалы, т. 1, с. 83.

выразили желание, чтобы немедленно последовал ясный выбор, сделанный французским правительством, между Лондоном и Москвой. Они уверены, что он будет сделан в пользу Лондона и ориентации Чемберлена и лорда Галифакса»¹.

Американская дипломатия внесла немалую лепту в стимулирование того политического курса Франции, который завершился Мюнхеном. Новый французский посол в Вашингтоне Сэн-Куэнтен, посетивший накануне госдепартамент, 1 марта телеграфировал Дельбосу, что Хэлл «в самых возвышенных словах выразил свои дружественные чувства к нашей стране и свою симпатию к той политике, которую Ваше превосходительство представили в недавней речи в парламенте и за которую почти единогласно проголосовала палата»². Уэллес также указал французскому послу на то, что госдепартамент относится с полным доверием к политике английского премьера Н. Чемберлена.

2 марта Дельбос направил в Лондон Корбену ноту в ответ на британский меморандум от 25 февраля, в которой выражалось сожаление по поводу отказа английского правительства выступить с совместным предупреждением Берлину по австрийскому вопросу. В ней указывалось, что «уклонение западных держав» от совместных действий «вдохновило правительство рейха на новые мероприятия на пути реализации германского плана»³ в отношении Австрии. В результате возникло такое положение, когда французы что-то предлагали на словах, а на деле бездействовали, а англичане, поддерживаемые влиятельными государственными деятелями США, очень активно действовали в пользу захвата Гитлером Австрии. Как раз в тот день (3 марта), когда Корбен вручил ноту Галифаксу, британский посол в Берлине Гендерсон уверял Гитлера и Риббентропа в том, что «жалобы» британского посланника в Вене германскому послу фон Папену по поводу германского «давления на Австрию» совсем не обязательно представляют «мнение британского правительства» и что «он сам, сэр Невиль Гендерсон, высказывался за аншлюс»⁴.

¹ DDF, t. VIII, p. 555.

² Ibid., p. 572.

³ Ibid., p. 592.

⁴ Документы и материалы, т. I, с. 70.

7 марта Сэн-Куэнтен поставил в известность Дельбоса о том, что, как заявил Хэлл, США будут «строго придерживаться нейтралитета и следовать политике невмешательства и неучастия»¹ в конфликтах. Эта политическая линия нашла отражение в речах, которыми обменялись президент Рузвельт и вручавший ему свои верительные грамоты французский посол. Французская дипломатия плыла по течению событий, направление которого определялось главным образом Лондоном и Вашингтоном. Кэ д'Орсе, по собственному признанию Дельбоса, в течение целой недели (3—10 марта) ничего не предприняло по австрийскому вопросу, «несмотря на то что этот вопрос вступил в самую критическую стадию»².

10 марта в Париж пришло известие о передвижении в Баварии войск вермахта в направлении австрийской границы. В тот же день, не дождавшись голосования в парламенте по своему финансовому законопроекту, правительство Шотана ушло в отставку. Франция оказалась без правительства. На следующий день, 11 марта, в 15 час. 30 мин. в Париже стало известно, что Гитлер потребовал от австрийского правительства отказаться от проведения плебисцита. В 16 час. в Париже началось совещание исполнявших обязанности министров Шотана, Дельбоса, Боннэ, Даладье, которые обсуждали вопрос о «возможности» принятия дополнительных военных мер, предусмотренных генеральным штабом армии, при условии согласия британского правительства на совместное сотрудничество. Совещание затянулось. В 16 час. 45 мин. генеральный секретарь Кэ д'Орсе А. Леже сообщил ответ Лондона: британское правительство поставило в известность Вену, что оно не советует австрийскому правительству «доводить сопротивление до предела, когда последуют события, за которые оно не может поручиться». Заседание закончилось, не приняв никакого решения.

Что касается президента США Рузвельта, то 10 марта, за несколько часов до вторжения гитлеровских войск в Австрию, в беседе с французским дипломатом Анри он «весьма пессимистически» отозвался о внутреннем и внешнем положении Франции. В ином свете американскому правительству представлялось положение фашистских

¹ DDF, t. VIII, p. 656.

² Ibid.,

держав. Сэн-Куэнтен писал: «Рузвельт считает, что «ось» Рим — Берлин является более прочной, чем это предполагают, и, по его мнению, было бы заблуждением думать, что итало-германская Антанта может быть разорвана из-за вопроса об Австрии»¹.

11 марта в 17 час. 30 мин. Дельбос смог, наконец, «сообщить посланнику Австрии в Париже позиции, занятые Лондоном и Римом»^{*2}. Что касается самой Франции, то австрийскому представителю было и без слов ясно, что она в тот момент, не имея правительства, реально никакой позиции не занимала.

На рассвете 12 марта гитлеровские войска вторглись в Австрию. Новое австрийское правительство, которое возглавил гитлеровский агент Зейсс-Инкварт, вынесло решение о присоединении Австрии к Германии. 14 марта Гитлер подписал акт об «объединении» Австрии с рейхом. Австрия как независимое государство перестала существовать.

Сами французские дипломаты признавали, что Англия, Франция и США позволили Гитлеру осуществить аншлюс. «Американское правительство в данный момент, — писал Сэн-Куэнтен, — решило, наверно, наблюдать за австрийским делом, в котором французское и британское правительства, непосредственно заинтересованные, оказались беспомощными»³. Эта «беспомощность» Англии и Франции бесспорно была обусловлена предательской политикой их правящих кругов. После аншлюса в первую очередь возникла угроза Чехословакии и, по крайней мере, еще 7 странам, граничившим с агрессором. Советское правительство не только предупредило об этом Францию, Англию и другие страны, но и выразило согласие «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами»⁴. Западные державы не прислушались к предложениям Советского Союза.

¹ DDF, t. VIII, p. 737.

^{*} Чиано отказался принять Блонделя по австрийскому вопросу.

² Ibid., p. 754.

³ Ibid.

⁴ ДВП СССР, т. XXI, с. 129.

4. ПОЛИТИКА «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА». ПОЛОЖЕНИЕ ИСПАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1938 ГОДУ

Гитлер и Муссолини, отводя большое место в своих захватнических планах Испании, стремились в самое ближайшее время нанести поражение испанским республиканцам, навязать стране кровавый режим генерала Франко, чтобы превратить ее в плацдарм для осуществления агрессии против западных держав. Диктаторы, прикрывая свои подлинные цели, пускали в ход миф о «красной опасности», коммунизме, якобы угрожавшем Европе, использовали разного рода дипломатические уловки. Итальянские дипломаты сообщали «по секрету» французским дипломатам, что узы дружбы Италии с Германией непрочны и она может в любое время переориентировать свою политику на западные державы. Блондель телеграфировал 10 февраля 1938 г. Дельбосу: «Муссолини вынужден идти на сближение с Германией, но его постоянной мечтой является пакт четырех, и путь на Берлин может в один из дней стать путем на Париж»¹. Барон Алоизи заявлял французскому военному атташе в Риме, что «Муссолини не хочет войны, что единственным важным вопросом для него является признание Эфиопии частью итальянской империи, а все другие затруднения, в том числе Испания, представляют лишь серию недоразумений и рассеются без трагической развязки»².

На деле все обстояло вовсе не так во франко-итальянских отношениях. Итальянские фашисты упорно подбирались к Корсике. Их подрывная деятельность против Франции приняла здесь столь широкий и угрожающий характер, что Дельбос в письме к военному министру Даладе предлагал принять срочные и действенные меры безопасности³. Особенно остро сталкивались франко-итальянские интересы в Испании.

Однако французский генеральный консул в Сан-Себастьяне, явно дезинформированный, 24 января 1938 г. писал Дельбосу, что Франко рассчитывает достичь «соглашения с Францией», с тем чтобы «освободиться от слишком крепких объятий... Германии и Италии»⁴. Дезинформировало французское правительство и донесение

¹ DDF, t. VIII, p. 273.

² Ibid.

³ Ibid., p. 420—422, 632—633.

⁴ Ibid., p. 46.

Корбена из Лондона, утверждавшего со ссылкой на корреспондента «Таймс», что в Испании в январе 1938 года насчитывалось всего 25 тыс. итальянских и 4 тыс. немецких добровольцев, а интернационалистов — 48 тыс.¹ По французским же данным, в Испании тогда находилось 100 тыс. итальянских солдат и около 30 тыс. немецких. Войска Франко и его союзников, Гитлера и Муссолини, опираясь на англо-французское «невмешательство», вели настоящую истребительную войну против Испанской Республики.

Французский посол в Испании Лабонн 21 февраля спешно телеграфировал Дельбосу из Барселоны о тяжелом положении, в котором оказались республиканские войска под Теруэлем и на арагонском фронте. Посол отмечал, что республиканцы сражались с большим мужеством и отвагой, но им не хватало оружия и боеприпасов. Отмечая причины сложившегося на фронтах в Испании положения, посол писал, что на стороне испанских фашистов воюют два крупных государства, используя свои войска и военную технику. «Испания, — писал Лабонн со ссылкой на заявление премьер-министра Негрина, — испытывает на себе последствия, predeterminedенные блокадой. Ее положение — очевидный результат неравенства, которое создано открытой интервенцией, с одной стороны, невмешательством — с другой. Но республика будет держаться до конца»².

Премьер-министр Испанской Республики Негрин, обращаясь к западным державам с просьбой оказать республиканцам помощь тяжелой артиллерией, самолетами, техническими специалистами и транспортными средствами, говорил французскому послу 21 февраля: «Если республиканская армия обеспечит себя с помощью западных держав, если все недостающее ей позволят получить свободным транзитом из СССР, она восстановит положение, выиграет войну или быстро вынудит противника к отступлению». Премьер Негрин и президент Республики Асанья неоднократно заявляли представителям Франции и Англии, что за «тяжелое положение, в котором оказалась Испанская Республика, ответственность несут западные державы»³.

¹ DDF, t. VIII, p. 271.

² Ibid p. 439.

³ Ibid.

25 февраля президент Испанской Республики Асанья указал, что западные державы «самоустранились» и предоставили фашистским государствам возможность осуществить свои захватнические планы в Европе. Президент одновременно сказал, что СССР, защищая свои собственные интересы, интересы испанского народа и других европейских народов, стремится создать барьер и на западе континента против германской опасности. Оказывая помощь республиканской Испании, подчеркивал президент, СССР действует энергично, мощно, на основе справедливой концепции, соответствующей его основным интересам и служащей делу мира¹. Асанья констатировал, что благородная и бескорыстная помощь Советского Союза Испанской Республике производит глубокое впечатление на защитников свободы, героически сражающихся против фашизма в Испании. «Почему именно Советская Россия была призвана сыграть такую роль?— спрашивал президент и отвечал:— Это озадачивающее событие, но этот исторический факт означает великое понимание цели. Ее роль еще раз оказалась огромной»².

Президент Испанской Республики, обращаясь к французскому послу, особо подчеркнул, что «политика невмешательства», отказ от какой бы то ни было технической помощи, запрещение транзита и нарушение правил нейтралитета «являются для Англии и Франции самоубийственной политикой. Как можно по-иному квалифицировать позицию страны, которая с полным пренебрежением относится даже к своим важнейшим стратегическим интересам?» Президент еще раз предложил через французского посла западным державам заключить, пока еще есть время, соглашение о сотрудничестве с Испанской Республикой, включающее оказание ей помощи и совместную оборону испанских военно-морских баз, еще не захваченных фашистами.

Посол Лабонн, по существу, ничего не мог противопоставить аргументированным заявлениям президента Асаньи. Он решил отмахнуться от них, так как они звучали тяжелым обвинительным актом против предательской политики Франции и Англии. «Я отвечал президенту,— писал Лабонн в своем донесении Дельбосу,— что теперь совершенно бесполезно говорить об основах поли-

¹ Ibid., p. 544.

² Ibid.

тики невмешательства. Западные державы действовали в соответствии со своими принципами невмешательства во внутренние дела других государств. Только одна техническая помощь республиканской Испании имела бы своим последствием увеличение в два-три раза ее мощи. Это могло бы привести к всеобщему конфликту и огромным бедствиям и разрушениям в самой Испании»¹.

Президент, опровергая утверждение посла, указывал, что «невмешательство» западных держав в испанские события как ширмой прикрыло итало-германскую вооруженную интервенцию со всеми ее тяжелейшими последствиями для защитников свободы и демократии в Испании. В ответ на призыв президента, обращенный к французскому правительству, разрешить транзит советских материалов, следующих через Францию, посол упорно молчал. Тогда Асанья, перечислив уступки, сделанные западными державами Гитлеру и Муссолини во имя достижения сговора с ними, заявил: «Франция следует за Англией в этом деле. Среди этих уступок значится и умиротворение Испании»*. Затем Асанья поставил вопрос в упор: «Должны ли мы при таких условиях продолжать сопротивление?» Но и на этот вопрос не последовало ответа французского посла.

В марте Франко при широкой поддержке итало-германских интервентов развернул широкое наступление на арагонском фронте. 17—18 марта фашистская авиация подвергла массированной бомбардировке Барселону. Муссолини поспешил направить на помощь Франко новые войсковые части и боевую технику. Фашисты, ведя наступление на позиции республиканцев на арагонском фронте, прорвали их оборону шириной 80 км. Наступление франкистов поддерживали с воздуха 450—500 самолетов. На стороне республиканцев в воздушных боях участвовали 100—120 самолетов. Успех франкистов объяснялся главным образом их численным превосходством в авиации.

Мартовское 1938 года наступление франкистов и итало-германских интервентов увеличило угрозу Барселоне, создало большую напряженность на южной границе Франции и ее судоходству в западной части Средиземного моря. Второй кабинет Л. Блюма не мог остаться пол-

¹ DDF, t. VIII, p. 546.

* Выдача Испании фашистам.

ностью безучастным к этим событиям. Он решил обсудить создавшуюся ситуацию. В Париж из Барселоны был вызван французский военный атташе Морель. Блюм, выслушав доклад военного атташе, поставил перед ним вопрос: что может принести республиканцам «возможное вмешательство Франции» в испанские события?¹

Морель заявил, что испанские республиканцы еще могут сопротивляться, но восстановить прежнее положение они уже не в состоянии. Испанской Республике, чтобы отбить атаки фашистов, необходимо не менее 300 самолетов. Никакими другими видами оружия выполнить эту задачу невозможно. Отправить такое количество самолетов в Испанию, и притом немедленно, Франция не в состоянии, продолжал атташе. «Мое категорическое мнение, поддержанное министром обороны,— заявил Морель Блюму,— сводится к тому, что сейчас было бы несвоевременно и невозможно предоставлять французскую военную помощь Испанской Республике»². Французские руководители отказали в помощи испанским республиканцам. Эта последовательно проводившаяся французским правительством политика «невмешательства» привела в 1939 году к выдаче республиканской Испании фашистам.

5. СДЕЛКА ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ С ГИТЛЕРОМ ЗА СЧЕТ РАСЧЛЕНЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

С захватом Австрии гитлеровскими войсками Чехословакия оказалась зажатой фашистской Германией в клещи.

Над Чехословацкой Республикой нависла смертельная угроза. Спустя несколько дней после аншлюса президент Чехословацкой Республики Бенеш заявил, что он «рассматривает положение тяжелым и чреватым войной»³.

Начальник генерального штаба национальной обороны и армии Франции генерал Гамелен 14 марта 1938 г. в своей строго секретной записке, представленной совету министров, подчеркивая опасные последствия аншлюса, писал: «Чехословакия сразу оказалась полностью окруженной». Германские атаки, продолжал Гамелен, могут

¹ См. DDF, t. VIII, doc. 524.

² Ibid., p. 955.

³ Ibid., p. 885.

последовать на Чехословакию со стороны Силезии и австрийской границы. Строительство чехословацких укреплений завершено только на севере. Венгрия, поддержанная Германией, может напасть на Словакию. «Это и есть вся Чехословакия, которая падет под тяжестью этих ударов»¹.

Чехословацкое правительство, серьезно встревоженное создавшимся положением, официально запросило правительства Франции и Англии об их позиции в случае нападения Германии на Чехословакию.

Глава нового французского правительства Блюм и министр иностранных дел Поль-Бонкур 14 марта «вновь подтвердили г-ну Осускому заверение в том, что Франция исполнит эффективно, немедленно и полностью все свои обязательства в отношении Чехословакии, вытекающие из известного договора»².

Чехословацкий посланник в Лондоне Я. Масарик 12 марта встретился с лордом Галифаксом и по поручению своего правительства просил английское правительство сделать в связи с оккупацией Гитлером Австрии заявление в поддержку Чехословакии. «Заверяю вас,— ответил Галифакс,— что наши симпатии с вами, однако мы не можем сегодня дать вам никаких обязывающих обещаний». «О том, что вы не можете дать мне этих обещаний, я знал,— заявил в ответ Масарик,— но пришло время, чтобы вы каким-то образом дали понять, что находитесь на нашей стороне». Английский министр иностранных дел отмахнулся и от этой просьбы посланника. Зато Галифакс упорно пытался «убедить» Масарика, ссылаясь на три свои встречи с Риббентропом, в том, что Германия не намеревается нападать на Чехословакию³.

Гитлеровская дипломатия, со своей стороны, принимала шаги в том же направлении. Геринг и Нейрат от своего и фюрера имени «заверяли» чехословацкого посла в Берлине Мастны, что Германия «не тронет» Чехословакию, что ее войска не подойдут ближе чем на 15 км к чехословацкой границе, что она останется верной обязательствам германо-чехословацкого арбитражного соглашения, заключенного в Локарно.

¹ DDF, t. VIII, p. 786.

² Ibid.

³ AMZV CSSR. Донесение посланника Масарика. Лондон, 13 марта 1938 г.

Наряду с этим Гитлер направил Риббентропа в Лондон. Риббентроп, повторив Галифаксу заверения Гитлера относительно неприкосновенности границ Франции и Бельгии, поставил перед ним вопрос, почему Англия после этого должна вмешиваться в дела Центральной Европы? Почему она не предоставит Германии возможность действовать здесь так, как она хочет, для защиты своих прав и интересов?¹

Чемберлен и Галифакс отказались сообщить Риббентропу позицию Англии в данном вопросе, но считали вмешательство своей страны в дела Центральной Европы «все более и более трудным».

Английский премьер-министр Чемберлен 12 марта, выступая в палате общин, «сделал весьма неопределенное заявление относительно Чехословакии». Почти в то же время Галифакс, обсуждая с Корбеном чехословацкий вопрос, спрашивал посла, как Франция представляет себе «военную акцию в пользу Чехословакии, учитывая, с одной стороны, линию Мажино и рейнские укрепления, сооруженные Германией, а с другой — нейтралитет Швейцарии» и то, что Бельгия желает разделиться на кантоны. При этом Галифакс высказал Корбену неверие в то, что французские войска будут пропущены, на основе ст. 16 Статута Лиги наций, через бельгийскую территорию или территорию какого-либо другого иностранного государства, и заявил, что Франция не может рассчитывать на успех в воздушной войне против Германии, учитывая «численное превосходство германской авиации». Корбен 15 марта телеграфировал Поль-Бонкуру о том, что английское правительство не желает ввязываться в чехословацкие дела².

Между тем напряженность на границах Чехословакии продолжала возрастать. В Австрии, по утверждению посла Корбена, Гитлер сосредоточил 100 тыс. войск в качестве средства давления на Чехословацкую Республику. Одновременно Гитлер распорядился призвать в армию резервистов в Саксонии, Тюрингии, Силезии и сосредоточить германские войска в пограничных районах. Чехословакия была охвачена тревогой. Беспokoйство распространилось и во французской столице.

16 марта последовала из Берлина «утешительная» те-

¹ См. DDF, t. VIII, p. 426, 770, 771, 780.

² См. DDF, t. VII, p. 450, 469, 473, 814, 853, 881, 885.

леграмма от Франсуа-Понсэ. Посол утверждал, что находящиеся в Австрии германские войска не в состоянии предпринять эффективные действия против Чехословакии, а в Силезии и Саксонии не наблюдалось никаких военных приготовлений. Данное Герингом чехословацкому послу заверение в том, что Германия «не тронет» Чехословакию, остается в силе¹.

Президент Бенеш был другого мнения. Он еще раз заявил 17 марта французскому посланнику де Лакруа, что положение «реально чревато войной», что партия Генлейна, подстрекаемая Берлином, может в любой момент спровоцировать инциденты и дать повод Гитлеру для вторжения в Чехословакию. Что касается заверений Геринга и Нейрата, данных Мастны, в том, что рейх «не имеет никаких намерений в отношении Чехословакии», то Бенеш сказал, что они продиктованы стремлением Гитлера заставить чехословацкое правительство отказаться от мобилизации и усыпить его бдительность².

Во второй телеграмме из Праги — от 17 марта де Лакруа писал Поль-Бонкуру, что Бенеш хотя и полагает, что существует реальная угроза войны, однако считает возможным предотвратить ее. Главным условием достижения этого, по мнению Бенеша, является то, чтобы Франция и Англия твердо указали, что они этого не допустят и прибегнут к оружию, чтобы предотвратить войну.

Бенеш сказал де Лакруа, что он желает скорейшего достижения согласия между британским и французским правительствами в чехословацком вопросе и чтобы Париж добился от Лондона заявления о готовности Англии вместе с Францией прийти на помощь Чехословакии, если она подвергнется нападению Германии³.

Бенеш при каждой встрече с французским посланником заверял его в том, что он в отношениях с Берлином ничего не предпримет без предварительной консультации с Парижем и Лондоном. Он, как свидетельствуют факты и документы, возлагал все надежды, связанные с судьбой Чехословакии, исключительно на Францию и Англию⁴. Что касается указанных держав, то они уже тогда были очень далеки от готовности прийти на помощь Чехословакии. Особенно негативную позицию в отношении оказа-

¹ DDF, t. VII, p. 881.

² См. DDF, t. VIII, p. 886.

³ Ibid., p. 475, 887.

⁴ Ibid., p. 886.

ния помощи Чехословакии занимал французский генштаб во главе с Гамеленом. В докладной записке совету министров он представил дело так, что Франция не сможет оказать эффективную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, так как последняя может выставить до 200 дивизий и «успешно вести войну на два фронта». «Эти возросшие трудности,— писал Гамелен,— к которым прибавится почти мгновенное исчезновение русской мощи, заставят нас признать свое бессилие и приведут Францию к тому, что ей придется отказаться от роли, которую она играет в Европе»¹.

Однако большинство французозв стояли за оказание Францией помощи Чехословакии перед лицом гитлеровской угрозы. Вместе с тем кабинет Блюма отдавал себе отчет в том, что с захватом Германией Чехословакии рухнет «французская система союзов» со всеми вытекающими для Франции последствиями. Вопрос об обязательствах Франции прийти на помощь Чехословакии стал предметом обсуждения во многих французских правительственных инстанциях. 26 марта МИД Франции представил докладную записку своего юридического отдела, где утверждалось, что аннулирование Германией Локарнских соглашений 1925 года «ни в коем случае не дает основания сделать вывод о недействительности франко-чехословацкого пакта от 15 марта 1924 г.»* и что франко-чехословацкий договор от 16 октября 1925 г. «остаётся в силе»².

Правительство Англии, наоборот, с самого начала занимало прогитлеровскую позицию. 24 марта премьер-министр Чемберлен, выступая в палате общин, подтвердил обязательства Англии лишь в отношении Франции и отказался сформулировать какие-либо обязательства в отношении Чехословакии³.

Между тем положение в Чехословакии и вокруг нее все больше обострялось. Французское правительство пыталось как-то реагировать на это. Министр Поль-Бонкур 4 апреля совещался с французскими дипломатическими представителями в Москве, Варшаве, Праге и Бухаресте по вопросу «нового положения в Центральной Европе,

¹ DDF, t. VIII, p. 886.

* Речь идет о франко-чехословацком договоре от 25 января 1924 г., зарегистрированном в Лиге наций 15 марта 1924 г.

² DDF, t. IX, p. 18.

³ Ibid., p. 56—59.

возникшего после аншлюса, и опасности, которая ныне угрожает Чехословакии».

Французский посол в Москве Кулондр заявил, что СССР вместе с Францией выступит на помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. «Помощь СССР может принести огромную пользу, — продолжал посол. — Его значительные сухопутные и воздушные силы сосредоточены близ западной границы. Но как обстоит дело с пропуском советских войск? Это исключается Польшей. Это же, кажется, исключается и Румынией, поскольку не урегулирован вопрос о Бессарабии»¹.

Поль-Бонкур задал послу более чем странный вопрос: «Не смог бы СССР купить проход своих войск признанием Бессарабии частью Румынии?»². Он тут же предложил поручить Праге запросить по этому вопросу Москву.

Посланник в Праге де Лакруа, говоря о готовности СССР оказать помощь Чехословакии, указывал на то, что для этого подготовлены советские военные самолеты, в том числе скоростные бомбардировщики, для которых предусмотрены на чехословацкой территории «посадочные площадки».

Посол в Варшаве Ноэль, отвечая на вопрос Поль-Бонкура, на какую помощь может рассчитывать Чехословакия со стороны Польши, заявил, что, «если Германия нападет на Чехословакию, Польша не пошевелится». Единственной заботой Польши, продолжал Ноэль, явится усиление войск на своей юго-восточной границе, чтобы предотвратить вступление советских войск на ее территорию. Так будет до тех пор, пока Бек будет оставаться у власти.

Не более утешительным было заявление французского посланника в Бухаресте Тьери относительно позиции румынского правительства на случай германо-чехословацко-французской войны. «Если Германия нападет на Чехословакию, Румыния не выступит». Если Франция вступит в войну из-за Чехословакии, то Румыния, возможно, будет на стороне французов, однако лишь после консультации с поляками.

Поль-Бонкур в конце совещания сформулировал следующие задачи: одобрить эвентуальную советскую авиационную помощь Чехословакии; уточнить позицию польского правительства на случай нападения Германии на

¹ DDF, t. IX, p. 216.

² Ibid.

Чехословакию в нарушение германо-чешского договора 1925 года и на случай вступления Франции в войну на стороне Чехословакии; предпринять шаги в Бухаресте, чтобы «возродить франко-румынскую дружбу»¹.

Однако Поль-Бонкур не успел дожидаться ответов на эти вопросы. Пришедший к власти в апреле кабинет Э. Даладье во внутренней политике взял курс на отмену завоеваний Народного фронта, а во внешней — на сговор с Гитлером. В политической концепции премьера Даладье доминировали ярый антикоммунизм и антисоветизм. Стремления к сговору с Гитлером усилились. Даладье являлся давнишним и убежденным сторонником «примирения» капиталистических монополий Франции и Германии.

На Кэ д'Орсе появился новый министр иностранных дел — Жорж Боннэ. Многие крупные политические и государственные деятели на Западе, в том числе во Франции и Англии, дали ему и его деятельности уничтожающую характеристику. «Жорж Боннэ являлся врагом Народного фронта, другом Отто Абеца, агентом Риббентропа,— писал П. Кот,— доверенным лицом банковских кругов, которые играли видную роль в финансовой подготовке мюнхенских соглашений 1938 года»². «Боннэ — лгун,— говорил о нем главный советник министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт,— темная личность и человек, готовый на все ради своих личных интересов... Его присутствие там (на Кэ д'Орсе.— С. Ст.) является несчастьем не только для Испании, но и для самой Франции, ибо Боннэ — противник франко-советского пакта, а Франция как великая держава погибла бы без тесного сотрудничества с СССР»³.

С появлением на Кэ д'Орсе Ж. Боннэ реакционные, прогитлеровские тенденции в деятельности французского дипломатического аппарата значительно усилились. Министра и его помощников все больше стал интересовать чехословацкий вопрос. Стремление «выторговать» у Гитлера мир для Франции, выдав ему Чехословакию, и направить агрессию рейха в сторону СССР стало главной целью дипломатии Боннэ.

¹ DDF, t. IX, p. 215.

² Cot P. Op. cit., vol. 1, p. 165.

³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, с. 167 (далее: СССР в борьбе за мир).

Одновременно реакционная печать во Франции развернула крайне враждебную кампанию против Чехословацкой Республики, стремилась опорочить ее союзные отношения с СССР и Францией. В этом особенно отличались профашистские газеты «Матен», «Аксьон франсез». Газета «Тан», отражавшая мнение министерства иностранных дел, опубликовала 11 апреля статью реакционного буржуазного журналиста Бартелеми, в которой утверждалось, что «Франция вовсе не обязана воевать против Германии, чтобы заставить немцев продолжать жить в пределах ЧСР»¹. В Париже широко распространился слух о том, что в связи с приходом к власти правительства Даладьё — Боннэ Франция решительно изменит свое отношение к Чехословакии.

Чехословацкое правительство, встревоженное этими слухами, предписало своему посланнику в Париже Осускому немедленно выяснить позицию правительства Даладьё в этом вопросе. 11 апреля Осуский посетил Боннэ и просил его, чтобы правительство публично подтвердило обязательства Франции прийти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее извне. В ответ министр заявил посланнику: «Уход Поль-Бонкура ни в какой мере не изменит политику Франции в отношении Чехословакии»². Однако французский министр отказался удовлетворить просьбу чехословацкого правительства. «Если Чехословакия, — писал более 20 лет спустя Боннэ, — являлась бы объектом неспровоцированного нападения со стороны Германии, Франция должна была предоставить ей помощь и поддержку, формы которой никогда не были определены; мы никогда не были связаны с ней каким-либо военным договором»³. Боннэ здесь явно грешит против истины. Соглашением от 25 января 1924 г. Франция и Чехословакия обязывались прийти друг другу на помощь, а генеральным штабам обеих армий поручалось разработать «общий план действий в случае нападения на одну из сторон»⁴.

Президент Чехословакии Бенеш настаивал перед де Лакруа на том, чтобы правительство Даладьё публично

¹ Le Temps, 1.VI.1938.

² Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques. Genève, 1946, p. 190; AMZV ČSSR. Донесение Осуского № 496, 19 апреля 1938 г.

³ Bonnet G. Op. cit., p. 191.

⁴ Sbornik Zahraniční politika. Praha, 1924, s. 285—286.

повторило обязательства Франции прийти на помощь Чехословакии. «Я ответил (президенту.— С. Ст.),— телеграфировал де Лакруа Боннэ 11 апреля,— что Франция всегда была верна данному ею слову». Посланник, обращаясь к министру Боннэ, указывал, что было бы полезно, «чтобы председатель совета министров или Ваше Превосходительство сделали официальное публичное заявление в этом смысле»¹. Де Лакруа сообщал в той же телеграмме, что он настаивал перед президентом Бенешем о срочном определении пределов уступок судетским немцам. Посланник известил Боннэ и о том, что, выполняя поручение Поль-Бонкура, он интересовался «возможностью реализации эвентуальной русской военной помощи Чехословакии» и выяснил, что по этому вопросу ведутся переговоры между Прагой и Москвой. В заключение посланник утверждал, что пропуск советских войск через румынскую территорию связывается в Праге с вопросом об уступке Бессарабии Советским Союзом Румынии как «цены за проход»². В эту неблагоприятную «возню» по бессарабскому вопросу был втянут и французский посол в Москве Кулондр³. Тогда же французская дипломатия начала серию юридических консультаций по вопросу о том, обязывают ли Францию ранее заключенные франко-чешские договоры прийти на помощь Чехословакии или не обязывают.

Время шло. Подрывная деятельность фашистов в Чехословакии с каждым днем усиливалась. 24 апреля в Карловых Варах главарь гитлеровской партии в Судетской области К. Генлейн в своем выступлении отверг программу правительства об урегулировании вопроса о правах судетских немцев на справедливой основе⁴ и выдвинул требования фактического расчленения Чехословацкой Республики. Они предусматривали: определение границ немецкой территории (в пределах ЧСР); создание немецкой автономной администрации, ведающей всей общественной жизнью и защищающей интересы немецкого меньшинства в ЧСР; признание и применение правила, согласно которому немецкая территория должна управляться немецкой администрацией; предоставление

¹ DDF, t. IX, p. 323.

² Ibid.

³ См. ДВП СССР, т. XXI, с. 209.

⁴ Там же, с. 242.

полной свободы судетским немцам использовать идеологию немцев¹.

Эти требования были подсказаны генлейновцам из Берлина и предусматривали на начальной стадии создание фашистского государства внутри Чехословацкой Республики. 28 апреля Франсуа-Понсэ писал, что данные требования судетских немцев составляют всего лишь «минимум» желаемого фашистами, что главные события впереди, так как «рейх не остановится на этом, и события вскоре примут драматический характер»².

Из столиц европейских государств поступали все новые и новые сведения относительно реакции правительств на чехословацкий вопрос.

«Советское правительство,— сообщил посол в Варшаве Ноэль,— поставило в известность Прагу, что оно исполнит свои обязательства помощи Чехословакии, если Франция исполнит в отношении нее свои»³. По словам Ноэля, посетившего в эти дни Прагу с особой миссией по поручению Боннэ (в обход официального французского посла), президент Бенеш говорил ему, что Красная Армия является очень сильной, чему не верят во Франции, и тут же добавил: «Моя политика — политика западная. Я не желаю сотрудничать с СССР; это сотрудничество возможно лишь в той мере, в какой этого желает сама Франция»⁴.

Когда Ноэль, побывавший в эти тяжелые дни в Праге, спросил Бенеша, может ли Чехословакия рассчитывать на помощь других стран Малой Антанты, последний ответил: «Никакой надежды». Что касается Польши, указывал Ноэль, то она не пропустит через свою территорию советские войска. Вспоминая десять лет спустя о том времени, Ноэль писал: «Мы шли либо к войне, либо к капитуляции»⁵.

Между тем античехословацкая кампания в Париже, одним из руководителей которой являлся Боннэ, еще больше усилилась к концу апреля 1938 года. В нее активно включился ряд иностранных дипломатов. «Английский посол Фиппс и его пресс-атташе перед лондонским сове-

¹ См. DDF, t. IX, p. 492.

² Ibid., p. 552.

³ Ibid., p. 557.

⁴ Ibid., p. 558.

⁵ Noël L. L'Aggression allemande contre la Pologne. P., 1948, p. 198, 202.

щением 28—29 апреля,— писал Осуский,— вели открытую кампанию против Чехословакии и франко-чехословацкой политики»¹.

28 апреля английский военный министр Хор-Белиша на закрытом завтраке американских журналистов произнес речь, в которой высказал мысль, что ничто не может спасти Чехословакию от установления над ней немецкого господства, которое может быть достигнуто и без прямого нападения. «Дословно он сказал,— писал чехословацкий посланник в Лондоне Масарик,— что судьба Чехословакии предрешена. Германия насытится в Центральной Европе раньше, чем Запад помешает ей в этом. Чехословакия не может обороняться, поскольку ее южная граница не защищена, а Франция и СССР не могут оказать помощь»².

О позиции Советского Союза в обеспечении внешней безопасности Чехословакии английский военный министр говорил заведомую ложь.

Не далее как 23 апреля 1938 г. чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер телеграфировал министру иностранных дел К. Крофте следующее: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии...

Состояние армии и авиации позволяет это сделать. Ворошилов настроен весьма оптимистически. Желание оказать действенную помощь будет здесь всегда, пока Чехословакия не откажется от проведения демократической политики. Александровский был уполномочен передать это господину президенту»³.

26 апреля Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в докладе о международном положении заявил, что советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи основывается на том, что «Чехословакии мы помогаем в том случае, если ей помогает Франция, и, наоборот, Чехословакия нам будет помогать в том случае, если нам будет помогать Франция. Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь,

¹ AMZV ČSSR. Донесение Осуского № 739. Париж, 13 июня 1938 г.

² Mnichov v documentech, t. I. Praha, 1958, s. 38; см. также по этому вопросу ДВП СССР, т. XXI, с. 224.

³ Mnichov v documentech, t. I, s. 37.

не дожидаясь Франции...»¹. Так Советский Союз дал совершенно ясно понять, что он готов оказать необходимую помощь Чехословакии и без Франции. Советское правительство предлагало совместно с Францией и Чехословакией обсудить вопрос об обеспечении внешней безопасности последней «против возможной агрессии»². 27 апреля З. Фирлингер в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкиным заявил, «что такая позиция правительства СССР весьма ободряет чехословаков»³.

28—29 апреля в Лондоне проходила новая конференция английских и французских министров, рассмотревшая вопросы отношений Англии и Франции с Италией, испанскую проблему, контакты генштабов французской и британской армий, чехословацкий вопрос и др.⁴

Самое большое внимание Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ уделили чехословацкому вопросу. Лорд Галифакс заявил, что «правительство Его величества не может рассматривать позицию Франции и Великобритании как очень обнадеживающую в случае германского нападения на Чехословакию» и что оно «не может взять на себя новые военные обязательства».

Галифакс далее сказал явную ложь о возможном вкладе СССР (если, по его словам, «этот вклад вообще будет иметь место») «в дело защиты Чехословакии в случае нападения на нее Германии». В заключение он заявил, что при создавшемся положении Англия и Франция не смогут помешать «немедленному успеху» военных действий рейха против Чехословакии. Поэтому им следует использовать все свое влияние, чтобы заставить Бенеша добиться «разрешения проблемы немецкого меньшинства в Чехословакии на основе соглашения с представителями этого меньшинства»⁵, то есть с вожаками судетских фашистов.

Даладье заявил, что опасность, исходившая от Германии, грозит уничтожить не только Чехословакию, но раз-

¹ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 28 (далее: Новые документы).

² ДВП СССР, т. XXI, с. 218.

³ Новые документы, с. 29—30.

⁴ См. Documents on British Foreign Policy 1919—1939, Third series, vol. I, doc. 136 (далее: DBFP).

⁵ Ibid.

рушить основы европейского равновесия. Вслед за Австрией сегодня пришла очередь Чехословакии, а завтра придет очередь Румынии, и опасность всеобщего военного конфликта еще больше возрастет. Перед лицом такой перспективы, по мнению Даладье, Англия и Франция должны теснее объединить свои усилия и действия против германской угрозы и защитить независимость Чехословакии, привлекая к этому Польшу, Румынию и Югославию. Французский премьер, развивая свою точку зрения, указывал, что «Франция связана с Чехословакией договором, который содержит обязательство взаимной помощи; этот договор... был заключен правительством Бриана, который всю свою жизнь посвятил умиротворению Европы. В глазах французского правительства данный договор представляет большую жизненную силу, и оно полно решимости исполнить содержащиеся в нем обязательства»¹. Даладье подчеркнул огромное значение возможной военной помощи СССР, которая может быть предоставлена тем, кто вступит в борьбу против гитлеровской агрессии. Он указывал, что СССР «располагает самой сильной авиацией на европейском континенте, равной 5 тыс. боевых самолетов, что его военный потенциал и сырьевые ресурсы колоссальны». Даладье согласился с тем, чтобы «Англия и Франция предприняли новое усилие в Праге, но если его результаты окажутся неэффективными, они не должны позволить Гитлеру разрушить чехословацкое государство».

Соображения Чемберлена свелись к следующему: судетские немцы «требуют полного присоединения к Германии»; требования Генлейна, с которыми он выступил в Карловых Варах 24 апреля, являются более «умеренными» по сравнению с требованиями Германии, которая может прибегнуть по отношению к ЧСР к такому сильному экономическому давлению, что последняя его не выполнит, и в этом случае франко-чехословацкий договор окажется неприменимым и рейх может достичь своей цели, не мобилизовав ни одного солдата.

Чемберлен предлагал рекомендовать Бенешу пойти на максимальные уступки Германии, чтобы «не поставить своих союзников в крайне тяжелое положение», сообщить ему, на какую помощь и в каком случае Чехословакия

¹ DDF, t. IX, p. 578—580.

может рассчитывать и «в каком случае эта помощь ему не может быть предоставлена»¹.

По мнению английского премьера, положение Чехословакии является абсолютно безвыходным и никакая помощь Англии, Франции, а может быть, и США не спасет ее перед лицом нападения Германии.

Далее Чемберлен, оспаривая мнение о том, что Гитлер стремится к «разрушению» чехословацкого государства, заявил, что он «не верит в то, что фюрер хочет аншлюса». Надо предложить Бенешу разработать свой план реорганизации Чехословакии. Но если Германия желает этого разрушения, премьер-министр не видит, как его можно было бы предотвратить. Чемберлен предлагал в качестве единственного средства для решения чехословацкого вопроса переговоры с Гитлером².

Боннэ, заявив, что Франция одна защитит Чехословакию не сможет, предлагал добиваться урегулирования проблемы главным образом путем «воздействия на Прагу». Основным тезисом его выступления являлось достижение соглашения с Гитлером. Галифакс, отвечая Даладье, говорил, что конференции следует наметить дипломатические пути решения чехословацкой проблемы и что «ему кажется, что Праге необходимо сделать твердые представления»³, чтобы она пошла Берлину на самые значительные уступки.

В ходе конференции Галифакс предложил обоим правительствам направить их совместные усилия к тому, чтобы «разработать новые предложения, которые позволили бы сблизить Прагу и Берлин»⁴. Для этого, по его мнению, надо точно выяснить у Бенеша крайние пределы уступок Германии, на которые он готов пойти, а затем передать их Берлину и узнать его позицию. Далее сообщить судетским немцам, что Бенеш готов удовлетворить их требования на 60—70%. Если же они будут требовать стопроцентного удовлетворения этих требований, то дать им понять, что это может оказаться чреватой войной. Такая постановка вопроса, по мнению Галифакса, явится компромиссом между позициями Даладье и Чемберлена⁵.

¹ DDF, t. IX, p. 580—581; ДВП СССР, т. XXI, с. 227—228.

² DDF, t. IX, p. 581—583.

³ Ibid., p. 583.

⁴ Ibid., p. 584.

⁵ Ibid., p. 585.

Даладье не возражал и лишь предложил добавить к формулировке Галифакса следующую фразу: «Если, вопреки мирным заверениям Геринга, Германия прибегнет к оружию, Англия и Франция будут готовы встретить все вытекающие отсюда последствия»¹.

Французский премьер предложил обоим правительствам именно в такой формулировке предпринять демарш в Берлине. Чемберлен поспешил заявить, что формула, предложенная Даладье, может вызвать еще большее «раздражение» у руководителей Германии. Но для «успокоения» своих французских коллег он добавил, что, если Германия прибегнет к силе, Франция будет вынуждена вмешаться и Англия не может гарантировать того, что она не поступит так же². Даладье, выслушав эту фразу Чемберлена, тут же заявил, что позиция британского правительства близка к его собственной позиции³. В итоге участники конференции пришли к согласию в том, что «французское и английское правительства предпримут в Праге шаги, с тем чтобы добиться максимальных уступок от доктора Бенеша»⁴, и что они будут действовать в этом же духе и в Берлине.

На конференции была достигнута также договоренность о том, что Англия и Франция будут стремиться к расширению и углублению своих позитивных отношений с Италией на основе разграничения сфер влияния в Средиземном море, Африке и на Балканах. Что касается Испании, то их целью здесь является «примирение» борющихся сторон. По вопросу военного сотрудничества обе стороны договорились продолжать контакты английского и французского генштабов на основе достигнутого обоими генштабами соглашения (март 1936 г.) и сделанного Дельбосом заявления (декабрь 1936 г.).

Конференция, согласовав коммюнике для печати, завершила свою работу. При общем соглашательском духе лондонского совещания в ходе его проявились и моменты, озадачившие Гитлера: неоднократно повторенные в ходе дискуссии заявления Даладье о том, что Франция окажет помощь и поддержку Чехословакии, если последняя подвергнется нападению, заявление Чемберлена о том, что при вынужденном вступлении Франции в войну

¹ Ibid.

² См. DBFP, vol. I, doc. 164; DDF, t. IX, p. 586.

³ Ibid.

⁴ DDF, t. IX, p. 586.

на стороне Чехословакии Англия не может гарантировать, что она не поступит так же. Вместе с тем решения конференции, как и последовавшие действия правительств Англии и Франции, явились для Гитлера ободряющим фактором в его стремлении захватить Чехословакию.

С конца апреля враги Чехословацкой Республики как внутри, так и вне ее еще больше активизировались. Генлейновцы, подстрекаемые Берлином, стали выступать все более агрессивно. Их агрессивные действия должны были в конце концов послужить предлогом для вторжения германских войск в Чехословакию. Тем временем генеральный штаб Германии продолжал разрабатывать в деталях так называемый «Зеленый план» — план вооруженного нападения на Чехословацкую Республику. Постепенно Гитлеру становилась яснее подлинная позиция французского правительства.

Боннэ, возвратившись из Лондона, поспешил принять германского посла Вельчека и заверить его, что «более тесное военное сотрудничество Англии и Франции, о котором говорилось в Лондоне., не направлено против Германии»¹.

Приглашая Германию к заключению сделки с западными державами за счет Чехословакии, Боннэ говорил Вельчеку: «Франция и, насколько я могу судить, Англия охотно согласились бы быть посредниками и использовать свое давнее влияние, с тем чтобы заставить чехословацкое правительство пойти навстречу пожеланиям вплоть до крайних возможностей»². Министр уверял посла в том, что судетская проблема может быть решена мирным соглашением между Францией, Англией и Германией.

Информируя чехословацкого посланника Осуского об итогах лондонского совещания, Боннэ не скрыл от него «военной слабости» Франции и Англии, сетовал на «несговорчивость» англичан в чехословацком вопросе. «Я ему (Осускому.— С. Ст.) указал,— писал позже Боннэ,— что мы могли бы получить английскую поддержку, но только для того, чтобы урегулировать судетское дело»³.

Осуский немедленно отбыл в Прагу, с тем чтобы сообщить своему правительству полученную от французского

¹ ADAP, Bd. II, Dok. 144.

² Ibid.

³ Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques, p. 130.

министра информацию о результатах лондонских англо-французских переговоров.

4 мая в Праге на заседании правительства посланник сообщил точку зрения Франции на судетский вопрос. Его суждение значительно отличалось от того, которое накануне сделал французский посланник де Лакруа президенту ЧСР. Ссылаясь на телеграмму, полученную из Парижа, де Лакруа заявил Бенешу, что Даладье и Боннэ подтвердили в Лондоне «волю французского правительства исполнить все свои обязательства»¹ в отношении ЧСР. В телеграмме посланнику поручалось сообщить Бенешу: английским послом в Берлине будет заявлено, что, «если Германия прибегнет к применению силы, Франция вынуждена будет вмешаться и что Великобритания не сможет не последовать за ней». Далее в телеграмме было сказано, что чехословацкому правительству придется пойти на уступки до последних возможностей, чтобы содействовать урегулированию судетского вопроса «в рамках конституции и сохранения национальной целостности» Чехословацкой Республики².

5 мая Боннэ направил новую телеграмму де Лакруа, в которой ему предписывалось исключить из своего заявления Бенешу «условия», в которых должно осуществиться урегулирование судетской проблемы, со слов «в рамках конституции» и дать их в самых общих выражениях, с тем чтобы предоставить чехословацкому правительству «наибольшую свободу действий»³, то есть фактически согласиться на расчленение Чехословацкой Республики. Это полностью подтвердили последующие действия французской и английской дипломатий.

6 мая английский посланник Ньютон посетил чехословацкого министра иностранных дел Крофту и от имени своего правительства заявил ему, что с уничтожением Австрии положение Чехословакии значительно ухудшилось и что ни русская, ни французская поддержка не может быть своевременно оказана ей, не говоря уже об английской, которая если и будет оказана, то только в экономической области⁴. «Поэтому, — утверждал Ньютон, — в случае войны, вероятно, произойдет полное завоевание

¹ DDF, t. IX, p. 616.

² Ibid., p. 617.

³ Ibid., p. 625.

⁴ См. DBFP, vol. I, doc. 296.

Чехословакии»¹. Английский дипломат заявил, что чехословацкое правительство должно пойти по пути уступок так далеко, насколько это возможно. Посланник союзной Франции тоже потребовал от чехословацкого правительства самых значительных уступок в пользу генлейновцев². Крофта, выслушав де Лакруа, буквально прокричал: «Если пражский кабинет последует советам, данным ему Ньютоном, Чехословакия станет германской колонией»³.

7 мая британский посол в Берлине Гендерсон нанес визит начальнику политического отдела германского МИД Э. Верману и указал ему «весьма откровенно и ясно на тот интерес, который британское правительство проявляет к чехословацкой проблеме, и на возможность, в случае возникновения войны, вступления в нее Великобритании»⁴. Гендерсон далее заявил Верману, что британский посланник в Праге уполномочен своим правительством «рекомендовать чехословацкому правительству искать решения судето-немецкого вопроса на широкой основе путем достижения прямого соглашения с судетскими немцами»⁵.

Верман ответил Гендерсону, «что чехословацкое дело касается исключительно Генлейна и правительства Праги... Германия не дает инструкций Генлейну, но внимательно следит за развитием событий в Чехословакии...»⁶.

12 мая Крофта, сообщая чехословацким дипломатическим представителям за границей содержание английской ноты от 7 мая, писал: «Ввиду серьезного положения Лондон рекомендует сделать как можно больше уступок, а в случае необходимости еще больше, чем в предложенном меморандуме, и отказаться от тезиса национального государства»⁷. Британские рекомендации, которые подерживала Франция, требовали расчленения Чехословакии в угоду Гитлеру.

«Мнение о том, что Судеты должны быть включены в состав рейха и что Чехословакия является нежизнеспособной в настоящем виде и будет в конечном счете рас-

¹ DBFP, vol. I, doc. 296.

² Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, док. 53, с. 95—96.

³ DDF, t. IX, p. 658.

⁴ Ibid., p. 668.

⁵ ADAP, Bd. II, Dok. 150.

⁶ DDF, t. IX, p. 669.

⁷ Mnichov v documentech, t. I, s. 47—48.

членена,— писал Франсуа-Понсэ из Берлина 9 мая,— овладевает мало-помалу всеми немцами». Но высшие руководители рейха, «не исключая и самого Гитлера», «сомневаются относительно позиции, которую займет в случае конфликта Франция, так как последняя решительно заявляет о своем стремлении поддержать чехов... Они не знают, как поведут себя в таком случае Англия и Россия»¹.

О твердом намерении СССР прийти на помощь Чехословакии в соответствии с советско-чехословацким пактом о взаимной помощи от 16 мая 1935 г. хорошо знали в Париже и Лондоне, да и в Берлине. Эту позицию СССР при встрече в Женеве в мае нарком Литвинов изложил французскому министру иностранных дел. Боннэ спросил Литвинова, какую помощь окажет Чехословакии Советский Союз. При этом он добавил, что «поляки и румыны заявляют, что ни в коем случае не пропустят Красную Армию»². Бросаются в глаза два момента в разговоре Боннэ с Литвиновым: желание знать, что предпримет СССР в случае агрессии Германии против Чехословакии, и предупреждение, что Польша и Румыния не пропустят советские войска, идущие на помощь чехам. Можно полагать, что Боннэ уже в тот момент избрал вопрос о пропуске советских войск в качестве предлога для срыва франко-советского сотрудничества в деле оказания помощи Чехословакии. Весьма примечательно, что, когда Литвинов сказал Боннэ, что военные мероприятия должны были обсуждаться совместно с чехословаками, Боннэ указал, что Франция имеет в Москве своего военного атташе, который мог бы обсудить вопрос с советским генштабом. В этих словах Боннэ проскользнуло явное нежелание его правительства разработать план совместных военных действий трех генштабов. Нарком вполне резонно ответил министру, что «в Москве нет ни французского, ни чехословацкого генштабов»³.

Гитлеровская дипломатия как раз в тот момент особо упорно стремилась разорвать союзные отношения Чехословакии с СССР и Францией. Германский посол в Лондоне Дирксен и его сотрудники «постоянно настаивали на необходимости разрыва Чехословакии с Советами»,—

¹ DDF, t. IX, p. 669.

² ДВП СССР, т. XXI, с. 263.

³ Там же.

писал Корбен из Лондона 11 мая,— так как «чехословацкая дружба» с СССР «несовместима с потребностями добрососедских отношений между Прагой и Берлином». Гитлер и его дипломаты при каждом удобном случае пытались толкнуть Францию к разрыву «между Прагой и Парижем»¹. Этой цели служило, например, заявление Гитлера, сделанное им 12 мая польскому послу в Риме, о том, что «между Францией и Германией не существует никакого предмета для спора» и что «вопрос об Эльзас-Лотарингии не будет ставиться»² Германией.

Дирксен говорил Корбену, что «рейх ни в какой мере не опасается влияния, которое осуществляет правительство Франции в Чехословакии, и что он в этом отношении имеет в виду только Россию». Германский посол во всех своих разговорах в Лондоне пропагандировал «пакт пяти» держав. «Эта комбинация, по его мнению, спасет Европу от единственно настоящей опасности,— писал Корбен,— которая ей угрожает, давая при этом понять, что это коммунистическая угроза, исходящая от СССР»³.

Под своеобразный аккомпанемент шумихи о «коммунистической угрозе» Германия стала стягивать войска к чехословацкой границе. Судетские фашисты, со своей стороны, провоцировали новые инциденты против чехов. Вскоре после посещения фюрером Рима полпред СССР в Италии Б. Е. Штейн со ссылкой на итальянские источники писал, что «Гитлер действительно решил организовать в ближайшие месяцы внутреннее восстание судетских немцев и им прийти немедленно на «помощь»⁴.

В такой непрерывно усложнявшейся обстановке Франция и Англия оказывали все возрастающее давление на Чехословакию в сторону уступок немцам...⁵

13 мая Боннэ предложил чехам немедленно начать новый тур переговоров с генлейновцами и обнародовать проект «статуса Судетов», в котором содержались бы самые значительные уступки фашистам. 15 мая де Лакруа посетил президента Бенеша и премьера Годжу и настойчиво добивался от них незамедлительного выполнения «предложений» французского МИД.

¹ DDF, t. IX, p. 694.

² Ibid.

³ Ibid., p. 695.

⁴ ДВП СССР, т. XXI, с. 265.

⁵ Там же, с. 262.

Чехословацкое правительство, крайне встревоженное, еще раз обратилось в Москву с просьбой уточнить позицию СССР и получило совершенно точный ответ: Советский Союз окажет помощь Чехословакии, если она будет сражаться сама против фашистов и попросит у него эту помощь¹. Чехословацкое правительство поставило и перед Францией вопрос относительно эвентуальной помощи Чехословакии перед лицом угрожающих действий Гитлера. Правительство Даладье решилось выступить с «предупреждением» в Берлине.

Утром 17 мая Франсуа-Понсэ посетил германского министра иностранных дел Риббентропа и обратил его внимание на последствия возможной германской интервенции в Чехословакию. Министр, отвечая на заявление французского посла, сказал, что «Германия не ищет конфликта» и что он удивлен тем, что «Франция могла бы помышлять взяться за оружие из-за объекта, который отстоит от нее столь далеко»².

Если в Судетах возникнут «драматические инциденты», продолжал Риббентроп, «тогда можно ожидать молниеносного вмешательства фюрера и германской армии. Если в самом деле в момент, когда Германия вмешается, чтобы защитить своих братьев по расе, Франция вступит на территорию Германии, она совершит агрессию». В этом случае, заявил гитлеровский министр, вся Германия поднимется как один человек. Французский посол, отвечая Риббентропу, заявил: «Франция связана с чехами оборонительным пактом. Если Чехословакия, подвергаясь нападению германской армии, обратится к Франции с просьбой исполнить свои обязательства, последняя сочтет для себя за честь исполнить их, какой бы ни была военная мощь рейха». Посол также сказал министру, что в борьбе против германской агрессии Франция не будет одинокой. «Англия последует за ней. Россия к ней присоединится. Возможно, и другие страны.... Югославия и Румыния, а может быть, и Польша».

¹ См. Новые документы, с. 47—50. 17 мая 1938 г. Кулондр вторично телеграфировал из Москвы Боннэ, что «Советы готовы рассмотреть конкретную формулу военной помощи Чехословакии вместе с Парижем и Прагой». Но, как указывал Кулондр, чехословацкий посол в Москве до сих пор не имеет указаний своего правительства на этот счет.

² DDF, t. IX, p. 765.

По словам посла, его заявление подействовало на министра, и он вынужден был «бить отбой», хотя бы на словах. «Риббентроп заверил меня, — телеграфировал Франсуа-Понсэ, — что, по его твердому убеждению, подобное предположение не реализуется, но, что касается его лично, он всегда рекомендовал Судетам спокойствие и будет продолжать это делать и впредь»¹.

Вопреки заявлению Риббентропа, подготовка к реализации «Зеленого плана» продолжалась с нарастающей силой. 20 мая Крофта информировал де Лакруа о продолжающейся концентрации гитлеровских войск у границ Чехословакии. В тот же день в Париже были получены сообщения из Берлина от Франсуа-Понсэ и военного атташе генерала Ренондо о том, что сосредоточение немецких войск в Саксонии продолжается, по всей Германии отряды СА и СС приведены в боевую готовность, части дрезденского гарнизона покинули город и двинулись в восточном направлении. По сведениям французской разведки, концентрировавшиеся германские войска состояли главным образом из танковых и мотомеханизированных частей.

20 мая произошли кровавые инциденты в Шодау и Комотау, в результате которых было ранено несколько десятков человек. Несколько позже при попытке нарушить государственную границу Чехословакии были убиты два судетских фашиста. Правительство Чехословакии обсуждало вопрос о принятии военных мер внутренней безопасности и защиты границ ЧСР. Французская дипломатия заняла отрицательную позицию в данном вопросе. Ее представитель в Берлине Франсуа-Понсэ, узнав о намерениях чехословацкого правительства, немедленно телеграфировал в Париж: «Я узнал, что в связи с передвижением войск на границах... чехословацкий генштаб намеревается отдать приказ о мобилизации. При нынешнем положении вещей, мне кажется, это было бы ошибкой, может быть, той ошибкой, которую Германия ждет»². Де Лакруа сообщил Крофте, что немцы считают слухи о концентрации гитлеровских войск у границ Чехословакии «чистой глупостью»: речь идет всего-навсего об обычных весенних маневрах. Министр в ответ заявил посланнику, что вряд ли для проведения обычных весенних маневров

¹ DDF, t. IX, p. 765, 766.

² Ibid., p. 816.

к чехословацкой границе вызваны немецкие войска из районов Ганновера, Брауншвейга, Потсдама и Шверина. Нет, заключил Крофта, это «факт, что правительство рейха сконцентрировало свои войска, чтобы напасть на Чехословакию»¹.

Чехословацкий народ решительно потребовал от правительства принятия срочных и действенных мер обороны страны. В ночь на 21 мая правительство объявило о призыве в армию резервистов одного года и некоторых специалистов, что увеличивало численность чехословацкой армии на 170 тыс. человек.

Смелость чехословацкому руководству придавала твердая и последовательная линия Советского Союза в защиту Чехословакии².

Даже иностранные военные дипломаты в Москве отмечали полную готовность СССР прийти на помощь Чехословакии в дни майской тревоги 1938 года.

Чехословацкое правительство очень высоко ценило ту помощь, которую СССР оказал в то время Чехословацкой Республике. «Здесь Крофта несколько раз и в довольно теплых выражениях, — писал полпред СССР С. Александровский, — высказывал прямую благодарность за ту спокойную и твердую поддержку, которую он чувствовал за последнее критическое время со стороны СССР. Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии, в случае действительной нужды, действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию»³.

Мобилизационные мероприятия, проведенные Чехословакией в ночь на 21 мая, также сыграли свою роль. Гитлер, сосредоточив 11 дивизий у границ Богемии, не решался двинуть их в пределы Чехословакии. Но в Париже и в Лондоне буквально забили «тревогу» по этому поводу. Боннэ, ссылаясь на то, что Чехословакия призвала резервистов одного года, 21 мая в 22 час. 30 мин. телеграфировал де Лакруа, что в ситуации, созданной чехословацким правительством, «нельзя, однако, не учитывать решения, которое в ответ на это может быть принято в Берлине»⁴. Боннэ сообщил и о том, что он просиг-

¹ Ibid., p. 824—825.

² См. ДВП СССР, т. XXI, с. 218.

³ Новые документы, с. 50—51; ДВП СССР, т. XXI, с. 296.

⁴ DDF, t. IX, p. 82^F.

нализировал Осускому об удивлении британского кабинета., вызванного сообщением о призыве «чехословацким правительством резервистов одного года». «Сэр Эрик Филпс, — писал Боннэ, — опасается, как бы эта мера не послужила предлогом для германского правительства» начать вторжение в Чехословакию. Из телеграммы Боннэ можно было сделать вывод, что правительство ЧСР должно свернуть все предпринятые им оборонительные мероприятия. Посланник де Лакруа в тот же день прислал телеграмму совершенно другого характера: «Г-н Крофта сказал мне, что президент республики вынес благоприятное впечатление от встречи с советским послом, возвратившимся из Москвы. Г-н Александровский заявил, что Советское правительство очень хорошо понимает, что в данный момент было бы недостаточно говорить о договоре, связывающем оба государства. Москва ничего не требует, однако заверяет пражский кабинет в своей дружеской помощи в случае необходимости. Сталин и особенно маршал Ворошилов высказались в этом смысле»¹. Действительно, на стороне чехословацкого народа твердо стоял Советский Союз со своей военной мощью, готовый прийти на помощь Чехословацкой Республике.

При создавшейся ситуации Франция, народные массы которой требовали оказания всенной помощи Чехословакии, повторила ей обещания исполнить свои обязательства. Франсуа-Понсэ 21 мая снова заявил атташе-секретарю министерства иностранных дел Германии Вейцкекеру, что, «если Чехословакия явится объектом военной агрессии и обратится с призывом к Франции, последняя исполнит свои обязательства»². По свидетельству Осуского, 21—22 мая на столе у французского премьера Даладье лежал для подписи приказ о французской мобилизации в случае нападения Германии на ЧСР. Даладье 22 мая заявил Вельчеку, что обязательства Франции по отношению к Чехословакии являются «неотъемлемыми и священными»³.

Правительство Англии развитием событий было поставлено в довольно щекотливое положение. Чемберлен и его дипломатия были вдохновлены единственной идеей

¹ DDF, t. IX, p. 826.

² Ibid., p. 835—836.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 696. Париж, 19 июля 1938 г., с. 3.

достичь сделки с германским правительством в чехословацком вопросе. Но для этого явно не «созрели» условия.

Чехословакия приготавлилась сражаться за свою независимость против фашистского агрессора. СССР в соответствии с пактом о взаимной помощи от 16 мая 1935 г. серьезно и без всяких колебаний готовился оказать помощь Чехословакии. Французское правительство дважды (17 и 21 мая) официально поставило в известность германское правительство, что Франция исполнит свои обязательства в отношении своей чехословацкой союзницы. Британская дипломатия через своего представителя в Берлине Н. Гендерсона в дни майской тревоги неоднократно призывала гитлеровское правительство к полюбовному разрешению судетской проблемы.

При всей своей примиренческой и капитулянтской сущности представления Гендерсона германскому правительству не убедили его в том, что Англия останется в стороне от конфликта. Гитлер в сложившейся тогда обстановке не решился напасть на Чехословакию. 22 мая во второй половине дня он дал отбой. 23 мая в 12 час. Франсуа-Понсэ телеграфировал в Париж, что возможность немедленной военной операции Германии против Чехословакии в настоящее время исключена¹.

Правительство США в период майской тревоги ограничивалось рекомендациями обеим сторонам, германской и особенно чехословацкой, разрешить вопрос о Судетах соглашением. Когда же тревожное состояние пошло на убыль, оно временно потеряло интерес к чехословацкому вопросу.

Французская дипломатия в условиях временного спада острой напряженности в судетском кризисе, полагая, что Гитлер получил 20—22 мая «серьезный урок» и будет более сговорчивым, стала предпринимать интенсивные действия, с тем чтобы в кратчайший срок достигнуть «мирного урегулирования» чехословацкого вопроса, при этом само «урегулирование» осуществить на основе удовлетворения притязаний фашистов за счет Чехословакии. По расчетам Боннэ и его сообщников, оно должно было открыть путь к достижению общего сговора западных держав с Германией и Италией.

Уже во второй половине дня 22 мая Даладьё в беседе с Вельчеком предложил, чтобы Франция, Англия и Гер-

¹ DDF, t. IX, p. 826.

мания совместно подготовили «почву для радикального разрешения вопроса о судетских немцах», которое, как ему казалось, и «должно быть осуществлено незамедлительно»¹. В ответ Вельчек рассказал ему подробно о том, что группа «поджигателей войны» избрала центром своей подрывной деятельности Прагу и что эту группу активно «поддерживают русофильские элементы»². Иными словами, война грозит миру и цивилизации, по его убеждению, не со стороны Берлина, а со стороны «Праги и русских». По словам гитлеровского дипломата, его сообщение произвело впечатление на французского премьера. Поблагодарив Вельчека «за ясное и детальное сообщение» о происходящих в Праге и Судетской области событиях, Даладье выразил желание еще раз встретиться с послом, чтобы обсудить «все современные вопросы с такой же откровенностью, как сегодня». Германский посол, сообщая о своем разговоре с французским премьером в Берлин, писал, что Даладье, будучи ветераном прошлой войны, не «испытывает более дорогого своему сердцу желания, как сближение наших обеих стран»³.

23 мая Боннэ телеграфировал в Прагу де Лакруа, чтобы он добился от чехословацкого правительства возобновления диалога с Генлейном об урегулировании судетского вопроса. «Берлинские политические круги, — писал министр, — продолжают настаивать на том..., что Бенеш и чехословацкое правительство не хотят делать достаточных уступок и что помощь и поддержка, которую они получили от Лондона и Парижа, только поощряет их обструкционистскую позицию»⁴.

24 мая Франсуа-Понсэ в телеграмме Боннэ, по-своему объясняя причины проявленной рейхом «сдержанности» в дни майского кризиса, настаивал на необходимости дать указание французской и английской печати «не отмечать торжественно отступления рейха». «Тревога, кажется, закончилась, — писал он в другом донесении, — но напряженность продолжается и существует еще опасение, как бы рейх не попытался использовать первый же предлог, чтобы осуществить молниеносную интервенцию, от которой он на этот раз воздержался»⁵. Франсуа-

¹ Les archives secrètes, t. II, p. 197.

² Ibid., p. 198.

³ Ibid.

⁴ DDF, t. IX, p. 886.

⁵ Ibid., p. 842.

Понсэ явно заботился о том, чтобы создать вполне подходящий климат для успешных переговоров западных держав с Гитлером.

25 мая Боннэ говорил Вельчеку, что французское правительство отдает должное непосредственным усилиям германского правительства в пользу мира. И добавил при этом, что «он чувствительно тронут этими усилиями». Боннэ заверил далее Вельчека, что французское правительство, со своей стороны, прилагает все усилия к тому, чтобы добиться от чехословацкого правительства улаживания проблемы национальных меньшинств¹.

Министр заверил при этом посла, что «в самое короткое время совместными англо-французскими усилиями удастся обеспечить судетским немцам требуемые гарантии, по крайней мере, на 60—70%². «Если проблема меньшинства в Чехословакии будет урегулирована мирно, — продолжал Боннэ, — можно будет приступить к рассмотрению экономических проблем и вопроса сокращения вооружений»³.

Германский посол не преминул тут же указать на «препятствия, которые чинит разрешению судетской проблемы чехословацкое правительство»⁴. Боннэ давал всячески понять, что судетская проблема будет решена соглашением.

Чехословацкое правительство, следуя настойчивым «советам» Парижа и Лондона, пошло на возобновление контактов с вожаками судетских фашистов. При встрече 23 мая Генлейн потребовал от премьера Годжи в качестве предварительного условия увольнения из армии всех призванных резервистов и настаивал на том, чтобы его карлововарские требования легли в основу переговоров. Де Лакруа по поручению Боннэ настойчиво «советовал» правительству ЧСР немедленно отменить все принятые им 20 мая военные меры (уволить в запас резервистов, отвести войска от границы в глубь страны, запретить полеты самолетов в пограничной зоне и др.). Вместе с тем он передал Годже, что Боннэ выражает полное удовлетворение тем, что чехословацкое правительство «оставило широко открытой дверь для переговоров». «Год-

¹ Ibid., p. 924.

² См. ADAP, Bd. II, Dok. 210.

³ DDF, t. IX, p. 925.

⁴ Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques, p. 94.

жа пойдет до крайнего предела возможных уступок»¹, — телеграфировал де Лакруа в Париж после разговора с главой чехословацкого правительства. Нажим на Прагу осуществлялся из Парижа, Лондона и Берлина одновременно по всем линиям.

27 мая Боннэ сообщил в Прагу де Лакруа, что Лондон предложил направить в Судеты английского представителя для проверки исполнения распоряжения правительства ЧСР об отводе чехословацких войск от границы и проверки «подлинного положения» на ней; этим представителем может быть британский военный атташе в Праге². Тем самым французский министр санкционировал грубейшее вмешательство англичан во внутренние дела Чехословакии. 29 мая де Лакруа сделал новое твердое представление Годже с требованием скорейшей демобилизации всех призванных резервистов³. Чехословацкое правительство согласилось исполнить все требования об отмене оборонных мероприятий Парижа и Лондона к 12 июня⁴.

Тем временем Гитлер в еще более наглой форме потребовал от Праги аннулирования советско-чехословацкого договора о взаимной помощи от 16 мая 1935 г., чтобы развязать себе руки для расправы с Чехословакией. Сподвижники фюрера Гиммлер, Гесс и Геббельс были достаточно откровенными: «Чехословакия — нежизнеспособное государство, — заявлял Гиммлер, — которое должно исчезнуть на карте Европы». Геббельс неоднократно, выступая публично, требовал присоединения Судетов к рейху⁵. Английские высокопоставленные лица полностью разделяли взгляды руководителей рейха.

В этой политической атмосфере 8 июня Генлейн представил президенту Бенешу свои новые требования, состоявшие на этот раз из 12 пунктов. В них отвергались Конституция и республиканские органы центральной и местной власти в ЧСР, предлагалось вернуться к положению 1918 года, то есть к периоду до образования самостоятельного государства чехов и словаков. Вся страна должна была быть разделена на «автономные дистрикты» (кантоны), обладающие полной свободой в эконо-

¹ DDF, t. IX, p. 904.

² Ibid., p. 920.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 982—984.

⁵ Ibid., p. 89, 119.

мической, финансовой, административной и других областях. В Судетской области под прикрытием слов о предоставлении ей «реальной автономии» фашисты добивались создания государства со своим парламентом, обладающим всей полнотой законодательной власти, администрацией, состоящей исключительно из немцев и не подчиняющейся центральной власти, и населением, не подвластным юрисдикции Чехословацкой Республики. Бенеш, ознакомившись с этими требованиями, заявил де Лакруа, что «из 12 пунктов мы можем удовлетворить шесть пунктов полностью, три — частично и три из них кажутся нам неприемлемыми»¹. Президент считал «неприемлемыми» как раз те пункты требований генлейнцев, реализация которых имела бы своим последствием разрушение Чехословацкой Республики и создание фашистского государства, по крайней мере, в пределах Судетской области.

Даже де Лакруа, который по распоряжению своего начальника ежедневно оказывал нажим на чехословацкое правительство, вынужден был констатировать, что требования судетских вожakov сводятся к тому, чтобы «создать настоящее государство в государстве». Он, раскрывая сущность государства, создания которого требовали фашисты в Судетах, писал: «В результате под прикрытием административной и культурной автономии судетские немцы смогут создавать институты, которые прогрессивно приведут к изменению политической физиономии их края и установят там тоталитарный режим, аналогичный гитлеровскому». И далее: «Автономный режим», которого требуют, представляет угрозу «для суверенитета и независимости Чехословакии» и означает «катастрофу для всей страны в целом»².

Тем не менее Боннэ пригласил к себе 8 июня Осуского и, сообщив ему о царящих в Берлине «настроениях», предупредил, что уклонение Праги от удовлетворения их требований может иметь своим «результатом войну»³. Французский министр, снабдив чехословацкого посланника «памятной запиской», рекомендовал ему 9 июня поехать в Прагу. В записке говорилось о недовольстве Лондона ходом переговоров в Праге и указывалось, что

¹ DDF, t. X, p. 5.

² Ibid., p. 32.

³ DDF, t. IX, p. 1047.

французское правительство, со своей стороны, требует от Праги максимальных уступок судетским немцам в целях быстрейшего достижения соглашения. «Ситуация такова, — говорилось во французской «памятной записке», — что урегулирование не может себя ждать»¹.

Вслед за Осуским, проинформировавшим свое правительство о позиции французского правительства, к Бенешу поспешил и французский посланник. «Я сказал Бенешу, — писал де Лакруа, — что Германия, кажется, не отказалась окончательно от реализации своих замыслов в отношении Чехословакии», что в Берлине Бенеша считают главным виновником сопротивления чехов немецким притязаниям, что Лондон настаивает на том, что сейчас надо нажимать на Прагу, а не на Берлин. «Я заметил, — продолжал де Лакруа, — что Бенеш должен принять это во внимание»². Но Бенеш и его правительство не соглашались удовлетворить три важнейших требования генлейновцев, не желая тем самым вынести смертный приговор своему государству. Об этом, возвратившись в Париж, Осуский информировал Боннэ и указывал на то, что преднамеренно организованная кампания против президента Бенеша «имеет своей целью унижить Чехословакию, ослабить ее и вызвать разлад внутри»³.

14 июня из Лондона последовал новый настойчивый «совет» Парижу оказать давление на чехов⁴. Фиппс «просил» Боннэ «снова вмешаться, чтобы еще сильнее нажать на чехословацкое правительство и заставить его пойти по пути уступок дальше»⁵.

Однако Боннэ полагал, что при создавшейся ситуации дальнейший грубый нажим на чехов может повредить «дружественному урегулированию» судетского вопроса⁶. Дело в том, что чехословацкое руководство продолжало отвергать наиболее ненавистные и смертельно опасные для судеб Чехословакии требования фашистов. Оно же рассматривало вопрос о возможности введения в Чехословакии трехлетнего срока воинской службы, что имело

¹ DDF, t. IX, p. 1051.

² Ibid., p. 1045.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 766. Париж, 13 июля 1938 г.

⁴ См. DDF, t. X, p. 46.

⁵ Ibid, p. 63.

⁶ Ibid.

бы своим последствием увеличение численности вооруженных сил страны. Бенеш тогда еще считался с патристическими настроениями своего народа и его готовностью защищать свободу и независимость родины. В июне Советский Союз вновь открыто заявил о своей неизменной последовательной и твердой поддержке Чехословакии перед лицом гитлеровских домогательств и систематического нажима на нее западных держав.

«Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, — говорил нарком М. М. Литвинов на собрании избирателей Петроградского избирательного округа Ленинграда 23 июня 1938 г., — что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии. Необходимо сказать, что, обещая помощь жертве агрессии, Советское правительство не использует эту помощь в качестве средства давления на эту жертву, чтобы побудить ее капитулировать перед агрессором и действовать таким образом, чтобы какая-либо помощь ей была излишня. Наша общая политика мира заставляет нас естественно желать, чтобы конфликты, возникшие у Чехословакии с ее соседями, разрешались мирным путем, но мы строго воздерживаемся от каких-либо непрошенных советов чехословацкому правительству... В международном разрезе Чехословакия является обороняющейся стороной и... ответственность за последствия во всяком случае будет нести сторона нападающая»¹. Французский посол в Москве Кулондр трижды (29 июня, 8 и 12 июля) в своих донесениях откликнулся на эту речь Литвинова. При этом в первом случае он обращал внимание своего руководства на то, что «народный комиссар указал на отсутствие (с советской стороны. — С. Ст.) какого-либо совета Праге по судетскому вопросу, считая, что это относится к внутренней политике Чехословакии». Во втором случае он перевел и направил на Кэ д'Орсе весь текст речи Литвинова, но без каких-либо существенных комментариев, в третьем, 12 июля, посол направил Боннэ только ту часть речи Литвинова, которая касалась определения позиции СССР в отношении Чехословакии, и от себя писал следующее: «Эти заявления

¹ Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939, док. 79, с. 141—142.

народного комиссара совпадают по всем пунктам с теми, которые он делал мне лично в ходе наших последних разговоров и которые я представил в своих донесениях от 29 июня»¹.

Руководителей французской политики, в том числе Боннэ, серьезно тревожило и то обстоятельство, что, несмотря на многие помехи, советско-чехословацкие военные контакты все же постепенно продвигались вперед. В конце июня 1938 года, в момент, весьма сложный для Чехословакии, когда непрерывно следовали из Берлина одна угроза за другой в адрес Праги, а Париж и Лондон продолжали на нее наседать, склоняя к капитуляции перед фашистами, чехословацкая военная делегация направилась в Москву и вела переговоры по вопросам, интересовавшим обе стороны. Французам, со слов Фирлингера, стало известно, что они касались «строительства аэродромов».

В связи с этими переговорами Кулондр, ссылаясь на сведения, полученные от иностранных дипломатов в Москве, и в частности от американского посла Д. Дэвиса, сообщил своему министру, что «Советы обещали чехословацкому правительству предоставить в случае агрессии мощную помощь в количестве 900 самолетов-бомбардировщиков»². Может быть, следует поставить в прямую связь от указанных выше и других факторов некоторые «зигзаги» в политике французского правительства по чехословацкому вопросу в июне — июле 1938 года, когда Даладьё и даже Боннэ заявляли, что Франция готова защищать Чехословакию. Но «зигзаги» не меняли общего курса французской политики, рассчитанной на достижение империалистической сделки с Гитлером за счет Чехословакии.

Французские дипломаты и их английские коллеги непрерывно искали способы достижения этой сделки. Так, де Лакруа 29 июня в телеграмме Боннэ предлагал использовать «идею» Гендерсона об англо-германском посредничестве, если переговоры между Прагой и Судетами окажутся на «мертвой точке». «Может быть, — писал дипломат, — стало бы возможным воплотить ее в Локарно Центральной Европы, в соглашение при помощи добрых услуг французского и британского правительств».

¹ DDF, t. X. doc. 187, 196.

² Ibid., p. 363.

Франсуа-Понсэ в своей переписке несколько раз предлагал также «элегантное» разрешение германо-чехословацкого разногласия¹.

К концу июня английское министерство иностранных дел завершило разработку плана «нейтрализации Чехословакии»* и направило его своему послу в Париже Фиппсу на согласование с Боннэ.

В плане рекомендовалось Чехословакии «изменить статут своих внешних сношений путем аннулирования обязательств взаимной помощи с Францией и СССР, предусмотренных договорами 1924 и 1935 годов. В этом случае Германия обязана была бы уважать территориальную целостность Чехословакии, а последняя — препятствовать использованию своей территории для осуществления «агрессии против других государств»². Это был неслыханно наглый диктат суверенному государству.

Французский министр Боннэ, ознакомившись с планом, дал уклончивый ответ: он обещал изучить его, рекомендовав при этом соблюдать «большую сдержанность в отношениях с Германией»³. Зато директор политического отдела МИД Франции Массигли в беседе с советником британского посольства в Париже Кэмпбеллом дал несколько позже отрицательный ответ на английские предложения. В официальной записке, анализируя британский план, Массигли писал: «Бесспорно, в случае германской агрессии против Франции дружественная ей Чехословакия может играть значительную роль». Показав конкретно, какую роль Чехословакия может играть в военных операциях против Германии, автор записки утверждал: «Британское предложение, стремящееся освободить Чехословакию от обязательств помощи, которые она имеет по отношению к Франции, отрицательно скажется на нашей стратегической позиции в случае франко-германского конфликта»⁴.

По мнению Массигли, британское предложение является вознаграждением Германии, так как Чехословакия должна взять на себя «обязательство не разрешать ис-

¹ DDF, t. X, p. 221.

* Разработка этого плана, в которой участвовали руководящие сотрудники Форин оффис, послы Гендерсон, Фиппс, посланник Ньютон, началась еще 9 июня 1938 г.

² DBFP, vol. 1, doc. 421; ДВП СССР, т. XXI, с. 388.

³ DBFP, vol. 1, doc. 421.

⁴ DDF, t. X, p. 316.

пользования своей территории для нанесения ударов по рейху»; оно направлено на уничтожение Малой Антанты, на поглощение рейхом самой Чехословакии, а Румыния и Болгария, а также Польша не смогут оказать какое-либо сопротивление германской агрессии.

Массигли, раскрывая далее подлинные цели политики поощрения западными державами агрессии Германии на востоке Европы и ее возможные пагубные последствия для них самих, указывал, что если поверить, что Германия таким образом будет удовлетворена за счет востока Европы и что вследствие этого другие ее требования, направленные против западных держав, не будут выдвигаться, то можно будет считать, что «ущерб, причиненный ею положению западных держав в Центральной Европе, явится для них не слишком высокой ценой». «Но если, напротив, — продолжал он развивать свою мысль, — осуществив свои цели ближайшей экспансии в Центральной Европе, Германия предусмотрительно не ввяжется в конфликт с СССР и повернется на запад, чтобы реализовать последнюю часть своей программы ближайших требований, имея в виду колониальные притязания.., то следует предположить, что британские предложения, даже если они содержат в себе некоторые возможности сохранить мир на ближайшее время, не могут устранить на длительный срок возможности конфликта, и в тот день, когда этот конфликт разразится, они поставят нас в исключительно неблагоприятное положение»¹. Массигли рекомендовал своему правительству взвесить возможные последствия и шансы на «успокоение», которые может иметь реализация британского плана. В данных суждениях французского дипломата совершенно откровенно видна агрессивная сущность политики «умиротворения» германского агрессора западными державами за счет СССР и других стран Центральной Европы и выражена боязнь за возможный ее провал, который мог обернуться бумерангом против Запада.

Хотя Кэ д'Орсе отнеслось «прохладно» к данному плану Форин оффис, британские дипломаты, а вместе с ними и французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ стали всячески его продвигать. Франсуа-Понсэ, разделяя идеи британского плана и действуя параллельно с Ген-

¹ DDF, t. X, p. 316.

дерсоном в пользу его осуществления, предложил свой личный план, который, по его собственным словам, должен был понравиться Гитлеру.

Стремления реализовать этот план определили и тактику французского дипломата. Франсуа-Понсэ, когда Гитлер усилил военные «демонстрации» в районах рейха, прилегающих к Франции и Чехословакии, присылал на Кэ д'Орсе донесения, в которых содержались заведомо неверные сведения, которые имели разлагающее влияние на буржуазное общественное мнение Франции. «Когда присматриваешься здесь к печати, — писал из Парижа в июле Суриц, — ...к роли банков, трестов, реакционной женщины, когда наблюдаешь этот панический страх, смешанный с пиететом перед германской силой, немецкой «мощью», когда изо дня в день являешься свидетелем вечных оглядок, уступок, постепенной утраты своего собственного, самостоятельного лица во внешней политике.., то невольно возникают тревожные мысли и сомнения»¹. Советский посол указывал, что в такой политической атмосфере непрерывно нарастают во французском правом лагере антисоветские тенденции².

В большой степени способствовала развитию этих отрицательных политических явлений во Франции гитлеровская пропаганда. 27 июня, принимая французского генерала Ронда в Берхтесгадене, Гитлер говорил ему: «Я горячо желаю достижения согласия с Францией. Я знаю, что этого трудно достичь, но это согласие необходимо, чтобы спасти европейскую цивилизацию». «Спасать» ее следует, по утверждению фюрера, от коммунизма. «Коммунизм является не только внешней угрозой, — вещал Гитлер, — он является также растворителем для всякого современного общества изнутри». В ходе беседы Гитлер старался всячески убедить своего французского собеседника в том, что после «присоединения» Саара к Германии между нею и Францией не существует никаких территориальных споров, что он отказывается и от «эльзасцев, которые являлись плохими, — по его словам, — немцами и которые несомненно будут плохими французами». Но все же между Германией и Францией, заявил далее Гитлер, существует два вопроса: вопрос о

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 401.

² Там же.

колониях, отнятых у Германии в 1919 году, и вопрос о Чехословакии. Но из-за них не следует воевать. Колониальный вопрос решится в свое время, а чехословацкий вопрос, дескать, должен быть решен сейчас. «Мне нужен мир, — восклицал Гитлер. — Автономия для судетских немцев в пределах чехословацких границ, с гарантией хорошего обращения с ними, была бы приемлемой для меня». В заключение разговора Гитлер, возвратившись еще раз к проблеме франко-германских отношений, говорил: «Я убежден, что сближение с Францией — единственное, что может спасти цивилизацию. Если его трудно достичь в настоящее время, то это потому, что французское правительство в своем большинстве состоит из противоречивых элементов, и в частности из коммунистов, которые против всякого сближения с Германией». Лживые утверждения фюрера произвели на Ронда совершенно определенное впечатление. «Гитлер показался мне весьма уверенным, — писал он в отчете о своей встрече с ним, — когда заявил: „Я там (в ЧСР.— С. Ст.) наведу порядок, если будет продолжаться угнетение судетских немцев”». И далее генерал добавил от себя: «Если не будет найдено мирное и дружественное решение для Судетов, опасность войны окажется слишком большой»¹.

Вскоре Гитлер и Геринг приняли в Берлине командующего французскими военно-воздушными силами генерала Вуиллемена.

В разговоре с Вуиллеменом Гитлер просто отделался общими фразами, решив заранее, что все нужное скажет французскому генералу Геринг. В самом деле, Геринг, принимая Вуиллемена, пытался «удивить» его авиационной мощью рейха и припугнуть тяжелыми последствиями, которые будет иметь оказываемая Францией помощь Чехословакии². Маршал авиации рейха пытался «убедить» командующего французскими военно-воздушными силами в том, что для Франции единственный выход — сблизиться с Германией и оставить на произвол судьбы свою союзницу — Чехословакию.

Французским руководителям, осуществлявшим общий курс на достижение сговора с Гитлером за счет чехов, приходилось «время от времени публично заявлять о верности Франции своим обязательствам в отношении

¹ DDF, t. X, p. 250.

² Ibid., p. 705—707.

Чехословакии*. На деле же, по мере возрастания нажима Лондона на Прагу, усиливался нажим Парижа на Бенеша и его правительство. 19 июля де Лакруа передал Бенешу предупреждение Боннэ о том, что, если чехи не пойдут на соглашение, удовлетворяющее генлейновцев, «британское правительство, влияние которого в этом деле является основным, предложит арбитраж и что Франция не сможет не присоединиться к этому предложению. В результате судьба Чехословакии окажется в третьих руках»¹. Президент, выслушав посланника, сильно взволновался. «Он мне сказал, — писал на следующий день де Лакруа Боннэ, — что, в то время как возрастает непрерывно давление, оказываемое на него британским и французским правительствами, судетские представители неизменно настаивают на программе, развитой Генлейном в Карловых Варах». Бенеш здесь же высказался против предложенного Галифаксом плебисцита, заметив, что «это был бы крайне опасный прецедент, поскольку он поставил бы под вопрос границы всех государств обширного района Европы»². Президент отверг предложение об арбитраже, который, по его мнению, имел бы катастрофическое последствие не только для Чехословакии.

Боннэ на следующий день пригласил посланника Осуского, чтобы «еще раз ясно изложить ему французскую позицию».

«Чехословацкое правительство должно определенно знать нашу позицию, — говорил Боннэ Осускому. — Франция не будет вести войну из-за судетского дела. Разумеется, мы публично подтверждаем нашу солидарность, как этого желает чехословацкое правительство, и это подтверждение солидарности должно позволить чехословацкому правительству достичь мирного и честного решения. Во всяком случае, чехословацкому правительству не следует быть уверенным, что, если разразится война, мы будем на его стороне». Осуский сказал Боннэ, что он в своих донесениях и личных разговорах с чехословацкими руководителями, включая его последнюю встречу с Бенешем, ясно изложил эту точку зрения фран-

* Так, например, премьер Даладьё 12 июля 1938 г. заявил, что обязательства Франции по отношению к Чехословакии являются «безусловными и нерушимыми», что это «обязательства чести» для его страны.

¹ DDF, t. X, p. 404.

² Ibid., p. 430.

цузского правительства. Вместе с тем посланник настаивал на том, чтобы содержание его разговора с министром не «вышло наружу», чтобы французское правительство продолжало подтверждать и впредь свою солидарность с чехословацким правительством, так как «только с учетом этого оно может добиться почетного решения судетского вопроса». «Я ответил, — свидетельствует сам Боннэ, — что согласен. Выступая публично, я буду напоминать о связях, которые соединяют нас с Чехословакией. Но чехословацкое правительство, должно быть, хорошо знает, что Франция, как и Англия, не вступит в войну»¹.

6. ПОПЫТКИ КЭ Д'ОРСЕ ИЗВРАТИТЬ ПОЗИЦИЮ СССР

21 июля Осуский, посетив дважды Кэ д'Орсе, уверял Боннэ, что чехословацкое правительство готово пойти на новые уступки судетским немцам, что вовсе не со стороны Бенеша исходит сопротивление немецким требованиям. «Я снова и подробно рассказал министру Боннэ о многообещающей уступке, — доносил Осуский в Прагу, — которую чехословацкое правительство предоставит судетским немцам, уступке, означающей частичную внутреннюю федерализацию Чехословакии»². Указанная уступка не удовлетворяла фашистов. На Кэ д'Орсе высказали недовольство тем, что Прага медлит с решением вопроса о Судетах, что она «погрязла в деталях», что ее позиция является помехой на пути общеевропейского урегулирования³.

Английское правительство, со своей стороны, поставило в известность Чехословакию о том, что намерено направить в Прагу своего представителя, который бы изучил суть спора между чехословацким правительством и генлейновцами и при необходимости выступил бы посредником в данном споре. Не решаясь отклонить предложение Лондона, Прага запросила мнение Парижа по данному вопросу. Крофта предписал Осускому в самое ближайшее время узнать «мнение французского правительства», так как «Лондон желает быстрого ответа»⁴.

¹ DDF, t. X, p. 347.

² AMZV CSSR. Донесение Осуского № 996. Париж, 22 июля 1938 г.

³ Там же.

⁴ Mnichov v documentech, t. I s. 74.

Боннэ, предварительно посоветовавшись с Даладьё, 23 июля принял Осуского и заявил ему, что предложение английского правительства о посылке в Чехословакию с посреднической миссией Ренсимена* следует принять. «Если же чехословацкое правительство отклонит британское предложение, — пригрозил тут же французский министр, — оно рискует увидеть британское правительство совершенно не интересующимся судьбой Чехословакии»¹. «...Мною этот вопрос вообще не ставится», — поспешил заявить посланник.

Когда собеседники перешли к вопросу о полномочиях Ренсимена, Осуский спросил Боннэ, «должна ли Чехословакия принять Ренсимена как посредника по всем вопросам или только по некоторым»². Боннэ в ответ заявил, что этот вопрос является для него новым и он даст ответ на него, посоветовавшись с премьером Даладьё. Боннэ еще задал Осускому вопрос, как бы отнеслось правительство ЧСР к тому, «если бы Франция тоже послала в Прагу какого-либо своего представителя?» Посланник ответил министру, что «отношения Франции и Чехословакии являются отношениями союзников и поэтому французское правительство не может выступить в роли посредника, как это делает Англия». Боннэ тут отказался от своего предложения.

25 июля Осуский пришел на Кэ д'Орсе получить ответ на вопрос, поставленный им накануне. «Было бы нехорошо, — ответил министр, — если бы у англичан возникло подозрение, что Чехословакия желает от чего-то уклониться»³.

Посланник пытался выяснить у министра, как далеко склонны пойти западные державы в уступках фашистам в чехословацком вопросе. Боннэ «успокоил» посланника, сказав, что «Англия всегда заявляла, что она не может вести переговоры в ущерб суверенитету, внешней политике и территориальной целостности Чехословакии»⁴. В от-

* Форин оффис поставил об этом в известность Кэ д'Орсе еще 25 июня, и Боннэ сразу же дал свое согласие (см. ADAP, Bd. II, Dok. 345).

¹ DDF, t. X, p. 487.

² AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1032. Париж, 28 июля 1938 г.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1033. Париж, 28 июля 1938 г.

⁴ Там же; по этому же вопросу см. ДВП СССР, т. XXI, с. 414—415.

вет Осуский попросил Боннэ напомнить все это Англии теперь, когда требования генлейновцев к Праге непрерывно возрастают. Вместе с тем он заметил, что создается впечатление, что Франция отошла от своей прежней политики в чехословацком вопросе. «Если бы такое мнение утвердилось, — говорил далее Осуский, — то достижение соглашения между пражским правительством и судетскими немцами было бы невозможно, Германия оказалась бы незаинтересованной призвать судетских немцев к миролюбию, и тогда Франция никогда не могла бы занимать в Центральной Европе прочного политического положения»¹. Чехословацкий посланник просил французского министра сообщить в Лондон мнение своего правительства и предупредить Англию не предпринимать через Ренсимаена никаких мер без общего согласия Парижа и Лондона².

Советское правительство через своего полпреда в Праге «настойчиво пыталось отговорить» Крофту от принятия английского предложения о посылке Ренсимаена арбитром³.

Французская дипломатия действовала в этом вопросе в полном согласии с английской. 27 июля Боннэ в телеграмме на имя дипломатических представителей Франции в Праге и Лондоне писал: «Я остаюсь в полном согласии с ним (Галифаксом. — *С. Ст.*) на почве общего интереса примирительной процедуры, столь быстрой и эффективной, насколько это возможно»⁴.

Боннэ пригласил на беседу германского посла Вельчека и заявил ему, что французское правительство содействует мирному разрешению чешской проблемы, которое учитывало бы интересы всех. А миссия в Прагу лорда Ренсимаена «была предпринята с полного согласия английского и французского правительств»⁵.

29 июля Корбен сообщил из Лондона, что лорд Галифакс заявил ему, что было бы трудно ограничить сферу, в которой «надлежит действовать Ренсимаену», но что вопрос о нейтрализации Чехословакии, привлекавший

¹ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1032. Париж, 28 июля 1938 г.; по этому же вопросу см. ДВП СССР, т. XXI, с. 414—415.

² См. DDF, t. X, p. 512.

³ См. ДВП СССР, т. XXI, с. 403—405.

⁴ DDF, t. X, p. 502.

⁵ Les archives secrètes, t. II, p. 294.

внимание некоторое время назад, не будет выдвигаться английским советником¹.

Утром 30 июля де Лакруа подтвердил президенту Бенешу «совет», переданный ему французским министром через Осуского, «полностью согласиться на английское предложение о добрых услугах во всех предусмотренных им элементах». Через несколько дней Боннэ протелеграфировал посланнику де Лакруа «пожелать успеха высокой миссии Ренсимена». Тем временем в Париж поступали сведения о том, что британская дипломатия полностью прекратила давать Берлину какие бы то ни было советы умеренности².

Сторонники сговора с Гитлером во Франции развернули активную подрывную деятельность. Большую группу французских нацистов — от Фландена до Боннэ, действовавшую в самом тесном контакте с британским послом Э. Фипсом и немецким шпионом Абецом, объединяла общая цель: выдав Гитлеру Чехословакию, обрушить германские полчища на СССР. Фланден предлагал правительству Даладье ввиду якобы «грозной опасности» добиться «немедленного соглашения с Германией»³. Газета «Тан» из номера в номер публиковала клеветнические статьи против Чехословакии и заявляла, что эта страна не стоит крови ни одного французского солдата. Авторы статей, в особенности военные обозреватели, утверждали, что у Чехословакии нет шансов получить своевременную и эффективную помощь от Советского Союза. «Тан» даже решила сообщить своим читателям, что Румыния и Польша решительно отказываются пропустить советские войска через свои территории⁴.

В то время как вырисовывались общие контуры будущей империалистической сделки западных держав с рейхом по чехословацкому вопросу, ее организаторам важно было добиться полной политической изоляции Чехословакии, и в особенности лишить ее поддержки СССР. Боннэ и его дипломаты стали упорно добиваться «охлаждения» чехословацко-советских союзных отношений и разрыва взаимовыгодного сотрудничества между Чехословакией и СССР, подготавливая отказ Бенеша и его

¹ См. DDF, t. X, p. 536.

² Ibid., p. 537—766.

³ AMZV CSSR. Донесение чехословацкой дипломатической миссии № 1105. Париж, 10 августа 1938 г.

⁴ Le Temps, 14.VII.1938 и за последующие дни.

правительства от возможности воспользоваться советской помощью для отражения эвентуальной гитлеровской агрессии.

Кулондр доносил из Москвы в июле 1938 года о том, что «чехословацкое правительство не является горячим сторонником дать ход советскому предложению относительно переговоров втроем», то есть переговоров представителей генштабов СССР, Франции и Чехословакии¹. Несколько позднее временный поверенный Франции в Праге Ламарль писал Боннэ: «В действительности правительство Праги не разделяет желаний некоторой части общественности, которая склоняется видеть в России главную помощь, необходимую для Чехословакии»².

Как германских фашистов, так и реакционных дипломатов Франции и Англии очень серьезно беспокоила политика СССР в защиту Чехословакии. Их тревожило то, что Чехословакия, желая защитить себя от агрессии рейха, попытается опереться на советскую помощь. 22 августа к наркому Литвинову явился германский посол Шуленбург и, выполняя специальное задание своего правительства, усиленно стремился свести разговор к чехословацкой проблеме, пытаясь «выяснить настроения Чехословакии, Англии, Франции и СССР»³.

Литвинов от имени Советского правительства твердо заявил ему, что «чехословацкий народ, как один человек, будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не может оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией»⁴. Содержание ответа наркома СССР германскому послу немедленно было доведено до сведения Праги, Лондона, Парижа и Берлина. Так СССР без каких-либо обиняков заявил, что он исполнит свои обязательства помощи Чехословакии, приглашал последовать его примеру Францию и вмешаться на стороне Чехословакии Англию. Все было предельно ясно.

Но Боннэ попытался извратить позицию СССР. 26 августа в разговоре с советским полпредом он заявил, что оценивает положение, создавшееся вокруг Чехосло-

¹ См. DDF, t. X, p. 778; 700—701, 363; t. IX, doc. 223.

² DDF, t. X, p. 788.

³ ДВП СССР, т. XXI, с. 447.

⁴ Там же.

вакии, «как критическое» и что в связи с этим «возникает настоятельная необходимость выяснить, каким способом мог бы СССР оказать свою помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии»¹. Суриц передал этот вопрос французского министра в Москву. 31 августа Боннэ направил временному поверенному в делах в Москве Пайяру пространную телеграмму, в которой сообщил ему позицию своего правительства: «Если Германия прибегнет к силе, Франция исполнит свои обязательства»². Далее в телеграмме говорилось, что общее положение в течение ближайших недель сохранится как «исключительно критическое», так как «разворот германских военных приготовлений дает основания полагать, что в течение сентября рейх попытается применить силу против Чехословакии». В связи с этим чехословацкий и французский генштабы проявляют, по словам Боннэ, «озабоченность». «Поэтому, по нашему мнению, — писал министр, — необходимо рассмотреть, каким образом Советское правительство, со своей стороны, сможет предоставить Чехословакии помощь, которую оно ей обещало». Боннэ указывал, что надо знать, как практически эта помощь может быть Советским Союзом оказана, если предварительно «не будет достигнуто соглашение между СССР, Румынией и Польшей, позволяющее проход советских войск и перелет советских самолетов через территорию и воздушные пространства этих стран». «Несмотря на все мои усилия, — писал Боннэ, — я до сих пор не получил утвердительного ответа ни от польского, ни от румынского правительств. Более того, польское правительство категорически дало мне понять, что оно решило остановить русские войска или самолеты при их попытке проникнуть на территорию его государства, и румынское правительство, в более умеренных выражениях, дало мне аналогичный ответ»³.

Пайяр, выполняя инструкции своего министра, 2 сентября нанес визит наркому Литвинову и официально задал ему вопрос, на какую практическую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая отказ Польши и Румынии пропустить советские войска через свою территорию⁴.

¹ Новые документы, с. 67, 68.

² DDF, t. X, doc. 511.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 934.

Нарком, отвечая поверенному в делах, напомнил, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от помощи СССР, в то время как советская помощь обусловлена французской. Поэтому Советский Союз имеет большее право интересоваться помощью Франции. Литвинов добавил, что, «при условии оказания помощи Францией, мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути»¹.

Касаясь затруднений, чинимых Польшей и Румынией, Литвинов указал, что поведение правительств этих стран, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии*. В ответ на выраженные Пайяром «сомнения в возможности единогласного решения» Литвинов сказал, что даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, «в особенности, если с большинством стала бы согласна и сама Румыния»². Предлагаемый советской дипломатией способ действия в данном случае мог бы открыть путь для прохода советским войскам, по меньшей мере, через Румынию.

Далее Литвинов, перейдя к вопросу определения конкретной помощи для Чехословакии, сказал: «...Мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий. Трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами. Мы готовы участвовать в таком совещании»³. Это был центральный пункт всего дела защиты Чехословакии, и сформулирован он был наркомом предельно ясно.

Литвинов, полагая, что следует сначала использовать все средства, чтобы не допустить военного конфликта, рекомендовал созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира. «Мы считаем, — заявил нарком, — что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит мо-

¹ Новые документы, с. 70.

* Нарком считал, что для предупреждения или пресечения гитлеровской агрессии против Чехословакии надо также обратиться в Лигу наций, с тем чтобы привести в действие ее механизм.

² Новые документы, с. 71; ДВП СССР, т. XXI, с. 470.

³ ДВП СССР, т. XXI, с. 470.

ральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры»¹. Итак, предложения СССР сводились к тому, чтобы использовать все пути и средства предотвращения возможного конфликта, отстоять независимую Чехословакию, а в случае гитлеровского нападения на нее, дать рейху решительный военный отпор коллективными действиями вооруженных сил Чехословакии, Франции и Советского Союза, а при желании английского правительства — и Англии.

В тот же день советские предложения в полном объеме были направлены в Прагу и полпредства СССР в Великобритании и во Франции. «Посылаю Вам отдельно копию телеграммы, посланной в Прагу, с изложением моей сегодняшней беседы с Пайяром, — писал нарком Литвинов полпреду Сурицу в Париж. — Так как я не уверен в точности передачи ее со стороны Пайяра, то предлагаю Вам самому ознакомить Боннэ с содержанием означенной телеграммы, тем более... что Пайяр старался получить от нас уклончивые или негативные ответы, чтобы на нас свалить затем ответственность»². Опасения советского наркома полностью оправдались. Пайяр в своей телеграмме № 653—659 от 2 сентября, адресованной французскому министру, писал, что в ответ на его предложение определить, на какую конкретную помощь СССР может рассчитывать Чехословакия при условии отказа Польши и Румынии пропустить советские войска, «г-н Литвинов сказал мне более чем определенно, что, принимая во внимание негативную позицию, занятую Варшавой и Бухарестом, он не видит другого практического выхода, как только в том, чтобы обратиться в Лигу наций. Он упомянул о ней, но только для того, чтобы исключить возможность прохода советских войска через Польшу и Румынию в обход решения Женевы»³.

На Кэ д'Орсе, куда был вызван из Москвы для консультации Кулондр, уцепились за эту телеграмму Пайяра. Боннэ немедленно направил ему новые указания обсудить предварительно ответы Литвинова с чехословацким послом в Москве Фирлингером, а затем посетить Наркоминдел СССР, «дабы внести в понимание ответа

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 470—471.

² Там же, с. 471.

³ DDF, t. X, p. 934.

наркома полную ясность»¹. Французский министр, ознакомившись с содержанием телеграммы Пайяра и отдав соответствующие распоряжения своим помощникам, отбыл в Женеву. Суриц, в ожидании возвращения Боннэ в Париж, 3 сентября телеграфировал в Наркоминдел: «Боннэ втайне рассчитывал, что мы дадим ответ отрицательный или, во всяком случае, способный вооружить его доводами против контакта»² — действительного контакта Франции с СССР по чехословацкому вопросу.

5 сентября Пайяр посетил Наркоминдел и снова заговорил о «сомнительности единодушного решения» Совета Лиги наций о признании Германии агрессором, а затем осведомился о том, как представляет себе Советское правительство совещание представителей генштабов СССР, Англии и Франции с непременным и одновременным участием представителей всех трех поименованных стран. Заместитель наркома Потемкин полностью подтвердил ответы Литвинова, данные им Пайяру 2 сентября. Кроме того, он подчеркнул: «Я должен сказать, что с трудом мог бы себе объяснить, почему было бы предпочтительнее вместо совещания соответствующих представителей трех стран ограничиться попарными консультациями»³. Попарные совещания позволили бы французской стороне маневрировать во вред разработке плана военного сотрудничества Чехословакии, СССР и Франции на случай агрессии; трехсторонние совещания были бы максимально эффективными и исключили возможность такого маневрирования.

Однако и после этого французская дипломатия продолжала свои попытки представить советскую позицию в чехословацком вопросе в извращенном виде. Кулондр, возвратившись 9 августа из Парижа в Москву и встретившись с послом ЧСР Фирлингером, заявил ему, что сообщение Пайяра о том, что СССР готов применить все средства, было понято в Париже так, что «СССР требует применения только всех дипломатических средств»⁴.

Чехословацкий посол, опровергая это измышление Боннэ и его сотрудников, телеграфировал 10 сентября Крофте, что «СССР предоставляет в распоряжение все

¹ Новые документы, с. 73.

² ДВП СССР, т. XXI, с. 477.

³ Новые документы, с. 74—75.

⁴ Mnichov v documentech, t. I, s. 107.

свои наземные, воздушные и морские силы». В данной телеграмме Фирлингера содержалось указание на то, что Пайяр недостаточно подчеркнул, что «то же самое сделает и Франция», что вызвало «в Москве значительную неудовлетворенность».

Нельзя пройти мимо еще одного, может быть, самого важного момента в данном донесении чехословацкого посла. «Мне стало известно из источников, близких к Кремлю, — продолжал Фирлингер, — что там обсуждался даже вопрос о действиях и без Франции. Настроение, следовательно, по отношению к нам очень твердое и решительное»¹. Кулондр, не удовлетворенный беседой с Фирлингером, 11 сентября явился к замнаркома Потемкину, чтобы переговорить «о некотором недоразумении», возникшем, по его словам, по поводу советского ответа на запрос французского правительства относительно помощи Чехословакии.

Посол начал с того, что Фирлингер сигнализировал ему, что в СССР наблюдается недовольство зависимостью французской внешней политики от Англии, и, по-видимому, даже «возникают сомнения в лояльном отношении Франции к обязательствам, вытекающим из ее договоров с Чехословакией и СССР»². Кулондр не отрицал, что французское правительство рассматривает свое сотрудничество с Англией как одну из существеннейших гарантий мира и как свое надежнейшее обеспечение в случае войны с Германией. Он вместе с тем утверждал, что это не означает, что Франция приносит в жертву этому сотрудничеству свои договорные обязательства в отношении Чехословакии или СССР. Затем он сказал, что, ознакомившись у Боннэ с ответом Советского правительства, переданным по телеграфу Пайяром, «испытал, как и Боннэ, известное разочарование».

По собственному признанию посла, этого «разочарования» не испытали два видных сотрудника Кэ д'Орсе — А. Леже и Р. Массигли, которые нашли «ответ правительства СССР достаточно ясным и положительным»³.

Так как посол продолжал твердить о необходимости устранения «недоразумений» между Францией и СССР, то Потемкин заявил Кулондру, что лично им внимание

¹ Mnichov v dokumentech, t. I, s. 107.

² Новые документы, с. 79.

³ Там же, с. 80—81.

Пайяра было обращено на четыре основных момента заявления, сделанного ему М. М. Литвиновым, а именно: «1. Обращение к Лиге наций на основании статьи 11 Устава для констатации авторитетнейшей частью Лиги факта угрозы германской агрессии и для соответствующего воздействия на позицию стран, идущих за Францией, Англией и СССР.

2. Совещание СССР, Франции и Англии, имеющее целью опубликование декларации, могущей предупредить нападение Германии на Чехословакию.

3. Консультация представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии.

4. Не допускающее никаких недоразумений и криво толков заявление наркома о решимости правительства СССР в случае нападения Германии на Чехословакию выполнить вместе с Францией все свои обязательства по советско-чехословацкому пакту „с использованием всех доступных нам для этого путей”»¹.

Кулондр пытался оправдаться, ссылаясь на то, что Пайяр, по-видимому, не сумел достаточно четко выделить «положительные моменты» советского ответа и что его первоначальное впечатление от ответа «было ошибочным». «Я полагаю, — заявил Потемкин Кулондру, — что только явно недобросовестное использование нашего ответа могло создать впечатление о его неясном и уклончивом характере»². Кулондр в ответ сказал Потемкину, что речь идет просто о «недоразумении» и что оно будет устранено при встрече наших министров в Женеве.

Кстати, в тот же день, 11 сентября, в Женеве состоялась встреча между Литвиновым и Боннэ, в ходе которой последний заявил, что англичане отклонили советское предложение о совещании и о совместной декларации в поддержку Чехословакии³. Англичане же утверждали обратное, что сам Боннэ «не проявил никакого энтузиазма» в отношении данного советского предложения. Далее в беседе с Литвиновым Боннэ опять пытался подробно выяснить размеры и характер эвентуальной помощи СССР Чехословакии и, со своей стороны, никаких предложений не делал. Нарком тоже был сдержан, но повто-

¹ Новые документы, с. 81—82; см. также DDF, t. XI, p. 154—155.

² Новые документы, с. 82.

³ См. ДВП СССР, т. XXI, с. 487.

рил своему собеседнику, что СССР готов исполнить всеми возможными средствами свои обязательства, вытекающие из его договора с Чехословакией, при условии что Франция исполнит свои. Касательно пропуска советских войск Боннэ сообщил, что Румыния дала отрицательный ответ. «Но... если советские самолеты будут летать высоко над Румынией, то их не будет видно»¹. Это были лишь какие-то туманные намеки вместо ясного решения вопроса о всеобъемлющей совместной помощи Чехословакии. Боннэ пытался извратить и на этот раз содержание ответов, данных ему Литвиновым, и через Кулондра дезинформировать чехословацкого посланника в Москве Фирлингера относительно советской помощи Чехословакии. Замнаркома Потемкину пришлось еще раз повторить представителю ЧСР то, что было сказано наркомом Литвиновым Пайяру о советской помощи Чехословакии «на запрос французского правительства». В заключение Потемкин заявил Фирлингеру, что, по-видимому, с одной стороны, французское правительство не осведомило даже некоторых авторитетнейших государственных людей своей страны о содержании советского ответа, а с другой — лишь делает вид, будто не поняло этого ответа или не замечает в нем наличия весьма обязывающих конкретных предложений².

Все изощренные попытки Боннэ и его помощников фальсифицировать позицию СССР в чехословацком вопросе были направлены к тому, чтобы чехословацкое правительство не смогло воспользоваться помощью СССР в защите своей страны от агрессии и капитулировало бы перед Гитлером.

7. МЮНХЕНСКАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ

С начала сентября 1938 года империалистический торг руководителей Англии и Франции с Гитлером из-за Чехословакии вступил в свою решающую стадию. Гитлер набивал цену своему обещанию пойти на «мирное» решение судетского вопроса, а английские и французские руководители с небывалым упорством добивались капитуляции чехословацких руководителей перед фашистами,

¹ Там же, с. 488.

² ДВП СССР, т. XXI, с. 495.

в то время как гитлеровская дипломатия весьма откровенно заявляла французским представителям, что «рейх прежде всего заинтересован в разумном разрешении вопроса о судетских немцах, так как он ставит своей единственной целью умиротворение Центральной Европы и всей Европы в целом»¹. Гитлер и его помощники в максимальной мере афишировали военные приготовления Германии к нападению на Чехословакию. Так, Риббентроп 3 сентября заявил французскому журналисту фашисту Скапини, что если чехословацкое правительство не пойдет на удовлетворение требований судетских немцев и прибегнет к введению военных мер, подобно тем, которые были приняты им в мае, то «Германия немедленно начнет интервенцию и Чехословакия будет уничтожена (vernichtet)». 6 сентября французский военный атташе в Берлине Ренондо писал в Париж: «Я верю, что Гитлер безусловно решил нанести удар по Чехословакии». 7 сентября Франсуа-Понсэ телеграфировал из Берлина, что фюрер приказал генеральному штабу представить план нападения на Чехословакию, предусматривающий молниеносный удар авиацией, с тем чтобы разрушить посадочные площадки, которые могут быть использованы как чешскими, так и советскими самолетами. 9 сентября Корбен в донесении из Лондона сообщил, что военное министерство Англии «расценивает положение как весьма серьезное». На следующий день Корбен сообщил, что «военные приготовления Германии закончатся между 20—25 сентября»².

Из Берлина поступили и другие сообщения от французских представителей. Так, в телеграмме Франсуа-Понсэ от 8 сентября говорилось, что «вся политика германского канцлера основывается на блефе... Многие немцы резонно полагают, что, если блеф не будет иметь успеха, канцлер приведет свою страну к катастрофе»³. Из многих других источников французским руководителям было известно, что Германия блефует, будучи неподготовленной к войне. Тем не менее они проводили линию не на сопротивление планам Гитлера, а на достижение сговора с ним. Французский посол в Берлине очень внимательно выслушивал высокопоставленных лиц рейха и

¹ Les archives secrètes, t. II, p. 365 .

² DDF, t. XI, p. 39, 61, 97, 122.

³ Ibid., p. 94.

старательно передавал их суждения министру иностранных дел. Так, один из них говорил в те дни Франсуа-Понсэ: «Мы хотим того, чтобы Бенеш под давлением Франции и Англии встал на путь уступок». По его мнению, судетская проблема отныне должна решаться не Прагой и Судетами, а Лондоном, Парижем и Берлином. «Если эти три столицы, — заключал гитлеровец, — достигнут согласия об урегулировании чешского вопроса, то урегулирование может стать отправным пунктом к достижению наилучшего согласия между европейскими державами»¹. По меньшей мере расчленение Чехословакии должно было послужить предпосылкой к достижению сговора западных держав с германским рейхом по широкому кругу европейских и внеевропейских проблем. «Если бы судетские переговоры пришли к мирному завершению, — говорил Боннэ Вельчеку в начале сентября, — представился бы превосходный случай для заключения франко-германского соглашения с одобрения Англии»². По мнению того же Боннэ, данное соглашение предопределило бы «справедливое урегулирование» экономических, финансовых проблем и удовлетворение требований Германии в колониальной области.

3 сентября Фиппс, явившись на Кэ д'Орсе, официально информировал Боннэ о том, что Ренсимен предложил чехословацким руководителям «уступить» Судеты Гитлеру. Французский министр «остался доволен действиями Ренсимена и поблагодарил британского посла за информацию»³.

Боннэ, со своей стороны, подробно информировал Фиппса о своем разговоре с Вельчеком, имевшем место 2 сентября. Риббентроп 4 сентября ясно дает понять английскому послу в Берлине Гендерсону, что ему известно нежелание французских руководителей, чтобы Франция исполнила свои обязательства помощи Чехословакии⁴.

7 сентября премьер Даладьё говорил германскому поверенному в делах в Париже Брауэру, что, если разразится война между западными державами и Германией, она принесет обеим сторонам только ущерб. К концу войны разразится революция, которая распространится на

¹ DDF, t. XI, p. 132.

² DBFP., vol. II, doc. 747.

³ Ibid.

⁴ См. Les archives secrètes, t. II, p. 397.

все страны — и победительницы и побежденные. «В результате ослабления европейского континента, — продолжал Даладье, — Советский Союз не замедлил бы занести в наши страны мировую революцию»¹. Даладье, стремясь оказать определенное воздействие на руководителей Германии, с тем чтобы сделать их податливее в достижении желаемого Парижем и Лондоном сговора, говорил Брауэру и о том, что германские «требования нашли весьма положительный отклик во Франции, где не возражают против их мирной реализации, но любое насильственное вмешательство Германии во внутренние дела Чехословакии в настоящий момент вынудило бы Францию исполнить свои союзнические обязательства и развязало бы всеобщий конфликт»².

Одновременно с такого рода беседами с гитлеровскими дипломатами Париж и Лондон еще больше усиливали давление на Прагу. Оно стало особенно жестким после сделанных Ренсименом предварительных предложений руководителям Чехословакии согласиться на передачу Судетов Гитлеру. Крофта, сообщая чехословацким дипломатическим представителям в Париже, Лондоне и Москве о принятии 5 сентября кабинетом министров под председательством президента Бенеша окончательного текста ответа на требования руководителей судето-немецкой партии (в нем говорилось о принятии Прагой шести из восьми пунктов карловарских требований Генлейна), писал 6 сентября: «Нажим Англии и Франции был, однако, таким, что ему невозможно было противостоять»³. Бенеш, пригласив к себе 7 сентября полпреда СССР Александровского, жаловался ему, что «Англия и Франция производят бешеный нажим с прямыми угрозами оставить Чехословакию на произвол Гитлера»⁴.

Однако чехословацкое руководство, боясь народного гнева своей собственной страны, продолжало отвергать требования Гитлера, поддержанного правительством Чемберлена, о проведении в Чехословакии плебисцита.

Крофта в телеграмме чехословацким миссиям в Великобритании, Франции и Швейцарии писал 11 сентября 1938 г., что «необходимо снова самым решительным обра-

¹ ADAP, Bd. II, Dok. 439.

² Les archives secrètes, t. II, p. 409.

³ Mnichov v dokumentech, t. I, s. 100.

⁴ ДВП СССР, т. XXI, с. 480.

зом предупредить лондонское и парижское правительства, что плебисцит для нас абсолютно неприемлем и что, более того, он почти неминуемо привел бы к войне... Любое правительство, которое допустило бы это, было бы немедленно сметено»¹.

В связи с этим последовал приступ яростной античехословацкой кампании во Франции. Осуский писал Крофте из Парижа 11 сентября, что «Фланден и его круги распространяются о том, что Англия направила Ренсимена, чтобы оторвать Францию от нас, дабы она из-за Чехословакии не была втянута в войну. Италия предлагает нейтрализацию, чтобы Франция потеряла опору своей политике в Центральной Европе... Французские правые стали сильно пропагандировать эту идею. Радикалы, группирующиеся вокруг Кайо, пропагандируют через газету «Республика» плебисцит. Так же действует правое крыло социалистов»².

Только Французская компартия последовательно выступала за исполнение Францией своих союзнических обязательств оказания помощи Чехословакии. Ссылаясь на пример отпора, данного СССР японским захватчикам у озера Хасан, «Юманите» указывала: «Вот тот метод, который должны применить миролюбивые нации, чтобы спасти мир»³. Этому примеру, однако, не хотели следовать Чемберлен, Даладье, Боннэ и их сторонники.

Гитлер, поощряемый руководителями Англии, Франции и США*, выступил 12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге, угрожая войной и мгновенным разгромом Чехословакии. Вместе с тем он утверждал, что рейх желает полного устранения всех разногласий с западными державами и в пользу Франции Германия отказывается от прав на Эльзас и Лотарингию⁴. Это произвело впечатление в реакционных политических кругах Парижа, особенно близко стоявших к министру иностранных дел. «Французское общественное мнение оказалось чувствительным к заявлению канцлера, так как он

¹ Mnichov v documentech, t. I, s. 108.

² Ibid., doc. 66, s. 108.

³ L'Humanité, 30.XII.1938.

* США отказались участвовать в антигитлеровском фронте, а президент Рузвельт дезавуировал заявление американского посла о возможной американской помощи Чехословакии (см. DDF, t. IX, doc. 509; t. XI, doc. 976).

⁴ Berliner Tageblatt, 13.IX.1938.

желает устранить всякую неприязнь между Германией и Францией, — писала газета «Тан». — Чтобы положить раз и навсегда конец вечной франко-германской распри, он готов отказаться от прав Германии на Эльзас и Лотарингию»¹.

Наряду с этой «приманкой» Гитлер широко рекламировал свой антисоветизм и антикоммунизм, чтобы произвести нужное ему впечатление на французских реакционеров.

Они, в свою очередь, изображали нацистского фюрера «всемогущим миротворцем» и «избавителем от коммунизма». «Гитлер безусловно может решать: мир или война, — заявляла «Тан», — потому что он является руководителем сильного народа»². Нарочито паническую рекламу речи Гитлера пытался в серии своих донесений создать Франсуа-Понсэ³. Смысл всех его донесений сводился к тому, что, если Судеты не будут переданы рейху, Гитлер начнет войну. Но речь фюрера все же оставляет «дверь открытой» для переговоров и «приглашает» Францию и другие западные державы «к сближению» с Германией. На следующий день Боннэ направил де Лакруа телеграмму, в которой требовал сообщить чехословацкому правительству, что Гитлер требует от него достичь соглашения с генлейновцами, в противном случае он заявляет: «Либо плебисцит, либо война»⁴.

Даладьё 13 сентября направил Н. Чемберлену специальное послание, заявляя, что развитие событий в Чехословакии «заставляет Англию и Францию принять в ближайшие несколько часов совместные резонные меры»⁵. Чтобы изменить, по мнению Даладьё, это опасное развитие событий, Ренсимуэну необходимо до его отъезда из ЧСР огласить свои предложения (о выдаче рейху Судетской области. — С. Ст.) в присутствии представителей правительства Чехословакии и генлейновцев. Но это не решающее мероприятие. Даладьё предлагал предпринять еще и «исключительную меру». «Я, со своей стороны, — писал он, — не вижу другого срочного мероприятия, как только предложить Гитлеру совместное совеща-

¹ Le Temps, 14.IX.1938.

² Ibid.

³ См. DDF, t. XI, doc. 108, 114, 119.

⁴ Ibid., p. 181.

⁵ Ibid., p. 195.

ние глав правительств Англии, Германии и Франции. Это совещание имело бы своей целью сохранить все еще имеющиеся возможности дружественного урегулирования, о котором сам Гитлер публично заявил в своей речи в Нюрнберге¹. Данное послание главы французского правительства было сообщено по телефону британскому послу в Париже Эрику Фиппсу 13 сентября в 21 час для последующей передачи его премьеру Англии.

14 сентября в 3 часа 20 мин. в Париже был получен ответ Чемберлена на послание Даладье. В нем сообщалось, что премьер Англии рассмотрел оба предложения своего французского коллеги и считает, что они могут быть полезными. «Но он принял решение осуществить прямое действие в Берлине»², то есть направиться для встречи с Гитлером. Даладье немедленно поддержал это решение Чемберлена. Сама подготовка визита Чемберлена в Германию сопровождалась своеобразным аккомпанементом. Фиппс предупредил французское правительство, что Англия исполнит свои обязательства только в том случае, если возникнет угроза ее собственной безопасности. Посол Сэн-Куэнтен сообщил 13 сентября, что трудно рассчитывать на участие США «в войне из-за Чехословакии». Сам госсекретарь Хэлл заявил французскому послу, что американское правительство не в состоянии оказать «положительное влияние в данный момент на ход событий» в Европе³.

15 сентября Чемберлен направился в Германию, в Берхтесгаден, для переговоров с Гитлером. Французские сторонники достижения сговора с Гитлером за счет Чехословакии активно собирали свои силы в поддержку действий британского премьера. Отныне особенно широко дух предательства и капитулянтства стал проявляться в парламенте, во всех правительственных органах, военных учреждениях и в печати Третьей Республики.

По утверждению советника германского посольства в Париже Брауэра, сведения, полученные об «эволюции настроений» в кругах французского генерального штаба, парламента и министерства иностранных дел, совпадают и могут быть резюмированы следующим образом: 1) стремление предотвратить европейскую войну, кото-

¹ DDF, t. XI, p. 195.

² Ibid., p. 208.

³ Ibid., p. 165, 198, 215.

рая явно не будет популярной; 2) дух уступчивости в последние дни усилился¹.

Осуский, со своей стороны, доносил в Прагу, что «в кулуарах парламента и в печати начата яростная кампания против ЧСР», преследующая своей целью «уступку Судетской области Германии»².

Народ Франции, наоборот, был и в тот период против выдачи Гитлеру чехословацких земель и стоял за оказание Францией помощи Чехословакии. Это серьезно беспокоило руководителей французского правительства. С середины сентября были запрещены митинги, демонстрации и шествия. Даладьё проводил в те дни непрерывные консультации с лидерами буржуазных политических партий и групп, стремясь подкрепить свою капитулянтскую позицию. Тем временем из Праги поступили сведения, что правительство рассматривает вопрос о возможности введения в некоторых районах ЧСР чрезвычайного положения, чтобы предотвратить провокационные действия фашистов. В связи с этим Боннэ 14 сентября телеграфировал де Лакруа: «Французское правительство обязано сделать по этому предмету самые категорические предупреждения»³. «Я настаиваю снова, — предупреждал министр, — на формуле соглашения, которое должно быть реализовано между Судетами и правительством». 15 сентября, сильно расстроенный французскими дипломатами, Фирлингер снова посетил Потемкина и интересовался позицией СССР. «Я подчеркнул, — писал замнаркома, — что т. Литвиновым было определено заявлено о нашей готовности, совместно с Францией, оказать помощь Чехословакии всеми нам доступными средствами и путями»⁴.

Французский посланник в Праге де Лакруа и его английский коллега Ньютон стали упорно добиваться согласия чехословацких руководителей на передачу Судетов Германии, не оставляя Бенеша, Годжу и Крофту в покое ни днем, ни ночью. Однако чехи медлили с решением вопроса. Во время беседы 15 сентября Бенеш, указав де Лакруа «на изменение позиции» французского правительства в отношении Чехословакии, просил посланника передать в «этот героический час» руководителям Фран-

¹ См. Les archives secrètes, t. II, p. 448—449.

² Mníchov v dokumentech, t. I, s. 107—108.

³ DDF, t. XI, p. 207, 210.

⁴ ДВП СССР, т. XXI, с. 495.

ции его «последний призыв»¹. «Он (Бенеш. — С. Ст.) всегда верил и еще продолжает верить, — писал посланник 15 сентября своему министру, — что Франция будет верна обязательствам, вытекающим из франко-чехословацкого договора. Он призывает к верности между нашими странами в тот момент, когда Чехословакия уже неоднократно становилась объектом германских угроз. Он вместе с тем заявляет, что Европа, как никогда раньше, заинтересована в том, чтобы нынешний кризис не разрешился за счет уничтожения чехословацкой целостности в угоду Германии»².

Но этот призыв президента Чехословакии не был услышан в Париже. Боннэ, продолжая грубо извращать позицию СССР в чехословацком вопросе³ и оказывать все возрастающее давление на Прагу, заявил 16 сентября явившемуся к нему посланнику Осускому: «Исключено, чтобы Франция могла маршировать в этом (чехословацком. — С. Ст.) деле, если она не достигнет полного согласия по всем пунктам с Великобританией»⁴. Постоянные угрозы Гитлера, сильный нажим Англии и Франции оказали на президента и его правительство влияние.

По признанию самого Бенеша, уже проникшегося в большой мере духом капитулянтства, он во время беседы с де Лакруа 17 сентября в ответ на неоднократные «просьбы» последнего совершенно «случайно» и как бы «мимоходом» упомянул о чехословацких предложениях на мирной конференции 1919 года, которые предусматривали отделение и передачу северных и западных областей Чехии Германии⁵. Де Лакруа в тот же день в своей телеграмме Боннэ сообщил по этому вопросу следующее: «Президент закончил тем, что с большими колебаниями согласился сделать набросок решения с возможными уступками, предложенными им же на Парижской мирной конференции. Речь тогда шла об уступке трех территорий общей площадью 8 тыс. км и населением от 800 тыс. до 900 тыс. немцев»⁶.

Боннэ в тот же день, ссылаясь на телеграмму де Лак-

¹ DDF, t. XI, p. 230.

² Ibid.

³ См. ДВП СССР, т. XXI, док. 350, 352.

⁴ DDF, t. XI, p. 268.

⁵ См. Beneš Ed. Mnichovske dny. Londyn, 1955, s. 6—8; AMZV CSSR. Донесение Осуского № 830. Париж, 19 сентября 1938 г.

⁶ DDF, t. XI, p. 274.

руа, информировал Даладье и поставил в известность Осуского о том, что президент Бенеш «сам думает об уступке Германии Судетской территории». Осуский телеграфировал в Прагу Крофте: «Пусть президент Бенеш немедленно заявит посланнику де Лакруа, что он неправильно понял и изложил его беседу с ним, о которой французский посланник донес в Париж 17 сентября»¹.

В ответ на это из Праги никакого сообщения не последовало.

18 сентября в Лондоне английские и французские министры собрались на конференцию, выработавшую ультиматум чехословацкому правительству о том, чтобы оно передало Судетскую область и другие районы Чехословакии, где проживает более 50% немцев, Германии. Когда Чемберлен, выражая беспокойство по поводу возможного несогласия Праги с англо-французским диктатом, спросил Даладье: «Какое создалось бы положение, если бы доктор Бенеш ответил на наши предложения „нет“?»; французский премьер ответил, что на доктора Бенеша нужно оказать сильнейший нажим, чтобы он позаботился о принятии чехословацким правительством предложенного французским и английским правительствами решения².

Итоговое коммюнике конференции гласило, что представители правительств Англии и Франции пришли к полному согласию относительно политики, имеющей целью обеспечить мирное решение чехословацкого вопроса; они рассчитывают добиться «более широкого урегулирования в интересах европейского мира»³.

В данном документе еще раз, правда, в замаскированной форме, Чехословакия выдвигалась как разменная монета в усилиях западных держав урегулировать их противоречия с фашистской Германией.

После того как 19 сентября французское правительство в узком составе одобрило текст англо-французского ультиматума Чехословакии, Боннэ пригласил к себе Осуского и сообщил, что в Лондоне было принято решение о передаче Судетов Германии, тем более что сам Бенеш об «этом думает». Затем Боннэ сказал Осускому, что

¹ AMSV ČSSR. Донесение Осуского № 830. Париж, 19 сентября 1938 г.

² DBFP, vol. II, p. 389; DDF, t. XI, p. 309—333.

³ Le Temps, 28.IX.1938.

Англия и Франция гарантируют новые границы Чехословакии. «Такая гарантия со стороны великих держав, — подчеркнул министр, — должна компенсировать аннулированные договоры ЧСР с Францией и с Россией»¹.

В последних словах французского министра крылась одна из самых важных целей подготовлявшегося сговора правителей западных держав с Гитлером — уничтожение оборонительного треугольника Москва — Прага — Париж, сковывавшего агрессивные планы рейха. 19 сентября в 14 час. 15 мин. посланники Англии и Франции Ньютон и де Лакруа вручили в Праге президенту Бенешу англо-французские «предложения», в которых говорилось: «...В результате недавних событий создано такое положение, когда дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы не поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира»². В «предложениях» рекомендовалось передать Германии районы Чехословакии, «немецкое население которых составляет свыше 50 процентов...», и говорилось, что для определения данных районов будет создана специальная международная комиссия³.

В английском тексте «предложений» говорилось, что «Чехословакия будет вправе просить некоторую гарантию своей будущей безопасности». Во французской ноте по вопросу о гарантиях было сказано по-иному: «Чехословацкое правительство... вправе будет просить об обеспечении своей будущей безопасности»⁴. Во французской ноте значилось против «любой агрессии», а в английской эти слова отсутствовали.

Но эти незначительные нюансы, имевшиеся в английском и французском текстах документа, не меняли его общего предательского характера. В обоих текстах буквально было сказано, что одним из основных условий такой гарантии «явилось бы ограждение независимости Чехословакии путем замены существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера, общей гарантией против неспровоцированной агрес-

¹ Mnichov v documentech, t. I, s. 146.

² Новые документы, с. 94.

³ См. DBFP, vol. II, doc. 937.

⁴ AMZV CSSR. Французская нота от 19 сентября 1938 г.

сии»¹. Президент ЧСР, выслушав обоих посланников, заявил им, что, согласно Конституции ЧСР, он единолично не имеет права дать им немедленный ответ, должен посоветоваться с правительством и с парламентом. Оба посланника настаивали на немедленном ответе, мотивируя это тем, что «Чемберлен не позднее как в среду встретится с Гитлером», а последний требует немедленного решения вопроса. Кстати сказать, Боннэ еще утром того же дня, вызвав Осуского к себе, заявил последнему, что пусть Бенеш сделает выбор между решением спора посредством плебисцита или прямой передачи территории. Далее министр сказал, что, если Прага откажется принять англо-французские «предложения», британское правительство откажется посредничать в споре, который разделяет чешское и германское правительства. «В данных условиях, — заявил в заключении Боннэ, — помощь, которую Франция могла бы предоставить Чехословакии, не имела бы никакой эффективности, если бы она не была дополнена английской солидарностью»².

Чехословацкое руководство во главе с президентом Бенешем, имея полную поддержку своего народа и полную готовность СССР прийти на помощь Чехословакии, не решалось сразу капитулировать. 19 сентября Бенеш пригласил к себе советского полпреда Александровского и изложил ему содержание англо-французских предложений. Он заявил советскому полпреду, что «англо-французское предложение совершенно неприемлемо» и что «Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях»³. Бенеш сообщил Александровскому, что Франции послан прямой запрос: «Означает ли ее предложение, что она намерена отказаться от выполнения своих союзнических обязательств?» Бенеш попросил правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы: «1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги наций с просьбой привести в действие ст. 16 и 17. Он ожидает саботажа решения, но думает, что саботаж не сможет быть длительным. В свя-

¹ См. DBFP, vol. II, doc. 937; AMZV ČSSR. Французская нота от 19 сентября 1938 г.

² DDF, t. XI, p. 340, 547.

³ Новые документы, с. 99.

зи с этим Бенеш просит помощи в Лиге наций и просит от Советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций на основании упомянутых статей»¹. 20 сентября заместитель наркома Потемкин направил в Прагу Александровскому телеграмму, в которой давался совершенно ясный положительный ответ на запрос чехословацкого президента от 19 сентября:

«1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии как члену Лиги наций на основании ст. ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство»².

Александровский передал президенту Бенешу 20 сентября по телефону этот ответ правительства СССР во время заседания правительства ЧСР, на котором обсуждались англо-французские «предложения». Фирлингер тогда же телеграфировал из Москвы министру иностранных дел Крофте следующее: «Правительство обсуждало вопросы, поставленные президентом перед Александровским. Потемкин только что сообщил мне ответ на первый вопрос — готов ли СССР оказать немедленную и действительную помощь, если Франция останется верной пакту. Правительство отвечает: да, немедленно и действенно. На второй вопрос — готов ли СССР выполнить свои обязательства согласно ст. 16 и 17 в случае обращения в Лигу наций — правительство отвечает: да, в любом отношении»³. Советский ответ на запрос Бенеша был одновременно сообщен в Париж французскому правительству.

Президент Бенеш и правительство, учитывая, что чехословацкий народ может не допустить их капитуляции,

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 499.

² Там же, с. 500; DDF, t. XI, p. 412.

³ Новые документы, с. 105; Mnichov v documentech, t. I, doc. 81.

и твердое заявление СССР прийти на помощь Чехословакии, дали 20 сентября в 19 час. отрицательный ответ на предложения Англии и Франции согласиться передать Судеты и другие районы ЧСР Германии.

«По мнению правительства, — говорилось в ноте чехословацкого правительства от 20 сентября 1938 г. правительствам Великобритании и Франции, — принятие предложений такого характера равнялось бы полному искалечению государства во всех направлениях». Чехословацкое правительство обращалось «с последним призывом» к правительствам Англии и Франции пересмотреть «свою точку зрения»¹.

Однако правители Англии и Франции оставались умолимыми в своих требованиях расчленения Чехословакии. Перед Бенешом и его правительством оставалась единственная возможность призвать к вооруженной борьбе народ и попросить помощи у Советского Союза, который готов был ее предоставить ЧСР и без Франции². Но они на это не решились. «Классовые интересы, классовая боязнь народа и союза с Советским Союзом, — писала газета «Руде право», — привели в 1938 году чешскую и словацкую буржуазию к капитуляции перед Гитлером и его покровителями»³.

Вскоре после вручения правительством Чехословакии своего отрицательного ответа во французскую дипломатическую миссию в Праге из различных чехословацких источников стали поступать сообщения о том, что этот ответ не является окончательным. По утверждению де Лакруа, Годжа 20 сентября просил англичан и французозов оказать на его правительство «новое давление». «Чехословацкие руководители, — писал французский посланник, — нуждаются в этом прикрытии, чтобы принять англо-французские предложения»⁴. В ночь на 21 сентября Боннэ телеграфировал де Лакруа оказать такое давление на правительство ЧСР.

В 3 часа ночи 21 сентября английский и французский посланники посетили президента ЧСР и сделали ему следующее заявление: «1. Предложения Англии и Франции являются единственным средством предотвратить войну

¹ Mnichov v documentech, t. I, s. 149, 157.

² См. Новые документы, с. 78; Mnichov v documentech, t. I, s. 107, 211, 212.

³ Rude pravo, 30.IX.1938.

⁴ DDF, t. XI, p. 361.

и захват Чехословакии. 2. Если ответ ЧСР будет отрицательным, на нее ложится ответственность за войну. 3. Такой ответ уничтожит франко-британскую солидарность, Англия откажется участвовать в оказании помощи ЧСР. 4. Если из-за этого возникнет война, Франция останется в стороне». Ньютон к этому добавил, что, если Бенеш и правительство ЧСР будут настаивать на своем отрицательном ответе, «Англия снимает с себя ответственность за возможные последствия». Оба дипломата требовали, чтобы ответ был дан в кратчайшее время и «без всяких оговорок»¹.

Александровский еще раз заявил одному из членов правительства ЧСР, что «поставленные перед ним президентом вопросы были сформулированы ясно, что вчера же он на оба эти вопроса дал ясный ответ Москвы» и что «президент ни о чем больше не спрашивал»². Но Бенеш и его правительство не воспользовались поддержкой СССР, они капитулировали перед фашизмом. Крофта 21 сентября в 17 час. сообщил, что, «вынужденное обстоятельствами, уступая исключительно настойчивым уговорам и сделав выводы из заявления французского и английского правительств от 21 сентября 1938 г., правительство Чехословакии, находясь в таком положении, с горечью принимает французские и английские предложения...»³. На самом деле чехословацкие руководители без всякой «горечи» могли до конца стоять на своем отрицательном ответе, данном ими западным державам 20 сентября, и, воспользовавшись помощью СССР, отстоять свою страну. «Не наша вина, — говорил Литвинов на заседании Ассамблеи Лиги наций 21 сентября, — если не было дано хода нашим предложениям, которые — я убежден — могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели, и не могли не привести, к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия»⁴. Правители Англии и Франции торопились завершить капитуляцию перед Гитлером и соответствующим образом ее оформить.

¹ Mnichov v documentech, t. I, s. 164; DDF, t. XI, doc. 249.

² Новые документы, с. 120.

³ Mnichov v documentech, t. I, s. 169.

⁴ ДВП СССР, т. XXI, с. 509.

22 сентября Н. Чемберлен привез в Годесберг «соглашение» чехословацких руководителей «уступить» рейху Судетскую область и приступить ко второму раунду своего политического торга с Гитлером.

Германский канцлер выслушал предложения о соглашении Лондона, Парижа и Праги передать Германии значительные и важные территории Чехословакии, но не удовлетворился ими. Он показал Чемберлену карту Чехословакии, на которой были обозначены ее «новые границы»*, выражавшие совершенно явно стремление рейха добиться полного уничтожения чехословацкого государства. Это ставило Чемберлена и его французских союзников в весьма затруднительное положение.

Чемберлен и Даладье рассчитывали, что расчленением Чехословакии им удастся оправдать их фальшивые фразы о том, что такой ценой они стремились «сохранить мир», в то время как ликвидацию чехословацкого государства, которой фактически потребовал Гитлер, уже нельзя было оправдать.

В самой Чехословакии дело шло ко всеобщему народному взрыву. 22 сентября в Праге, Брно, Пльзене, Остраве и других городах начались политические забастовки. Повсюду слышались лозунги свержения правительства капиталистов, немедленного созыва парламента, объявления всеобщей мобилизации, недопущения германских войск в Судеты. Чехословацкие трудящиеся, возмущенные притязаниями Гитлера, капитулянтской, предательской политикой Чемберлена, Даладье и Бенеша, и в частности тем, что Англия и Франция наложили вето на чехословацкую мобилизацию, смели правительство Годжи. В ответ на требование Гитлера, предъявленное им в ночь с 22 на 23 сентября, о вводе его войск в Судетскую область народные массы стихийно могли начать вооруженную борьбу против германских захватчиков. Бенеш и новое правительство во главе с генералом Сыровы оказались бессильными остановить мощное движение народа. В Москве по-прежнему выражали готовность защищать

* На данной карте кроме территорий, обозначенных красным цветом, на которые предъявил требования Гитлер при первой встрече с Чемберленом 15 сентября 1938 г., в зеленый цвет были заштрихованы Моравский край и другие территории ЧСР, на которые теперь Гитлер также предъявил свои притязания (см. подробно по данному вопросу ДВП СССР, т. XXI, док. 374, с. 525—526).

Чехословакию от фашистской Германии и притязаний Польши, побудить к этому же Францию¹.

В самой Франции наблюдалось резкое нарастание недовольства против капитулянтской политики правительства. ФКП в глазах французов предстала как наиболее последовательная патриотическая партия и активно завоевывала массы. «В значительной мере, — писал Суриц, — этому содействует, конечно, и наглость Гитлера, пробудившая остатки национальной гордости»². Предатели вынуждены были при таких условиях маневрировать: французское и английское правительства 23 сентября поставили в известность Прагу о том, что «они не настаивают больше на своем совете, который они ранее дали Чехословакии, не производить мобилизацию»³; при осуществлении мобилизационных мероприятий избегать излишней огласки.

Французская и английская дипломатия своими «новыми» советами рассчитывала противопоставить военномобилизационные мероприятия в Чехословакии народному движению, чтобы, по меньшей мере, ослабить его.

В тот же день, 23 сентября, английский посланник Ньютон посетил министра иностранных дел ЧСР и ознакомил его с ходом годесбергских переговоров и содержанием «меморандума», врученного накануне Гитлером Чемберлену. На следующий день, 24 сентября, Ньютон снова позвонил в чехословацкое министерство иностранных дел и предупредил, чтобы чехословацкое правительство считало «весьма важным», чтобы «в это время в ЧСР не дошло дело до выступлений против немцев». Об этом же очень сильно пеклись и на Кэ д'Орсе. Ответственный сотрудник МИД Чехословакии Смутна заверил Ньютона, что в этом смысле даны самые строгие распоряжения и что сама мобилизация армии будет являться высшей гарантией того, что «спокойствие будет сохранено». Это заявление чехословацкого дипломата лишний раз подтверждает, что «чехословацкая мобилизация» на этот раз проводилась не для защиты страны, а для обеспечения условий достижения сделки Чемберлена и Даладьё с Гитлером.

Для этой же цели, собственно, понадобился Даладьё

¹ См. ДВП СССР, т. XXI, с. 520—524.

² Там же, с. 528.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1614. Париж, 15 ноября 1938 г.

и Боннэ блеф о мобилизации и во Франции. 24 сентября во Франции были призваны в армию «некоторые категории резервистов», начата организация «пассивной обороны» и отдано распоряжение о реквизиции средств транспорта. По распоряжению властей рылись окопы на самых многолюдных улицах и площадях Парижа, проводилось затемнение столицы и некоторых других городов, была начата эвакуация части населения. Генштаб планировал подготовить армию в 763 тыс. человек. Гамелен направился в Лондон для консультации с командованием английской армии, но решительно отказывался вступить в контакт с генштабом СССР по вопросу о совместном сотрудничестве. Гамелен ограничился лишь тем, что сообщил советскому военно-воздушному атташе, что французы подтягивают к своей укрепленной линии 15 дивизий. В ответ на это Народный комиссариат обороны СССР 25 сентября поручил атташе СССР сообщить Гамелену лично о том, что советское «командование приняло пока следующие предупредительные меры: 1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий. 2. Части соответственно пополнены резервистами. 3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности»¹.

М. Торез, характеризуя «мобилизационные» мероприятия правительства Даладье, говорил: «Это был отвратительный блеф, гнусный шантаж, рассчитанный на то, чтобы привести общественное мнение в полную растерянность, убедить его, что опасность войны близка и реальна, с целью заставить принять с облегчением замаскированную капитуляцию, которая в других условиях натолкнулась бы на гораздо большие трудности»². Это мнение Генерального секретаря ЦК ФКП полностью подтвердилось действиями правительства и генштаба Франции. 26 сентября Даладье и Боннэ полностью договорились с Чемберленом на совещании в Лондоне, каким образом завершить сделку с Гитлером за счет Чехословакии. Руководителей Англии и Франции и Гитлера разделяли такие вопросы: плебисцит в ЧСР и сроки оккупации немец-

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 530; подробно по данному вопросу см. Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами. 1918—1939. М., 1968, с. 216—218.

² Торез М. Избранные произведения, т. I. М., 1959, с. 339.

кими войсками по зонам отдаваемой Германии чехословацкой территории. 26 сентября Чемберлен, с полного согласия Даладье, направил личное послание Гитлеру, с особым усердием приглашая его завершить империалистическую сделку. Почти одновременно он направил грозное предупреждение Бенешу, что «германская армия будет иметь приказ перейти чехословацкую границу немедленно, если до 2 час. истекшего дня чехословацкое правительство не примет германский ультиматум»¹.

Но Боннэ продолжал продумывать новый компромисс с Гитлером. На заседании совета министров 21 сентября он заявил, что «Франция не подготовлена», что «ей придется принять на себя удар на трех фронтах». Боннэ готов был отдать немцам все районы чехословацкой территории, обозначенные на гитлеровской карте «красной краской». Совет министров Франции разработал план, шедший значительно дальше по пути уступок Гитлеру². Французский план предусматривал передачу с 1 октября рейху четырех выступов Богемии со всей линией укреплений³. В ночь на 28 сентября Даладье, пригласив к себе посланника Осуского, предложил ему рекомендовать «своему правительству эвакуировать край, на который претендует Германия». Утром 28 сентября Франсуа-Понсэ, выполняя инструкцию своего правительства, явился к Гитлеру с картой, на которой были отмечены сроки поэтапной эвакуации чехами районов Судетской области.

Президент США Рузвельт, отказавшись прийти на помощь Чехословакии, предложил в своих посланиях от 26 и 28 сентября руководителям правительств Англии, Франции, Германии и Италии созвать конференцию и принять на ней решение по чехословацкому вопросу⁴. Премьер Даладье немедленно согласился с этим предложением. Во второй половине дня 28 сентября Франсуа-Понсэ телеграфировал из Берлина, что Гитлер дал согласие участвовать в конференции, которая соберется на следующий день в Мюнхене.

29 сентября в 12 час. 45 мин. в Мюнхене открылась конференция с участием глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии.

¹ DDF, t. XI, p. 557.

² Ibid., doc. 367, 401, 413.

³ Ibid., doc. 420, 426.

⁴ См. Foreign Relations of the United States 1938, vol. I. Wash., 1955, p. 684—685; DDF, t. XI, doc. 386, 421.

Выступивший на конференции первым, Гитлер заявил, что по вопросу расчленения Чехословакии между ее участниками существуют лишь минимальные расхождения, так как «все согласны в том, что территория должна быть уступлена Германии». Для точного определения того, какая именно территория должна быть отдана Германии, «требуется плебисцит». Чемберлен тут же взял слово, всячески расшаркиваясь перед фюрером, согласился с его требованием и предложил действовать быстро, чтобы достичь нужного результата. Муссолини заявил, что в принципе все уже договорились и что сейчас речь идет только о том, чтобы «претворить теорию в практику». Дуче вслед за этим внес предложение, предусматривающее удовлетворение всех требований годесбергского меморандума Гитлера.

В своем выступлении Даладье выразил «радость» по поводу встречи с германским канцлером, о которой он мечтал давно. Он высказал «свое особое восхищение шагом» Муссолини и приветствовал проникнутое духом объективности и реализма его предложение, «которое он принимает в качестве основы для дискуссии». Даладье оговорился при этом, что остается нерешенным только вопрос об организации плебисцита и разграничении зоны чехословацкой территории, передаваемой Германии. В ходе «дискуссии» Гитлер настаивал на немедленной передаче Германии «согласованной» зоны, а чехи, по его утверждению, заявляли, что они не могут очистить эту территорию до того, как будут возведены новые укрепления и приняты решения экономического характера.

В ответ на это Даладье заявил, что «французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства... Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию области до той поры, когда будут возведены новые укрепления». Когда подошли к вопросу о том, чтобы чехи до 10 октября 1938 г. полностью эвакуировали Судетскую область, и решили спросить по этому вопросу согласие Праги, Чемберлен предложил сделать краткий перерыв в заседании, чтобы авторитетом «великих держав» принять меры, исключаящие то, «чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории»¹. Даладье считал такую проце-

¹ Документы и материалы, т. I, с. 283—284.

дуру излишней и заявил, что он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких (чешских. — *С. Ст.*) областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то что между Францией и Чехословакией имелся союзный договор.

Текст соглашения, заключенного в Мюнхене 29 сентября, гласил, что «Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области, договорились о следующих условиях и формах этой уступки... 1. Эвакуация начинается с 1 октября. 2. ...Эвакуация территории будет закончена к 10 октября...»¹.

Во второй части четвертого пункта соглашения говорилось, что «остальная область (подлежащая передаче Германии. — *С. Ст.*), имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября».

Соглашение предусматривало также, что международная комиссия определит и те «районы, в которых должен состояться плебисцит»².

Только после того, как Гитлер, Даладье, Муссолини и Чемберлен поставили свои подписи под данным соглашением, делегация чехословацкого правительства была приглашена в зал заседания для ознакомления с этим грабительским соглашением.

Чемберлен, когда в зале появились чехословацкие представители, передал посланнику ЧСР в Берлине Мастны для ознакомления текст подписанного соглашения. Даладье отказался даже ответить на вопрос члена чехословацкой делегации о том, ожидают ли участники мюнхенской конференции от правительства ЧСР «какой-либо декларации или ответа на предложенное чехам соглашение».

Далее все ограничилось тем, что представитель МИД Франции Леже сказал чешскому дипломату Масарику, что никакого ответа от чехословацкого правительства не ожидается. «Нам было объяснено, довольно грубым образом и притом — французом, — писал Масарик, — что

¹ Документы и материалы, т. I, с. 288.

² Там же, с. 288—293.

это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления»¹.

Так Чемберлен и Даладье вместе с Гитлером и Муссолини подготовили план и расчленили независимое и суверенное государство — Чехословацкую Республику, вопреки воле и желанию ее народа. За спиной своих народов они совершили с Гитлером позорную и явно чреватую войной империалистическую сделку. Роль Даладье в этой сделке отнюдь не была менее значительной, чем роль главного героя Мюнхена Чемберлена. «Сегодня в достаточной мере ясно и французской общественности, — писал Осуский, — что роль, которую сыграл Даладье в Мюнхене, была унижительной»².

Даже буржуазные авторы признают, что правители Англии и Франции, за спиной которых стояли влиятельные круги США, совершая сделку с Гитлером, «оставили в стороне» СССР, а чехословацкая правящая верхушка предпочла советской помощи капитуляцию перед фашистским рейхом и его западными покровителями³. Что касается Советского Союза, то он был решительно против подготавливавшейся мюнхенской сделки и не менее решительно отверг ее, когда она стала свершившимся фактом. Он последовательно выступал в защиту Чехословакии и готов был оказать ей всю необходимую помощь. «Советский Союз, — писала «Руде право», — до последней минуты не только был согласен, но и во всех отношениях подготовлен прийти нам на помощь»⁴. Члены правительства ЧСР Вавречка и Дерер публично заявили 29 сентября, что «единственно верным союзником Чехословакии до конца остался только СССР»⁵.

¹ Документы и материалы, т. I, с. 314.

² AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1614. Париж, 15 ноября 1938 г.

³ См. *Gauche*. *Le Deuxième bureau au Bavail (1935—1940)*. P., 1957, p. 6; *Général Beaufre*. *Le drame de la 1940*, P., 1965, p. 109—110.

⁴ *Rude pravo*. 30.IX. 1958.

⁵ ДВП СССР, т. XXI, с. 553.

4

ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ОТ МЮНХЕНА ДО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. РАЗВИТИЕ МЮНХЕНСКОГО КУРСА ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКИ

Выдача Гитлеру Чехословакии была равнозначна для Франции политическому Седану. Однако руководители Франции, совершившие мюнхенскую сделку, пытались представить ее французскому народу как исключительную акцию, с помощью которой якобы удалось «спасти мир».

Председатель совета министров Даладье, выступая 4 октября в палате депутатов, утверждал, что в сентябре стоял выбор — мир или война. «Мы избрали мир!»¹. Лидеры всех буржуазных партий и группировок Франции с готовностью одобрили мюнхенский сговор. В тени Мюнхена они видели штыки гитлеровского вермахта, которые, в случае необходимости, могли быть повернуты против демократических сил французского народа. Введенный в заблуждение руководителями своей страны народ не поднялся на открытую борьбу против мюнхенского диктата.

Только Коммунистическая партия и активная часть антифашистов разоблачили и отвергли Мюнхен. «День 29 сентября, — писал М. Торез, — войдет в историю как день величайшей измены, которую когда-либо совершило республиканское правительство в отношении Франции, мира и демократии. Те, кто предал Чехословакию, нанесли удар безопасности Франции»².

Коммунисты предупреждали, что Мюнхен «не является настоящим миром», что «угроза войны в связи с заключением мюнхенского соглашения значительно возросла».

¹ Débats parlementaires. 1938. T. Unique. P., 1939, p. 1526.

² L'Humanité, 8.X.1938.

В результате мюнхенской сделки была смертельно искалечена союзница Франции — Чехословакия, представлявшая в прошлом, по определению французского генерала Бофра, «господствующее звено в стратегической системе Фоша»¹. В самом деле, «Франция потеряла свой главный бастион в Центральной Европе, миллионную резервную армию, превосходную восточную „линию Мажино“»². Суриц, характеризуя положение Франции после Мюнхена, писал в ноябре 1938 года: «Все жертвы, которые до сих пор приносились Гитлеру, очень сильно ослабили Францию, лишили ее преимущественного положения в Европе, отняли у нее почти всех ее союзников»³.

Ллойд-Джордж считал, что «западные „демократии“ понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой»⁴. Подписью Даладье под мюнхенским соглашением был перечеркнут советско-французский договор о взаимной помощи, и Франция перед лицом все возрастающей угрозы со стороны рейха лишилась великого союзника — СССР. «Никогда в истории безопасность Франции, — писал П. Кот, — не была столь неуязвимой, как в тот момент, когда она опиралась на мощь Красной Армии»⁵.

После Мюнхена Гитлер с еще большей ловкостью вел игру с руководителями Англии и Франции. Его так называемая новая политика основывалась на принципе сохранения статус-кво на западе и «свободы рук» в Восточной Европе. Он уже заговорил об Украине с неопределенной границей.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене была подписана совместная англо-германская декларация. Чемберлен заручился обещанием Гитлера о том, что Германия никогда не будет вести войну против Англии.

Подписание в Мюнхене англо-германской декларации, да еще за спиной французского правительства, вызвало серьезное беспокойство во Франции и немалое недоверие к внешней политике Англии. «Толкование, которое давали декларации некоторые газеты, как, например, «Фольки-

¹ Général Beaufre. Op. cit., p. 109.

² Цит. по: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, с. 275 (далее: СССР в борьбе за мир).

³ Там же, с. 72.

⁴ Цит. по: ДВП СССР, т. XXI, с. 557.

⁵ Cot P. Op. cit., t. 1, p. 93—94.

шер беобахтер», ясно указавшая, что декларация равнозначна пакту о ненападении, — писал Осуский из Парижа, — еще больше усилило это недоверие»¹.

Английское правительство пыталось рассеять неблагоприятное впечатление, произведенное в Париже англо-германской декларацией. Чемберлен направил 1 октября личное послание Даладье, в котором подчеркнул наличие «тесного англо-французского сотрудничества» и «искренность взаимоотношений Англии и Франции».

В своем ответном послании Чемберлену от 4 октября Даладье указывал, что Франция почувствовала необходимость еще большего «укрепления сердечной дружбы с Англией». «Я, как и все мои соотечественники, — писал Даладье, — восхищен... вашим высоким и точным пониманием жизненных интересов наших обеих стран»².

Руководители Франции, обещая Чемберлену строго придерживаться мюнхенского курса, еще более активно включились в сложную и опасную политическую игру с Гитлером, имевшую своей целью подтолкнуть его к военному нападению на СССР. Предоставляя рейху свободу действий на востоке Европы при одном неременном условии, что Гитлер оставит в покое Францию и ее колониальные владения, они рассчитывали также создать общеевропейский блок империалистических держав с участием Англии, Германии и Италии для изоляции СССР и борьбы с ним. «В этой связи особенно популярна версия о «Дранг нах Остен», версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на Востоке, — писал Суриц. — ...При этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР. В том, что теперешние властители Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и «проклятые» вопросы за счет СССР, конечно, нет сомнения...»³.

Французская реакционная печать, в том числе газета «Тан», развернула в первые же послемюнхенские дни активную кампанию против СССР и советско-французского договора о взаимной помощи. «Изменения в Центральной Европе, вызванные заключением мюнхенского соглашения четырьмя ведущими державами, — писала 2 октября

¹ AMZV СССР. Донесение Осуского № 99. Париж, 7 февраля 1939 г.

² Le Temps, 5.X.1938.

³ СССР в борьбе за мир, с. 72.

«Тан», — требуют пересмотра множества доктрин, которые превалировали до настоящего времени и которые особенно сильно обесценены франко-польским союзом и франко-советским пактом о взаимной помощи». «Тан» совершенно открыто писала, что чехословацкий кризис позволил французским государственным деятелям по-новому определить цену их системы союзов в Центральной и Восточной Европе. «Связи между Парижем и Москвой нарушены. Они воздвигали огромный барьер между Францией и Германией»¹.

4 октября Даладье, выступая с речью об итогах мюнхенской конференции на заседании палаты депутатов, восхвалял мюнхенское соглашение, говорил, что французы хотят установить с Германией прочный мир. В то же время он обошел полным молчанием отношения между Францией и СССР, несмотря на то что советско-французский договор о взаимной помощи формально продолжал существовать².

Советский полпред в Париже, ссылаясь на данное выступление французского премьера, писал в Наркоминдел СССР: «После речи Даладье не остается уже сомнения, что он твердо решил договориться с Германией и что для достижения этой цели он готов пожертвовать последним остатком коллективной безопасности и договорами о взаимопомощи»³.

Состояние советско-французских отношений после Мюнхена значительно ухудшилось. Французская дипломатия попыталась оклеветать СССР, приписывая ему соучастие в Мюнхене. Кулондр во время беседы с Литвиновым 15 октября констатировал, что в течение двухлетнего пребывания послом Франции в СССР ему не удалось добиться улучшения франко-советских отношений. Нарком, выслушав посла и отметив не меньшую роль Даладье и Боннэ в мюнхенском сговоре, чем роль Чемберлена, заявил, что «французы, заключив с нами пакт о взаимной помощи, систематически уклонялись от соответственных военных разговоров о методах реализации этой помощи. Уклонились они от этого даже тогда, когда Чехословакия стала фактически в этой помощи нуждаться. Теперь приходится заключить, что французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами по-

¹ Le Temps, 3.X.1938.

² См. Débats parlementaires. 1938. Т. Unique, p. 1526—1528.

³ СССР в борьбе за мир, с. 64.

мощь когда-либо реализовать и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах»¹.

Французская дипломатия в вопросе франко-советских отношений и после Мюнхена пыталась маневрировать. При встрече с Сурицем Боннэ говорил «о неизменности отношений» между Францией и СССР, о желании англичан и французов сотрудничать с Советским Союзом в разрешении европейских вопросов. 19 октября нарком Литвинов в письме послу СССР во Франции, разоблачая маневры Боннэ и его английских коллег, указывал, что Чемберлен, Даладье и Боннэ во имя соглашения с Германией и Италией «пойдут на что угодно». «Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином». Располагая же этим «козырем», Даладье и Боннэ непрестанно призывали Германию к установлению широкого «согласия» и уверяли Гитлера в том, что цель французской внешней политики должна быть ограничена защитой собственных национальных интересов. «Это как раз то, — писал полпред СССР из Парижа 29 октября, — чего все время добивался Гитлер, предлагая прямые переговоры и двусторонние соглашения». Полпред указывал, что в полном соответствии с таким курсом внешней политики французское правительство намеревается во внутренней политике покончить с Народным фронтом, объявить войну коммунистам, перестроить парламентское большинство, зажать в кулак рабочих².

Одновременно правителей Франции интересовала политика, проводимая СССР после Мюнхена. По заданию Боннэ временный поверенный в делах Франции в СССР Пайяр обратился в беседе, имевшей место 20 ноября, к наркому Литвинову с вопросом, как он смотрит «на нынешнее международное положение и дальнейшее его развитие». Литвинов отметил, что «новое положение» создано мюнхенским соглашением и что этот вопрос «должен быть обращен нами к Англии и Франции — как они сами мыслят последствия этого соглашения». Тогда дипломат сказал, что он обратился к наркому не по поручению своего правительства, а от себя лично; он, сторонник коллективной безопасности, хотел бы знать, считает ли Литвинов и «теперь возможной политику коллективной

¹ ДВП СССР, т. XXI, с. 589—590.

² См. СССР в борьбе за мир, с. 50, 64—65, 83.

безопасности». В ответ на это нарком сказал: «Мы считаем мюнхенское соглашение международным несчастьем. Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров: Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой»¹.

Именно на основе новых уступок французское правительство стало добиваться новой сделки с правительством Германии. Боннэ направил в начале октября инструкцию послу в Берлине Франсуа-Понсэ добиться от германского правительства в ближайшее время «согласия» на подписание франко-германской декларации, в которой среди других условий содержалось «окончательное» признание Германией существующих франко-германских границ. Франсуа-Понсэ немедленно вступил по данному вопросу в переговоры с германским министром иностранных дел. Сам Боннэ начал серию бесед по этому же вопросу с германским послом в Париже Вельчеком, убеждая его, что «Мюнхен создал самые благоприятные условия для франко-германского согласия и сотрудничества».

Гитлер, однако, не спешил с переговорами, предпочитая выжидать и держать ослабленную Францию в состоянии неуверенности и постоянного напряжения. В речи, произнесенной 9 октября в Саарбрюкене, он заявил, что возведение германских военных укреплений на границе с Францией будет продолжено «со все возрастающей энергией». Даже французская «Тан» вынуждена была признать, что речь Гитлера имеет целью «охладить энтузиазм» тех, кто хотел видеть в мюнхенском соглашении «утреннюю зарю новой Европы и обещание новой ориентации на пути к миру»². Во многих землях рейха развернулась кампания по сбору подписей под требованием о возвращении Германии Эльзаса и Лотарингии. Такая же кампания проводилась в Эльзасе и Лотарингии силами германских агентов. Вскоре Гитлер еще раз и в самой решительной форме потребовал у Англии и Франции возвращения Германии колоний, которые были у нее отняты, «вопреки всякому праву».

Во время своего прощального визита к германскому

¹ СССР в борьбе за мир, с. 85.

² Le Temps, 19.X.1938.

канцлеру 18 октября Франсуа-Понсэ* предложил следующие основные пункты предполагаемого нового соглашения между Францией и Германией: окончательное признание существующих границ между Францией и Германией, проведение консультаций между обеими странами по сложным внешнеполитическим вопросам, предоставление совместных гарантий Бельгии, меры по «гуманизации войны» и заключение соглашения по валютным вопросам¹. В Париже этой беседе придавалось большое значение; распускались слухи о том, что Гитлер сделал какое-то конкретное, «вполне приемлемое для Франции предложение».

Даладье, выступая 27 октября на съезде радикалов в Марселе, заявил, что мир, достигнутый в Мюнхене, кладет «начало новой эпохе», и предлагал договориться с Германией и Италией по всем основным спорным вопросам. «Эти заявления, — писал советский полпред в Париже, — не оставляли места сомнению, что Даладье и Боннэ не остановятся и перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры и если такой ценой можно будет купить соглашение с Гитлером»².

Французская буржуазная печать радикально изменила свой тон по отношению к Германии и Италии. В Париже оказывались особые знаки внимания германским и итальянским дипломатическим представителям. Делалось все, чтобы создать благоприятный «климат» для заключения соглашения с Гитлером. По прибытии в Берлин новый французский посол Кулондр сразу приступил к подготовке франко-германской декларации. Этому очень активно содействовали и американские дипломаты в Берлине и Париже.

Новому послу в Берлине заявляли, что Германия никаких претензий к Западу, и в частности к Франции, не имеет, что ее истинной целью является Восток. Риббентроп в первой же беседе с Кулондром сказал ему, что «главные интересы Германии находятся на европейском юго-востоке»³. Это же повторили Кулондру Геринг и Геббельс. Кулондр после своих бесед с представителями

* Франсуа-Понсэ получил назначение на пост посла в Италии.

¹ См. ADAP, Bd. IV, S. 385—386.

² СССР в борьбе за мир, с. 71.

³ Coulondre R. Souvenirs de deux ambassades. 1936—1939. P., 1950, p. 215.

фашистской верхушки Германии сообщил в Париж следующий вывод: «Правительство рейха желает соглашения с Францией, чтобы, подстраховав себя с запада, предпринять действия на востоке или юго-востоке»¹. Французское правительство с еще бóльшим упорством стало добиваться нового соглашения с германским агрессором.

25 октября проект франко-германской декларации был в основном согласован. Министр иностранных дел Риббентроп стал готовиться к поездке в Париж для переговоров и подписания подготовленного документа. Но его вояж во французскую столицу задержался на целый месяц. В ноябре во Франции внутривластическое положение резко обострилось: назревала всеобщая забастовка. В Италии развернулась волна фашистских митингов и манифестаций, сопровождавшихся самыми грубыми нападениями на Францию и территориальными притязаниями к ней.

Германия поддерживала эту кампанию итальянских фашистов. Во время римских германо-итальянских переговоров (28—29 октября) Муссолини заявил, что «уже сейчас необходимо наметить объекты завоеваний». Риббентроп не только полностью согласился с этим, но и подчеркнул, что Средиземное море должно стать итальянским морем. Французское правительство торопилось направить в Рим своего нового посла Франсуа-Понсэ, для того чтобы, «по крайней мере, упорядочить все еще неблагоприятные отношения с Италией».

Английское правительство пыталось в этих делах играть роль посредника между Парижем, Берлином и Римом. Чемберлену продолжал мерещиться новый «пакт четырех».

Полпред СССР в Англии Майский 25 ноября телеграфировал в Москву, что Чемберлен при первой же подходящей ситуации постарается возобновить свой флирт с Германией и свою попытку создания «пакта четырех». «Впрочем, — замечал далее полпред, — после Мюнхена становится все яснее, что основная цель Чемберлена не подлинный «пакт четырех», а «пакт двух» (Англии и Германии), лишь формально облеченный в костюм «пакта четырех». «Франция и Италия в соответствии с «философией» Чемберлена должны отныне играть лишь роль «младших партнеров» при Великобритании и Герма-

¹ Le livre jaune français. P., 1940, p. 87.

нии»¹. Это писалось советским дипломатом в момент, когда Чемберлен и Галифакс завершили в Париже свои переговоры с французскими руководителями Даладье и Боннэ.

Данные переговоры (24—25 ноября) начались с обсуждения проблем национальной обороны обеих стран. Даладье настаивал на выработке конкретных обязательств и условий военного сотрудничества Франции и Англии в преддверии возможного их столкновения с державами «оси».

Обсуждение проблемы военного сотрудничества свелось в итоге к констатации необходимости его расширения путем усиления контактов генштабов английской и французской армий и координации действий по вооружению обоих государств². На деле ничего нового данная англо-французская конференция не прибавила к сотрудничеству Англии и Франции в военной области.

При обсуждении испанского вопроса не было достигнуто соглашения о предоставлении Франко прав воюющей стороны ввиду возражения французоз.

Вопрос о том, каким способом подтолкнуть фашистскую Германию к нападению на Советский Союз в самое ближайшее время, являлся главной проблемой встречи английских и французских министров. В ходе их дискуссии Чемберлен утверждал, что «ближайшей целью Гитлера является наступление на Советскую Украину» в связи с «развитием» сепаратистского движения на Украине, которому Германия «может пойти на помощь»³, и т. д. Чемберлен здесь же задал своим французским коллегам весьма характерный вопрос: как будет обстоять дело с обязательствами Франции прийти на помощь СССР в случае, если Гитлер спровоцирует выступление сепаратистов на Украине и рейх пытается вмешаться на их стороне?

Боннэ заявил, что Франция по договору должна исполнить свои обязательства помощи Советскому Союзу только в случае «прямого нападения Германии на территорию России»⁴. Если учесть, что он сам считал уже тогда франко-советский пакт о взаимной помощи фактически недействительным, то его ответ можно вполне понять в том смысле, что на пути военного вторжения фашист-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 93—94.

² См. DBFP, vol. III, p. 104—107, 137, 285—311.

³ Ibid., p. 306—307.

⁴ DBFP, vol. III, p. 307.

ской Германии в пределы СССР никаких преград не существует. Нарком Литвинов, раскрывая подлинные цели восточноевропейской политики французского правительства после Мюнхена и возражая полпреду СССР во Франции Сурицу по этому вопросу, писал: «После Мюнхена Боннэ стремится совершенно освободиться от всяких обязательств и необходимости вмешательства на востоке и юго-востоке Европы, и отношение его к франко-польскому пакту такое же, как и к франко-советскому, т. е. как к документам, фактически недействительным. Это вытекает, очевидно, из концепции, которую усвоил Чемберлен, что будто ближайшей задачей Гитлера является наступление на Советскую Украину»¹.

С такими идеями и планами готовился Боннэ к встрече с Риббентропом. Но на пути осуществления этой близорукой и коварной политики встали трудности внутреннего и внешнего характера. 30 ноября во Франции вспыхнула всеобщая забастовка. В этот же день в палате депутатов Италии была организована антифранцузская демонстрация. В ответ на заявление министра иностранных дел Чиано о необходимости удовлетворения «естественных стремлений и чаяний» итальянского народа депутаты-фашисты соскочили со своих мест и стали кричать: «Тунис! Корсика! Савойя!» Новый французский посол в Риме Франсуа-Понсэ утверждал, что слова министра являлись условным сигналом начать шумную антифранцузскую кампанию.

Фашисты незамедлительно развернули по всей Италии яростную политическую кампанию против Франции.

1 декабря Боннэ пригласил к себе нового итальянского посла Гуарильо и заявил ему протест по поводу инцидента в итальянском парламенте, но одновременно попытался выявить размеры требований Муссолини. Однако итальянский посол не мог сказать французскому министру ничего определенного².

Франсуа-Понсэ по поручению своего правительства 29 декабря предпринял в Риме демарш, в котором протест против имевшей место 30 ноября демонстрации в итальянской палате сочетался с попыткой выяснить размеры итальянских притязаний к Франции. Министр ино-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 105.

² См. *Guariglia R.* La diplomatie difficile. Mémoires, 1922—1946. P., 1955, p. 83—91.

странных дел заявил послу, что «демонстрация в палате — это одно, а политика его правительства — это другое». Воспользовавшись этим, Франсуа-Понсэ предварительно заметил: «По нашему мнению, соглашения 1935 года в окончательном виде урегулировали франко-итальянские отношения». В ответ Чиано сделал жест, выражавший сомнение. «Вы не согласны с этим?» — в упор спросил министра посол. Чиано, подумав, сказал: «Я вам отвечу письменно после консультации с дуче». Но уже 3 декабря наиболее воинственные органы фашистской печати призывали итальянцев «скрестить мечи» с французами, писали, что франко-итальянское соглашение с полным основанием можно считать «несущесгвующим».

Но французское правительство продолжало попытки выяснить размеры требований итальянских фашистов. Боннэ пытался это узнать у Гуарильи, но безуспешно. Несмотря на упорное стремление правительства Даладье к налаживанию контактов, противоречия между Францией и Италией продолжали резко обостряться. «Из Рима нам пишут, что Франсуа-Понсэ настроен весьма песимистически», — указывал Литвинов. Франсуа-Понсэ говорил Штейну*, что «считает задачу улучшения франко-итальянских отношений исключительно трудной и что он не надеется на быстрые результаты»¹.

Французские руководители все же полагали, что предстоящая встреча и переговоры Боннэ и Риббентропа в Париже позволят Франции разрешить ряд сложных проблем и, в частности, будут содействовать урегулированию «споров» с фашистской Италией.

6 декабря 1938 г. в обстановке дальнейшего обострения противоречий Франции с обеими фашистскими державами — Германией и Италией в Париж прибыл для переговоров германский министр иностранных дел Риббентроп. Накануне печать Германии в той или иной степени раскрывала цели предстоящего визита Риббентропа во французскую столицу. «Национал цайтунг» в номере от 4 декабря утверждала, что целью визита германского министра в Париж является «обсуждение с французскими руководителями всех самых значительных вопросов европейской политики». «Данцигер форпостен» за то же число указывала, что «Германия хочет мира со всеми

* Полпреду СССР в Италии.

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир, с. 106.

своими соседями, но будет продолжать борьбу против разрушительного большевизма». «Франкфуртер цайтунг» утверждала, что Германия, соглашаясь подписать франко-германскую декларацию, желает жить дружески бок о бок с «внутренне замиренной» Францией.

Иностранные дипломаты, аккредитованные в Париже, в своих донесениях более конкретно касались важнейших аспектов предстоящих франко-германских переговоров. «Единственно, о чем остается вести разговор министру Боннэ с министром Риббентропом, — писал Осуский Крофте 5 декабря, — это Центральная Европа и Украина»¹. В другом своем донесении посланник сообщал, что французы согласятся также вести переговоры с немцами о возвращении Германии колоний, если на это будут согласны англичане².

Риббентропа, вопреки его ожиданию, население Парижа встретило холодно и неприязненно. Боннэ пришлось его встречать не на Северном вокзале, а на маленькой станции Инвалидов. Выйдя из вагона, Риббентроп заявил встречавшим: «Я прибыл сюда, для того чтобы установить мир между Францией и Германией»³. Эти слова не произвели нужного организаторам визита эффекта. «Риббентроп был поражен тем, — сообщал Осуский, — что население не приветствовало и не приняло его как мюнхенского победителя»⁴.

Во французских правительственных сферах чувствовались «неловкость» и даже «нервозность».

В 15 час. 30 мин. в тот же день в конференц-зале на Кэ д'Орсе состоялось официальное подписание Боннэ и Риббентропом франко-германской декларации. В первом пункте документа говорилось, что «мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира». Второй пункт декларации, в котором говорилось, что «оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов

¹ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1681. Париж, 5 декабря 1938 г.

² См. AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1684. Париж, 6 декабря 1938 г.

³ Le Temps, 1.XII.1938.

⁴ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1684. Париж, 6 декабря 1938 г.

территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время»¹, отразил стремление тогдашних французских руководителей заставить Гитлера отказаться официально от Эльзаса и Лотарингии, взять на себя обязательство не воевать против Франции и искать удовлетворения своих империалистических притязаний в другом месте.

«Это был формальный отказ Гитлера, — писал Боннэ, — от Эльзаса и Лотарингии»². Советский полпред во Франции, отмечая, что во втором пункте декларации «закрепляется отказ Гитлера от Эльзаса и Лотарингии», указывал на то, что «это выпячивается Боннэ на первый план как главное достижение декларации»³.

Идя на заключение мюнхенского соглашения и подписание франко-германской декларации, руководящие круги Франции во главе с Даладье и Боннэ рассчитывали такой ценой купить для своей страны и для себя лично спокойное житье на ближайшие несколько лет. Что касается Гитлера и его дипломатии, то они, соглашаясь на признание в качестве «окончательной» границы, существовавшей тогда между Францией и Германией, рассчитывали обеспечить Германии тыл с запада. Отказ Гитлера от Эльзаса и Лотарингии являлся его дипломатическим маневром, фактически же он никогда не отрекался от этих французских территорий.

21 ноября канцлер Германии заявил Кулондру: «Не верьте мне, — почти кричал он, — что я легко отказываюсь от Эльзаса и Лотарингии. Страсбургская колокольная многое значит для меня, для нас всех, немцев. Если я это делаю, то только потому, что пришлось бы пролить много германской крови, чтобы ее вернуть»⁴. Эти слова Гитлера, по признанию Кулондра, звенели в его ушах «колокольным звоном» вплоть до военного пожара, вспыхнувшего в 1939 году.

В третьем пункте франко-германской декларации говорилось, что «оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консуль-

¹ Документы и материалы, т. I, с. 334—335.

² Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous Trois Républiques, p. 298.

³ СССР в борьбе за мир, с. 139.

⁴ Coulondre R. Op. cit., p. 217.

тироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям»¹.

Если учесть, что английские и французские руководители жаждали этих «международных осложнений» на востоке Европы, у границ Советского Союза, и всячески содействовали их возникновению, то более чем убедительно встает истинное значение положений третьего пункта данного документа.

После подписания франко-германской декларации шухи вокруг так называемого украинского вопроса стала раздуваться на Западе особенно широко. Нарком Литвинов указывал в своем письме от 21 декабря полпреду СССР во Франции, «что сами сторонники Боннэ и Чемберлена раздувают кампанию, подсказывая Гитлеру диверсию в сторону Востока»².

Обсуждение торгово-экономических проблем закончилось более чем скромным результатом. Требование Риббентропа, чтобы Франция расширила свои закупки на германском рынке, грозило еще больше увеличить без того пассивное сальдо французской торговли. Что касается предложения Риббентропа о расширении германских экономических связей с колониями Франции, то оно привело бы к сдаче французами немцам многих своих позиций в колониальной империи.

Вслед за этим Боннэ выдвинул вопрос об отношениях между Францией и Италией. Характеризуя состояние этих отношений, он указывал на инцидент, имевший место в итальянском парламенте 30 ноября, сетовал на то, что правительство Муссолини дало ответ на французский протест «в довольно туманной форме» и что Франция сильно обеспокоена теми вопросами, «которые были подняты в результате этих инцидентов».

В записи переговоров указывается, что французами «снова выражалась большая озабоченность относительно дальнейшего развития событий в бассейне Средиземного моря; можно сказать, что это главная тема, которая в эти дни занимает членов французского правительства».

В ответ на настойчивые вопросы Боннэ о том, какую позицию занимает Германия по отношению к средиземноморской проблеме, и в частности в вопросе о Тунисе,

¹ Документы и материалы, т. I, с. 335.

² СССР в борьбе за мир, с. 144.

Риббентроп ответил, что «Германия в этом вопросе непосредственно не заинтересована». Но здесь же указал, что он неоднократно слышал, что итальянское население в Тунисе не слишком довольным отношением к нему французам. Риббентроп, формулируя общую позицию германского правительства по затронутым вопросам, подчеркнул заявил Боннэ: «Хотя Германия не заинтересована в этом непосредственно, у нее имеется косвенная заинтересованность, поскольку ее принципиальная позиция во внешнеполитических вопросах всегда определяется ее дружбой с Италией». Затем он предупредил своего собеседника, что треугольник Берлин — Рим — Токио существует как стабильный фактор, но это не мешает рейху перебросить мост урегулирования и взаимопонимания между авторитарными государствами к демократиям¹.

Гитлеровский министр, перейдя к вопросу о Центральной и Восточной Европе, подчеркнул, что «Германия рассматривает эту часть Европы как область своих интересов и для преодоления в будущем противоречий между авторитарными государствами и демократиями, в частности между Германией и Францией и Англией, было бы весьма полезно, если бы к этой сфере германских интересов отнеслись с должным пониманием». От Франции для этого требуется, по мнению Риббентропа, чтобы она, признав, что военные союзы на Востоке являются ярко выраженными атавизмами Версальского договора и версальского духа, ликвидировала их. «Если бы Франция, — восклицал гитлеровский министр, — раз и навсегда признала эту сферу германских интересов, то тогда я вполне поверил бы в возможность принципиального и окончательного урегулирования между Германией и Францией».

Боннэ не возражал против этих требований Риббентропа. Он возражал только против поддержки Риббентропом, хотя и в завуалированной форме, итальянских притязаний на Тунис и другие колониальные территории Франции. «...Со времени Мюнхена положение в этом отношении коренным образом изменилось, — заявил он своему германскому собеседнику. — Вопросы, поднятые в связи с последними итальянскими инцидентами (Тунис и Корсика. — *С. Ст.*), все же носят целиком иной характер, нежели вопрос о судетских немцах. Франция не может ни в коем случае и думать об отказе от своих терри-

¹ ADAP, Bd. IV, S. 412.

торий. Поднять вопрос о Тунисе — значило бы начать войну». Риббентроп, спохватившись, заявил в ответ Боннэ, что он «не хотел проводить никаких параллелей между Чехословакией и Тунисом»¹.

Риббентроп, в тот же день пригласив к себе итальянского посла в Париже Гуарилью, заметил ему: «Как могло случиться, что одна из держав «оси» ведет такие организованные демонстрации против Франции, в то время как другая направляет в Париж своего министра иностранных дел для подписания пакта дружбы? Я не скрою от вас, что проводимая в данный момент итальянская политика серьезно мешает Германии»². По утверждению Гуарильи, гитлеровский министр опасался, что чрезмерные итальянские требования помешают ему достичь соглашения с Францией, которое предоставит Германии «свободу рук» на востоке³. Советник английского министра иностранных дел Р. Ванситтарт сказал полпреду Майскому по этому вопросу 8 декабря: «Возможно, что момент предъявления требования о Тунисе не вполне совпадал с намерениями Гитлера, но это уже мелочь. По существу Гитлер, конечно, будет поддерживать Муссолини»⁴.

В ходе дальнейших собеседований министров был затронут вопрос об обещанных Англией, Францией, Германией и Италией гарантиях новых границ искалеченной Чехословакии.

На вопрос Боннэ, как относится Германия в принципе к этой проблеме, Риббентроп ответил, что германская сторона намерена сначала выждать развития событий, так как «предполагаемое со стороны Германии в свое время предоставление гарантий было обусловлено тем, что проблемы других национальных меньшинств также должны быть решены», все зависит от того, будут ли поставлены отношения между Германией и Чехословакией на совершенно новую основу. Что же касается предоставления четырехсторонних гарантий, то оно, по мнению Риббентропа, для Чехословакии означает «определенное искушение все же вновь пойти по старому, домюнхенскому политическому курсу». Это означало, что рейх вообще

¹ ADAP, Bd. IV, S. 413.

² Цит. по: Guariglia R. Ricordi. 1922—1946, p. 374.

³ См. Guariglia R. La diplomatie difficile. Mémoires, 1922—1946, p. 92.

⁴ СССР в борьбе за мир, с. 117.

был против каких бы то ни было гарантий послемюнхенской Чехословакии. «Боннэ не углублял дальше этой темы и перешел к испанскому вопросу»¹. Риббентроп стал в ответ распространяться о том, что испанская политика Германии определяется «принципиальной антибольшевистской позицией рейха»² и ее союзницы Италии, которые не преследуют в Испании ни территориальных, ни каких-либо других целей³. «Франция должна быть сама благодарна Германии за то, — заявил он, — что она ведет борьбу против большевизма в Испании, так как в противном случае Франция сама сегодня была бы большевизирована».

Боннэ сразу же поспешил заверить Риббентропа в том, что «французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко, если бы прежде были полностью выведены иностранные добровольцы». Тогда Риббентроп стал настаивать на том, чтобы Франция признала за генералом Франко «право воюющей стороны».

Главной темой переговоров обоих министров являлась Центральная и Восточная Европа. Риббентроп характеризовал «французскую политику союзов и окружения, и в частности пакт с Россией, как препятствие на пути сближения между Германией и Францией»⁴. Затем, учитывая сильное стремление французских руководителей к сближению Франции с рейхом, он пошел в настоящую атаку, заявив, что «Германия истолковала Мюнхен как доказательство того, что Франция отказалась в целом от системы своих союзных договоров в Центральной и Восточной Европе». Боннэ даже не попытался в какой бы то ни было мере защитить союзный договор Франции с Советским Союзом. Он ограничился в ответ заявлением, что, со своей стороны, «Германия до сих пор не расторгла Рапалльский договор». Тем самым Боннэ дал ясно понять, что Франция придает своему пакту с СССР от 5 мая 1935 г. такое же значение, какое Германия — Рапалльскому договору, заключенному между РСФСР и ею в 1922 году. Тогда Риббентроп высказал Боннэ свое «крайнее удивление» по поводу того, что французский министр

¹ ADAP, Bd. IV, S. 413.

² Ibid., S. 413—414.

³ См. AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1706. Париж, 13 декабря 1938 г.

⁴ ADAP, Bd. IV, S. 414.

не сказал ему формально об отказе Франции после Мюнхена «от интересов в Центральной и Восточной Европе». Он обвинил Францию в том, что она успокоилась в связи с заявлением относительно неприкосновенности ее северо-восточных границ, что этого с ее стороны явно недостаточно, так как рейх прежде всего «ожидает, что Франция ликвидирует свою политику в Центральной и Восточной Европе».

Боннэ заявил, что франко-советский договор 1935 года «был заключен ярко выраженными левыми политиками.., а не теми, кто сейчас входит в правительство»¹. Эти слова Боннэ вполне являются подтверждением того факта, что правительство Даладьё полностью отрекается от союзного договора с Советским Союзом.

Франко-германская декларация, как и переговоры Боннэ и Риббентропа, бесспорно служили доказательством того, что Франция отказалась от своих интересов на востоке Европы, предоставив здесь «свободу рук» Германии. Боннэ видел во франко-германской декларации прежде всего признание неизменности французских границ. Риббентроп и его окружение, со своей стороны, истолковали франко-германское заявление в том смысле, что Франция отказывается от своих интересов в Центральной и Восточной Европе, что она «предоставляет Германии здесь свободу рук». «Я убежден, — писал Осуский, — что из всех разговоров с Боннэ у Риббентропа могло сложиться мнение, что Франция предоставила Германии «свободу рук» в Центральной и Восточной Европе»². Боннэ в своем инструктивном письме французским дипломатическим представителям за границей писал: «Это борьба против большевизма, которая отныне будет целиком основой всей германской политической концепции»³.

После отбытия из Парижа Риббентропа газета «Тан» напечатала инспирированную Боннэ статью «Поход на Восток и Великая Украина», в которой утверждалось: «Дранг нах Остен... после поглощения Австрии, вассализации Чехословакии имеет своей целью захват Львова и

¹ AMZV ČSSR. Донесение Осуского № 1705. Париж, 13 декабря 1938 г.

² AMZV ČSSR. Донесение Осуского № 1706. Париж, 13 декабря 1938 г.

³ Le livre jaune français. P., 1940, p. 14, 16.

Киева, для того чтобы в дальнейшем распространиться на Иран вплоть до границ Индии»¹.

10 декабря та же «Тан» напечатала передовую статью под заголовком «Украинский вопрос». В ней утверждалось, что Германия готовится к вторжению на Советскую Украину².

Осуский, характеризуя настроение, царившее в Париже после визита Риббентропа, доносил в Прагу: «По мнению здешних правительственных кругов.., Германия лихорадочно приводит в порядок и вновь строит укрепления на всех своих восточных границах и во всех видах военного производства работает полным ходом. Из этого делается вывод, что в марте или апреле (1939 г. — С. Ст.) дело дойдет до нового и более важного кризиса, чем кризис, имевший место в сентябре текущего года». «В целом в здешних правительственных и политических кругах утверждается, — продолжал чехословацкий дипломат, — что натиск Германии к Черному морю будет иметь своим направлением Восточную Галицию, Украину и отчасти Румынию. Окружение министра Боннэ представляет положение таким, которое означает пробу сил между Германией, с одной стороны, и Польшей и Советской Россией — с другой»³. Это писал дипломат, близкий к Боннэ и его окружению на протяжении многих лет. Кулондр в то же самое время говорил советскому временному поверенному в делах в Берлине об особом муссировании здесь вопроса об Украине. По его словам, этот вопрос является «основным, обсуждающимся в немецких кругах, и в частности в армии»⁴.

Боннэ скрыл от полпреда СССР во Франции Сурица главное, о чем он договорился с Риббентропом.

«Пожалуй, излишне Вам писать, что сообщение Боннэ о содержании его бесед с Риббентропом мы принимаем с изрядной дозой скептицизма, — указывал Литвинов в письме Сурицу 10 декабря. — Трудно... допустить, чтобы Гитлер без всякой компенсации согласился на германо-французскую декларацию, которую, вероятно, клянчил у него Боннэ»⁵. «Чемберлен, как и Даладьё — Боннэ,

¹ Le Temps, 9.XII.1938.

² См. Le Temps, 10.XII.1938.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1709. Париж, 14 декабря 1938 г.

⁴ СССР в борьбе за мир, с. 123.

⁵ Там же, с. 119.

строит, вероятно, теперь свои расчёты на том, — указывал Литвинов 19 декабря, — что, несколько наладив франко-итальянские отношения, можно будет действительно успокоиться на Западе в ожидании акции, предпринимаемой Гитлером на Востоке в направлении Украины»¹.

Нарком СССР был предельно ясен в характеристике основной политической линии тогдашних руководителей Англии и Франции.

2. НОВОЕ ОБОСТРЕНИЕ ФРАНКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ БОРЬБЫ

Мюнхенский самоубийственный курс внешней политики правительства Даладье — Боннэ подвергся во второй половине января 1939 года резкой и обоснованной критике многих депутатов французского парламента. Его решительно отвергали представители ФКП. Так, Ж. Дюкло, выступая в палате депутатов 26 января, указывал, что политика французского правительства направлена к тому, чтобы облегчить Гитлеру реализацию его плана «изолировать Францию, чтобы затем уничтожить ее». Эта предательская политика отвергалась и большим числом парламентариев из буржуазного лагеря. Депутат де Кериллис, обращаясь с трибуны палаты к руководителям правительства, заявил: «Ваша концепция, изолирующая нас от всех восточных союзников, может привести к тому, что мы останемся одни, совершенно одни перед германской и итальянской агрессией... Концепция внешней политики Боннэ является самой опасной для Франции». Многие другие депутаты критиковали внешнюю политику правительства с таких же позиций.

Глава правительства Даладье и министр иностранных дел Боннэ упорно защищали ее. Боннэ, выступая в конце дискуссии, утверждал, что его внешняя политика находит поддержку не только во Франции, но и в зарубежных странах Запада и Востока, что он, проводя эту политику, «находился в непрерывных контактах» с правительствами СССР, Польши и других союзников. Боннэ договорился даже до того, что с Москвой он осуществлял обмен в «соответствии с пактом 1935 года». На эту же сторону вопроса нажимал в своем выступлении и Даладье. Лишь ценой больших усилий и при активной поддержке депу-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 134.

татов правого лагеря и центра им удалось сохранить у власти свое правительство («за» голосовали 360 депутатов, «против» — 334) ¹.

Даладьё и Боннэ, оставшись во главе правительства, послушного реакции, продолжали проводить мюнхенский курс внешней политики. Это подтвердилось в ходе реализации его «восточного направления», то есть гитлеровской агрессии против СССР. Во имя этого они готовы были пожертвовать не только остатками буржуазной Чехословакии, но и Польшей и другими странами Восточной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим дипломатия Боннэ очень «беспокоилась», чтобы Польша не пошла по пути сближения с СССР. Литвинов, ответив Пайяру 19 декабря 1938 г., что в польско-советских отношениях ничего нового не произошло, но разрешен ряд спорных вопросов и ведутся торговые переговоры, указал: «Мы, однако, ожидаем... — писал нарком, — что логика событий будет толкать Польшу еще дальше по пути сближения с нами»². Такая перспектива могла спутать карты французских мюнхенцев. Боннэ и его сторонники уже вполне определенно задумывались над тем, как предоставить возможность Гитлеру «польским коридором» вывести германские войска к границе СССР. Передавая мнение Боннэ, Осуский 14 декабря 1938 г. писал из Парижа: «Если Польша и Советская Россия не располагали бы волей и силой обороняться, то встали бы и польский и украинский вопросы. В целом настроение здесь относительно будущего пессимистическое, значительно более пессимистическое, чем было в августе и сентябре с. г. Чем дальше, тем более широко распространяется мнение, что вопросы, вставшие между державами, о которых идет речь, не позволяют надлежащим образом урегулировать другие вопросы»³.

Итак, по мнению Боннэ, главным препятствием на пути полного урегулирования между Германией и западными державами на этот раз являлись польский и украинский вопросы.

Заявления Боннэ вполне укладывались в рамки тогдашней французской тактики «выжидания» и «подталкивания» Гитлера к агрессивным действиям против СССР.

¹ Débats parlementaires 1939, t. I. P., 1940, p. 245, 262, 234.

² СССР в борьбе за мир, с. 134.

³ AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1709. Париж, 14 декабря 1938 г.

Пайяр не случайно 19 декабря в беседе с Литвиновым «намекнул» на планы Гитлера в отношении Советской Украины. На это последовал твердый и решительный ответ наркома СССР: «Я сказал, — писал Литвинов, — что этот вопрос нас совершенно не беспокоит, что мы даже не уверены, что и Гитлер серьезно относится к так называемой украинской акции. Возможно, что мы имеем дело с пропагандистской диверсией, имеющей целью усыпить и успокоить Англию и Францию и под этим прикрытием подготовить новый сюрприз для них»¹.

9 февраля 1939 г. вновь назначенный французский посол в Москве Наджиар нанес свой первый визит заместителю наркома В. П. Потемкину и интересовался тем, как складываются отношения СССР с Польшей и Румынией. Выслушав заявление Потемкина о том, что между Советским Союзом и Польшей намечается сближение, а Румыния проявляет стремление жить в мире с СССР, Наджиар заметил, что, по мнению его правительства, «такое положение содействует стабилизации мирных отношений на востоке Европы». Тогда заместитель наркома сказал, что французское правительство могло бы и не ограничиваться ролью простого наблюдателя событий, развивающихся в восточной части Европы. «Еще недавно между Францией, с одной стороны, Польшей и Румынией, с другой, — указывал Потемкин, — существовали отношения теснейшего политического сотрудничества. Между тем в настоящее время, насколько мне известно, французское правительство не только не ведет активной политики в обеих указанных странах, но предоставляет их собственной судьбе, уделяя все свое внимание своим взаимоотношениям с Англией, Германией и Италией. Судя по французской прессе, а также по выступлениям некоторых политических деятелей Франции, безразличное отношение французского правительства к прежним союзникам и друзьям в Центральной и Восточной Европе отнюдь не случайно. Союзный договор с Польшей, сотрудничество с Малой Антантой, франко-советский пакт признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достижением истории». Французский посол принялся было «живо возражать», но в доказательство противного никаких конкретных фактов привести не смог. Однако, поскольку

¹ СССР в борьбе за мир, с. 134.

Наджиар говорил, что во Франции многие политические деятели высказались за франко-советский пакт и за сотрудничество Франции с СССР, сам министр Боннэ заявил, что Франция остается верна своим договорным обязательствам с Советским Союзом, Польшей и другими восточноевропейскими странами. Потемкин сказал в ответ, что, «если он ставит своей задачей поддерживать и развивать сотрудничество Франции с СССР, он может рассчитывать встретить в Москве полное содействие»¹.

Народный комиссар Литвинов, сообщая о своем первом разговоре с новым послом Наджиаром полпреду СССР во Франции, писал 10 февраля 1939 г.: «Мы готовы и впредь к действительному сотрудничеству, если оно угодно другим, но мы можем обходиться и без него и поэтому гнаться за ним не будем»². В тот же день была получена в Москве телеграмма из Парижа от Сурица, в которой лишний раз подтверждалось конкретными фактами то, что французские руководители продолжали твердо следовать мюнхенскому курсу. «Все яснее выявляется и план Боннэ, — писал полпред, — нащупать с помощью Англии и, естественно, Германии почву для „разумного обсуждения“ соглашения с Италией, а Германии дать удовлетворение „на Востоке“, максимально отвлекая ее от западного и средиземноморского направлений... В интимных беседах с друзьями Боннэ уже не скрывает, что „без жертв на Востоке не обойтись“, что „нужно дать выход германской экспансии“, что „предоставление ей продовольственной и сырьевой базы диктуется необходимостью“»³.

Французское правительство проводило эту предательскую политику не только в тесном сотрудничестве с британским правительством, но и в опоре на реакционные круги США. Американский посол в Париже Буллит в своем письме от 28 февраля 1939 г. на имя государственного секретаря Хэлла настаивал на скорейшем возвращении посла США в Берлин. По его мнению, «возможность достижения взаимопонимания между Германией, Францией и Англией значительно увеличилась бы, если бы в Берлине был американский посол, который работал бы в интересах примирения»⁴.

¹ СССР в борьбе за мир, с. 195.

² Там же, с. 197—198.

³ Там же, с. 198.

⁴ Diplomatic Papers 1939, vol. I. Wash., 1956, p. 25.

Французская дипломатия добивалась примирения Франции с Италией. В Париже Бонне говорил Риббентропу, что во имя этого «Франция была бы готова обсудить положение итальянского меньшинства в Тунисе»¹. Французов очень интересовал предел итальянских требований, и они его пытались выяснить различными способами. Этим настойчиво занимался в Риме посол Франсуа-Понсэ. С этой целью в Рим был направлен директор Индокитайского банка П. Бодуэн. По просьбе Бонне Осуский пытался у Гуарильи «выяснить смысл, цели и размеры итальянских требований к Франции»². Итальянский посол в ответ на зондаж Осуского, выражая «удивление» по поводу того, что итальянские требования вызвали недоумения у французов, заявил: «Французы, защищая свою империю, должны понять, что итальянцы тоже заинтересованы в обеспечении существования Италии». Гуарилья пространно говорил об итальянских стратегических и других интересах на Корсике, в Тунисе, о железной дороге Джибути — Аддис-Абеба и подчеркивал, что Франция утратила свои экономические интересы в Эфиопии с тех пор, когда последняя «стала частью итальянской империи». Что касается Суэцкого канала, заявил далее посол, то Италия «имеет такой же стратегический интерес к Суэцу, какой имеют к нему французы и англичане»³.

На замечание Осуского относительно того, что нынешними требованиями Италия не стремится к территориальным приобретениям, а добивается лишь осуществления мероприятий, обеспечивающих ее собственную безопасность и безопасность ее империи, итальянский посол ответил: «Насколько я осведомлен, эти вопросы еще не могут быть окончательно решены. Их решения можно будет добиться лишь после урегулирования тех вопросов, которые имеют сегодня жизненно важное значение для безопасности Италии»⁴. Это указывало на то, что представленными ранее требованиями не исчерпываются притязания итальянских фашистов к Франции. Чрезмерные требования Муссолини заставили французское прави-

¹ ADAP, Bd. IV, S. 414.

² AMZV CSSR. Донесение Осуского № 1705. Париж 13 декабря 1938 г.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

тельство предпринять ряд мер военного характера в Тунисе и в Средиземном море.

Одновременно Боннэ заявил в иностранной комиссии парламента, что «Франция никогда не согласится уступить Италии ни одной пяди своей территории и любая попытка, направленная к осуществлению такого требования, может лишь привести к вооруженному столкновению». Министр, оговорившись, что в данном случае он имеет в виду отказ вести переговоры с итальянцами по вопросу об уступке им французской метрополии, заявил, что не «говорит здесь окончательно о некоторых аспектах итальянских требований, касающихся Корсики, Туниса и Джибути»¹. Боннэ оставлял «дверь открытой» для империалистического торга между Францией и Италией.

Заявление Боннэ вызвало очень сильное раздражение в Риме. Итальянская печать выступила с новыми угрозами по адресу Франции. «Французы слишком мало знают итальянский народ, если думают, что угрозой вооруженного конфликта можно заставить Италию отказаться от своих требований, которые должны быть удовлетворены»². 17 декабря Чиано, пригласив к себе Франсуа-Понсэ, вручил ему ответ итальянского правительства на французскую ноту от 2 декабря, в котором утверждалось, что римские соглашения от января 1935 года не могут считаться вступившими в силу, так как переговоры об урегулировании франко-итальянских споров не завершены³. 25 декабря совет министров Франции утвердил текст новой французской ноты, которая на следующий день была вручена итальянскому правительству. В ней утверждалось, что римские соглашения 1935 года «безусловно вступили в силу», так как «Франция уплатила за них уступками своих территорий» и «акциями железной дороги Джибути — Аддис-Абеба»⁴.

Резкое обострение франко-итальянских отношений усиливало напряженность в Европе. С каждым днем сгущались тучи над остатками буржуазной Чехословакии. Широкий размах приобрела подрывная деятельность гитлеровцев в Эльзасе, Лотарингии, Голландии, Дании

¹ Le Temps, 16.XII.1938.

² Tribuna, 11.XII.1938.

³ См. AMZV CSSR. Донесение Осуского № 92. Париж, 4 февраля 1939 г.

⁴ Le Temps, 31.XII.1938.

и в других районах Западной Европы. Подтверждалось мнение ряда дипломатов о том, что Мюнхен еще больше разжег аппетиты фашистских агрессоров. Чехословацкий посланник в Лондоне Масарик писал: «Твердолобый Чемберлен продолжает дальше трудиться в своей политике умиротворения (происходит ли это слово этимологически от французского *apaiser* — покажет история). В консервативных кругах растет недоверие к этой политике. После мюнхенского приговора события дали задний ход с такой быстротой, что даже близкие к Чемберлену круги оказались озадаченными. Итальянский тунисско-корсиканско-савойский взрыв в канун посещения Чемберленом Рима и Риббентропом Парижа ясно указывает, что Мюнхен не был ни концом, ни вершиной, а всего лишь началом дальнейших больших международных потрясений»¹.

Во Франции усилилось сопротивление продолжению мюнхенской политики. Даже часть буржуазии, принявшая мюнхенский диктат, разочаровалась в нем.

Все это заставило французских мюнхенцев еще больше маневрировать. Теперь они пытались создать у французского народа впечатление, что готовы дать решительный отпор территориальным домогательствам итальянских фашистов. «Боннэ говорил необычно твердо против итальянских требований, — писал Осуский, — еще и потому, что чувствовал, что если бы он так энергично не выступал, то народ потерял бы доверие к французской политике»². «„Ни одной пяди французской земли“ — под этим горделивым лозунгом, — писал Суриц, — выступает сейчас французская дипломатия»³. Но эта твердость проявлялась лишь при совершенно нереалистичных требованиях Муссолини, таких как Ницца, Корсика, но она не проявлялась относительно требований, касавшихся Джибути, участия в Суэце, нового статуса итальянцев в Тунисе и уступок по испанскому вопросу. «Напрашивается подозрение, — указывал Суриц, — что, повоевав с ветряными мельницами и создав в стране впечатление, что благодаря твердости правительства удалось отбиться

¹ AMZV ČSSR. Донесение Масарика III. Лондон, 6 декабря 1938 г.

² AMZV ČSSR. Донесение Осуского № 1720. Париж, 16 декабря 1938 г.

³ СССР в борьбе за мир, с. 140.

от нависшей грозной опасности, готовится исподтишка почва для новых переговоров с Италией»¹.

Тактика Парижа была на руку фашистским агрессорам. Гитлер и Муссолини, мечтая о новых захватах в Европе и в Африке и, более того, о завоевании мирового господства, крепили «ось» Берлин — Рим и подумывали о преобразовании «антикоминтерновского пакта» в союз. Чиано писал в своем дневнике 1 января 1939 г., что Риббентроп «считает все более неизбежным столкновение с западными демократическими странами и поэтому хочет заранее подготовить военный союз»². Что касается Чемберлена и Даладье, то они пытались подготовить почву для заключения нового «Мюнхена» в Риме.

В ожидании приезда в Рим Чемберлена в качестве посредника Муссолини и Чиано обсудили 8 января конкретные требования, предъявляемые ими Франции, а именно Ницца, Савойя, Корсика, Тунис, Джибути и др.³

11 января 1939 г. Чемберлен в сопровождении Галифакса прибыл в Рим и вел переговоры с Муссолини и Чиано до 14 января. Он готов был принести в жертву французские интересы во имя достижения нового соглашения с агрессорами. Его занимал вопрос, как возродить покойной памяти «пакт четырех», своим острием направленный против Советского Союза. В ходе бесед казалось, что Муссолини, выразив «пожелание созвать конференцию четырех, подобно мюнхенской, на которой были бы обсуждены все эти вопросы», охотно идет навстречу его стремлениям.

Дуче заявил своему английскому собеседнику, что именно из-за «красной опасности», существующей во Франции, Италия требует Корсику и Тунис. Чемберлен в ответ на это вынужден был сообщить итальянскому диктатору, что Даладье при их встрече 19 ноября 1938 г. в Париже заявил британскому премьеру, что «любое французское правительство, предпринявшее такую попытку уступок, будет сметено». Муссолини сразу же обрушился с целой серией грубых нападок на Францию, указав, что последняя угрожает «Италии войной». Он в самых резких выражениях обвинял Францию в том, что она «до сих пор сохранила свои военные союзы с Польшей и Со-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 141.

² *Ciano G. Diario*, vol. I. Roma, 1946, p. 12.

³ *Ibid.*, p. 19.

ветской Россией и что Гитлер вынужден учитывать это». Чемберлен спросил Муссолини, намерена ли Италия возобновить переговоры с Францией. В ответ дуче заявил, что Италия не проявит такой инициативы в отношении каких бы то ни было переговоров и «не будет участвовать в них вплоть до урегулирования испанского вопроса»¹. Чемберлен в ответ заявил, что ему понятна основная линия Муссолини и «поблагодарил дуче за столь ясное изложение его взглядов»². Более чем скромным результатом завершился посреднический визит британского премьера в Рим. Он ничего утешительного не мог сообщить своим французским коллегам. Итальянские же руководители после этого визита стали настойчиво добиваться заключения военно-политического союза с Гитлером.

30 января 1939 г. Гитлер, выступив с речью в рейхстаге, повторил в еще более категорической форме требование о возвращении Германии колоний и указал, что рейх в итало-французском споре целиком находится на стороне Италии. Даладье и Боннэ упорно старались через своих тайных эмиссаров де Бринона, Бодуэна и др. нащупать почву для заключения соглашения с Италией и Германией на основе предоставления им компенсации на востоке, максимально отвлекая их «от западного и средиземноморского направлений»³.

2 февраля в Рим прибыл президент Индокитайского банка Бодуэн, чтобы по поручению Даладье ознакомиться с конкретными итальянскими требованиями и сообщить возможные уступки французов⁴. Суммируя французские предложения, которые привез в Рим Бодуэн, Чиано записал в своем дневнике: «Даладье не намерен пойти на какие-либо открытые территориальные уступки; если бы мы потребовали территорий, вспыхнула бы война. Однако он готов сделать следующие уступки: создать обширную зону в Джибути, предоставив нам долю участия в управлении портом; уступить Италии железную дорогу на эфиопской территории; поддержать наши требования в отношении Суэца; пересмотреть соглашение 1935 года относительно Туниса при условии, что Тунис

¹ DBFP, vol. III, p. 513, 518, 525, 526.

² Ibid., p. 524.

³ СССР в борьбе за мир, с. 198.

⁴ См. Les événements, t. VII, P., 1951, p. 2051.

не будет превращен в „итальянскую судетскую область“».

То, что привез с собой Бодуэн, совершенно не удовлетворило Муссолини. Как только этот тайный эмиссар покинул Рим, газета «Товере» напечатала, что с Францией следует не переговоры вести, а «плевать ей в лицо»¹. Французскому правительству пришлось дезавуировать Бодуэна, заявив, что ему никто не поручал вести переговоры с правительством Италии.

Французских и британских руководителей ожидал новый «сюрприз». В начале февраля Муссолини выступил в палате депутатов с заявлением, которое он назвал «маршем к океану». В нем дуче начертал создание обширной итальянской империи, которая включает все Средиземноморье, огромную часть Африки и простирается от Атлантического до Индийского океана. Чемберлен, ошеломленный этими планами, 6 февраля заявил в палате общин, что «любая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, должна повлечь за собой немедленное сотрудничество Великобритании»².

И все же это заявление Чемберлена не исключало возможности нового Мюнхена западных держав с фашистскими государствами. «Чемберлен, несмотря на свои сегодняшние заявления в палате о солидарности с Францией, — писал Майский из Лондона, — психологически уже сейчас готов к Мюнхену № 2».

К такому Мюнхену были подготовлены Даладьё и Боннэ. Их отношение к Польше стало более чем прохладным. Более чем холодно в Париже был принят и румынский король, уехавший оттуда глубоко разочарованным и без всяких надежд на французскую поддержку. Тем самым Гитлеру давалось понять, что Франция потеряла интерес к государствам на востоке Европы.

15 марта 1939 г. фашистская Германия оккупировала Чехословакию и взяла под прицел Польшу.

3. АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ГАРАНТИИ ПОЛЬШЕ И РУМЫНИИ

Фашистская Германия, разделавшись с остатками чехословацкого буржуазного государства, сразу же нацелилась еще на двух союзниц Франции в Восточной Евро-

¹ Цит. по: *Ciano G. Op cit.*, p. 32—33, 18—19.

² Цит. по: СССР в борьбе за мир, с. 188.

пе — Польшу и Румынию. Правительство рейха еще 10 марта 1939 г. предъявило румынскому правительству ультиматум, подчинивший Румынию полному контролю Германии. 16 марта уполномоченный Гитлера Вольфат в угрожающем тоне повторил этот ультиматум. В нем заявлялось, что «если Румыния прекратит развитие своей индустрии и через известный, согласованный с немцами срок закроет часть ныне действующих промышленных предприятий, если, сверх того, Румыния согласится все 100 процентов своего экспорта направлять в Германию, то последняя готова гарантировать румынские границы»¹.

Так под прямым ударом оказалась судьба еще одной союзницы Франции. Гитлер стремился подчинить Румынию экономическому, военному и политическому контролю Германии. Французская дипломатия старалась даже «не заметить» этого. СССР, верный принципам своей внешней политики — защиты и оказания помощи народам, подвергающимся угрозам и нападению агрессоров, немедленно реагировал на гитлеровский ультиматум Румынии. Он предложил созвать по румынскому вопросу совещание заинтересованных государств в составе СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции. При этом Советское правительство считало, что лучше было бы созвать конференцию в самой Румынии, что «сразу укрепило бы ее положение»². Английское правительство, обсудив советское предложение, на следующий день, 19 марта, пришло «к выводу, что такой акт был бы преждевременным». Оно, как писал И. Майский, в качестве первого шага хотело «предложить нам, Франции и Польше опубликовать совместную декларацию в том смысле, что все названные державы заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы».

Правительство Чемберлена попыталось фактически помешать заинтересованным странам принять какие-либо действенные меры в защиту Румынии перед лицом гитлеровских домогательств. Такую же позицию, по существу, заняло и французское правительство. Это доказывает беседа министра иностранных дел Боннэ с польским и румынским представителями в Париже Татареску и Лукасевичем.

¹ Цит. по: СССР в борьбе за мир, с. 240—241, 245—246, 248.

² Там же, с. 246.

Посланник Татареску в ходе беседы «подчеркивал исключительную серьезность угрозы, нависшей над Румынией, и поставил вопрос о французской помощи». На это Боннэ ответил, «что Франция одна такой помощи оказать не сможет и что нужно выяснить позицию других заинтересованных стран, в том числе и СССР». Татареску сказал, что «в первую очередь следует повлиять на Польшу и Венгрию», а что касается СССР, то следует подойти к привлечению СССР с особой осторожностью. «Лично я не исключаю, — телеграфировал Майский, — что Боннэ, который далеко не в восторге от перспективы воевать за Румынию и который, вероятно, предпочел бы получить и от нас более уклончивый ответ, такими сообщениями намеренно пытается нас «охладить», усилив недоверие к Румынии»¹. Лукаевич был исключительно сдержан и все время напоминал, что обязательство Польши в отношении Румынии касается лишь случая войны с Советским Союзом.

Вместо того чтобы коллективно выступить в защиту государств, становившихся объектами гитлеровской агрессии, западные страны через свою печать стали распространять слухи о том, что СССР якобы предложил Польше и Румынии свою помощь в случае, если они сделаются жертвами агрессии. 22 марта было опубликовано сообщение ТАСС, в котором полностью опровергались вышеуказанные измышления. «Верно лишь то, — говорилось в сообщении, — что 18-го сего месяца британское правительство, уведолив Советское правительство, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции Советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот запрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению Советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительно положения и определения позиций всех его участников». Однако британское правительство сочло «это предложение преждевременным»².

Правители Англии и Франции не желали ставить на

¹ См. СССР в борьбе за мир, с. 257.

² Там же, с. 266.

пути «восточного направления» гитлеровской агрессии никаких преград, и она продолжала двигаться на восток. Объектами ее становились Польша и Литва. 22 марта Гитлер заставил Литву «уступить» Германии Мемель (Клайпеду), который уже до этого был оккупирован германскими войсками. Англия и Франция молчаливо согласились и с этим актом германской агрессии. «Гитлер выбрал такое время для присоединения Мемеля, — телеграфировал 23 марта своему правительству посол США в Варшаве Биддл, — чтобы дискредитировать и свети на нет дипломатические маневры Англии и Франции в Восточной и Центральной Европе, которые в связи с Мемелем, Чехословакией и другими случаями не оказали поддержки и оставили Варшаву равнодушной»¹.

21 марта 1939 г. Риббентроп пригласил к себе польского посла в Берлине Липского и предъявил Польше следующие требования: изменить статус-кво «свободного» города Данцига (Гданьска) и переуступить его рейху; предоставить Германии право построить железную дорогу и автостраду, пересекающие «польский коридор», и владеть ими на правах экстерриториальности; исправить германо-польскую границу в районе Ольденберга (это позволило бы немцам овладеть крупным польским железнодорожным узлом) и др.² Риббентроп утверждал, что германские требования «диктуются необходимостью дальнейшего укрепления и углубления германо-польского согласия», которое должно «демонстрировать антисоветские тенденции», и соображениями «общей германо-польской политики в отношении Советской Украины».

Антисоветская направленность германских требований к Польше произвела на польского посла нужное гитлеровцам впечатление. Липский, сообщая Беку о своей беседе с Риббентропом, в тот же день писал, что «немцы решили быстро реализовать свою программу на Востоке и поэтому хотят точно знать, какова будет позиция Польши»³.

В Лондоне расценили германские требования как стремление Германии обеспечить «свободный проход» своим войскам на восток через «польский коридор». Между Лондоном, Берлином и Варшавой начался оживлен-

¹ Diplomatic Papers 1939, vol I, p. 96.

² Les relations polono-allemandes et polono-soviétiques au cours de la période 1933—1939. Recueil de documents officiels. P., 1940, p. 88.

³ Ibid.

ный обмен мнениями по данному вопросу. 26 марта польское правительство через посла Липского сообщило свой ответ германскому правительству, который сводился к тому, что все «благоприятные условия», которых желает Германия для своего прохождения через коридор, будут ей предоставлены, но без права сооружения экстерриториальной дороги и возвращения немцам «свободного» города¹.

Французская дипломатия также поддержала эти антисоветские планы. Французский посол в Варшаве Ноль доносил в Париж, что при встрече в Берлине Риббентропа с Липским обсуждался вопрос «об отношениях Польши с СССР», что польский посол заверил германского министра в том, что «Польша... прилагает усилия к тому, чтобы более или менее сблизить, насколько это возможно, свою общую политику с политикой, проводимой Германией»².

В разгар этих событий, 21 марта, президент Французской Республики А. Лебрен в сопровождении Боннэ прибыл в Лондон, где в течение двух дней велись англо-французские переговоры по широкому кругу вопросов: отношения с Германией, испанский вопрос, состояние военно-воздушных сил Франции и др. Обе стороны старались всячески подчеркнуть, что еще никогда в прошлом не было столь популярным и тесным, как теперь, англо-французское «сердечное согласие».

Однако в ходе англо-французских переговоров встал вопрос о заключении союзного договора между Францией и Англией. В ответ на предложение Боннэ подписать такой договор Чемберлен промолчал. 23 марта во время торжественного обеда в королевском дворце в Виндзоре Боннэ еще раз поднял перед Чемберленом этот вопрос. Глава британского правительства улыбаясь ответил: «Этим утром я принял нескольких членов оппозиции. Они просили меня быть твердым, они отрицательно относятся к такому подписанию»³.

Анализ этих переговоров убедительно свидетельствует, что Чемберлен, Галифакс и Боннэ, прикрываясь фразами о «необходимости защиты мира» и «оказании сопротивления» планам Гитлера, в действительности занима-

¹ См. *Le livre jaune français*, p. 83—97.

² *Ibid.*, p. 99—100, 161.

³ Цит. по: **Bonnet G.** *Défense de la paix. Fin d'une Europe*, p. 163.

лись изысканием способа направить германскую агрессию в сторону СССР.

При обсуждении вопроса об отношении Англии и Франции к Германии Чемберлен и Боннэ сошлись на том, что их правительства будут продолжать поиски путей «умиротворения» Гитлера и на новом, послемартовском этапе развития событий в Европе¹. На этом же совещании англичане и французы договорились и о выдаче Испании фашистам². Министры обменялись мнениями о состоянии самолетостроения в Англии и Франции. Чемберлен гордился успехами Англии, которая произвела в сентябре 1938 года 250 самолетов, а в феврале 1939 года — 600. Боннэ, наоборот, жаловался на большие трудности, которые испытывает Франция в самолетостроении. Действительно, французская авиапромышленность в предвоенные годы сильно отставала.

Находясь в Лондоне, Боннэ всячески старался усилить капитулянтские настроения среди англичан. «...Он широко распространял среди журналистов и политиков мнение о том, что сближение с СССР затрудняется будто бы нашим требованием, — писал Майский, — обращенным к Англии и Франции, оказать нам «защиту» на Дальнем Востоке»³. Боннэ говорил своим английским собеседникам, что «такое необъятное расширение обязательств не может быть принято французским общественным мнением». Литвинов в беседе с Пайяром 29 марта, изобличая антисоветские вымыслы и действия французского министра иностранных дел, заявил, что «Боннэ в Лондоне убеждал англичан обещать помощь Польше, с тем чтобы не надо было привлекать к общему делу СССР»⁴.

В действительности обещание помощи Польше и Румынии делалось вовсе не для того, чтобы защитить их от немецкого нападения, а для того, чтобы «сторговаться» с Гитлером относительно второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши.

Чемберлен и другие сторонники достижения «согласия» с Гитлером стали создавать видимость поворота в политике Англии от сближения к сопротивлению. «По сведениям, циркулирующим в здешних дипломатических и политических кругах, — доносил посол в Англии Рачин-

¹ См. DBFP, vol. IV, p. 459—461.

² Ibid., p. 461—462.

³ СССР в борьбе за мир, с. 281.

⁴ Там же, с. 284.

ский 29 марта в Варшаву, — поворот в марте «соглашателей» * не является, однако, полным... Несмотря на решительный тон своих последних речей, премьер не свободен от сомнений по поводу того, наилучшим ли был способ для розыгрыша партии, начатой мюнхенским соглашением»¹.

Отражением этого мнимого поворота в политике Англии явилось обещание английского правительства предоставить военные гарантии Польше.

Выступая 31 марта 1939 г. в палате общин, Чемберлен заявил, что «в случае любой операции, которая явно будет угрожать независимости Польши.., правительство Его величества будет считать себя обязанным немедленно оказать польскому правительству поддержку, которая в его силах»². В тот же день Боннэ, пригласив к себе Сурица и сообщив ему о готовности Англии «гарантировать Польшу», начал «плести какую-то чепуху относительно сотрудничества с СССР»³. Боннэ утверждал, что Польша, даже получив гарантии, вряд ли подпишет декларацию четырех **, что Англия и Франция, по-видимому, уже «примирились» с этим, и вместе с тем он стал просить, чтобы полпред снова запросил наркома, какова будет позиция СССР, если Германия нападет на Польшу и Румынию. «Когда я выразил недоумение, — писал полпред, — о чем собственно я должен запрашивать после трехнедельной волынки, после того как мы уже достаточно ясно высказались и после того, как Лондон и Париж сейчас сами отказываются от своего первоначального проекта, Боннэ начал тянуть уже другую песенку. Еще неизвестно, откажется ли Польша; но если и откажется, то он жаждет сотрудничества с нами, но не знает только, в какой форме это лучше осуществить. Он был

* Н. Чемберлен и другие сторонники соглашения с Гитлером.

¹ Там же.

² СССР в борьбе за мир, с. 287.

³ СССР в борьбе за мир, с. 287.

** Речь идет о проекте декларации, врученном английским послом в Москве 21 марта 1939 г. наркому СССР, в котором предусматривалось, что Великобритания, СССР, Франция и Польша в случае действий, угрожающих миру и безопасности, обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям. СССР дал согласие подписать эту декларацию при условии подписания ее Францией и Польшей. Последняя отказалась подписать декларацию. Французское правительство тоже занялось проволочкой, а спустя три недели Англия и Франция отказались от своего первоначального проекта.

бы не прочь, чтобы эту форму подсказали мы, а закончил он беседу неожиданно: „Знаете, подождем завтрашнего дня”»¹.

В словах и действиях Боннэ было до предела позорного провокационного капитулянтства, и в течение трех недель он тянул с подписанием проекта декларации четырех, под самыми различными предложениями отказывался поставить под проектом свою подпись от имени французского правительства. Боннэ, как и в сентябрьские дни 1938 года, старался на первый план выпячивать «все трудности проекта»: позицию Польши, колебания Румынии и т. д. «Можно ли хотя бы на один момент усомниться — указывал Суриц, — что он в глубине души мечтает о скорейшем срыве всей этой английской затеи, перечеркивающей все, что он делал и над чем трудился в течение всего своего министерского стажа?»². О поведении при решении этого вопроса главы правительства Франции полпред заявил: «Возможно, что Даладьё смотрит на все это иначе, но лишь до первого кивка со стороны Берлина и особенно Рима». Если Муссолини предложит соглашение на приемлемых условиях, «он потеряет всякий интерес ко всякого рода декларациям»³.

Безусловно, Боннэ, запрашивая 31 марта правительство СССР о готовности прийти на помощь Польше и Румынии и полагая получить утвердительный ответ, рассчитывал использовать этот ответ, для того чтобы еще больше обострить отношения между Германией и Советским Союзом. Как раз в те самые дни Суриц сообщал из Парижа, что «лучшим исходом для мюнхенцев было бы втравить нас в войну с Германией»⁴.

Декларация Чемберлена о предоставлении Англией гарантий Польше и Румынии, вокруг которой на Западе был поднят большой шум, являлась всего-навсего дипломатическим маневром, а не выражением готовности английских консерваторов защищать эти государства от немецко-фашистской агрессии. «Можно допустить, — писал Майский в апреле 1939 года, — что неожиданной готовностью прийти на помощь Польше и Румынии Чемберлен подсказывает Гитлеру направление его агрессии на северо-восток. Чемберлен рассчитывает, что мы воспротивим-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 286.

² Там же, с. 279.

³ Там же, с. 280.

⁴ Там же, с. 279.

ся оккупации Прибалтики и что произойдет на этой почве советско-германское столкновение, о котором Чемберлен мечтает»¹. Гитлер и Муссолини при явном содействии правителей Англии, Франции и США извлекали из сложившейся ситуации максимум возможной выгоды. 27 марта они приобщили Франко к «антикоминтерновскому пакту», а в апреле завершили удушение Испанской Республики, навязав испанскому народу фашистский режим. 7 апреля итальянские войска вторглись и оккупировали Албанию. 11 апреля в Берлине был утвержден план нападения Германии на Польшу (план «Вайс»).

4. РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СРЫВЕ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ 1939 ГОДА

События, развернувшиеся в Европе весной 1939 года, вызвали во Франции новую волну тревоги. Очень многие французы открыто выражали беспокойство за судьбу своей страны. Авторитет правительства Даладье явно падал. Его дипломатия старалась создать у французов впечатление, что правительство Франции готово сотрудничать с СССР в деле сопротивления агрессору.

В начале апреля 1939 года на правительственном совещании Даладье заявил, что французская помощь Польше может быть оказана не в чем ином, как немедленном объявлении Францией войны Германии. Некоторые члены правительства предлагали предусмотреть создание коалиции четырех держав (Англия, Франция, СССР и Польша).

Министру иностранных дел в связи с этим был задан вопрос: «Нельзя ли вместо декларации о консультации заключить пакт четырех о взаимной помощи с конкретными военными обязательствами?» Даладье тут же подхватил этот вопрос и сказал, что он «с первого дня был такого же мнения, что он не сомневается в согласии на это СССР, но что он не уверен в Польше»². И на этот раз министр выдвинул в качестве «препятствия» к созданию антигитлеровской коалиции отрицательную позицию Польши.

Министры, принадлежавшие к правому крылу, поставили иной вопрос: «Нельзя ли обойтись без общего пак-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 280.

² Там же, с. 308.

та, а добиться той же цели путем параллельных пактов (Франция и Англия заключают пакты взаимопомощи с Польшей и Румынией, а последние — такие же пакты с СССР)». Здесь сквозило явное желание исключить СССР из системы обороны, без участия которого нельзя было остановить Гитлера. Более того, такое предложение не предусматривало никаких обязательств Англии и Франции прийти на помощь СССР, если он окажется в состоянии войны с Германией. В результате обсуждения Ж. Боннэ после предварительного согласования с Лондоном предложил начать зондаж перед Советским правительством по следующим трем направлениям: 1) франко-советский пакт пересматривается в том смысле, чтобы он действовал и при выполнении Францией ее союзных обязательств в отношении Польши и Румынии; 2) отношение правительства СССР к предполагаемому пакту четырех; 3) пакт взаимопомощи между СССР, Польшей и Румынией¹.

Через несколько дней, предварительно подробно проконсультировавшись по всем трем пунктам предложений с Форин оффис, Боннэ вступил в контакт по этому вопросу с полпредом СССР во Франции.

7 апреля с беседе с Сурицем Боннэ сказал, что обстановка все более обостряется и, по убеждению военных специалистов, Германия выступит в самом ближайшем будущем, что до решительного столкновения либо с СССР, либо с Францией она захватит Румынию и, возможно, часть Польши. «Лучшим средством противодействия была бы, конечно, организация коллективного отпора»². По его словам, в этом состоял смысл «инспирированной Францией» декларации от 21 марта, но проведение этого плана натолкнулось на противодействие Польши. На этот раз Боннэ предложил начать переговоры между СССР и Францией на предмет выяснения, какие меры должны быть приняты обеими сторонами в случае нападения Германии на Румынию и Польшу. При этом министр лишь мельком упомянул о советско-французском пакте о взаимной помощи.

Накануне премьер Даладье, по словам Сурица, «ругательски ругал Польшу» и «приписывал себе значительную роль в изменении английского курса в отношении

¹ См. СССР в борьбе за мир, с. 308.

² Там же, с. 311.

СССР». 8 апреля Сурица посетил генерал Гамелен и заявил ему, что он «считается с возможностью очередной войны», но и сейчас еще не поздно противопоставить Германии фронт «мирных стран». Генерал как бы вскользь бросил фразу, писал Суриц, что «поскольку Польша и Румыния являются германскими подступами к СССР, то у Москвы есть несомненная заинтересованность в усилении «воли к сопротивлению» и в безопасности этих стран»¹. Истинной целью посещения Гамеленом советского полпреда была его попытка выяснить позицию СССР в польском и румынском вопросах. 10 апреля состоялась новая беседа французского министра иностранных дел с полпредом, в ходе которой Боннэ, без всякого на то основания, пытался обвинить СССР в нежелании прийти на помощь Польше и Румынии. Французские «мюнхенцы» пытались любым способом втравить СССР в войну с Германией из-за указанных стран, а самим остаться в стороне. Вместе с тем они хотя и продолжали ставить главную ставку на достижение нового сговора Франции и Англии с Германией, однако не отказывались и от возможности воспользоваться помощью СССР в случае нападения Гитлера на Францию. «В такое время, — писал Суриц в Москву, — нельзя уже больше пренебрегать помощью, откуда бы она ни пришла»².

Это вызвало в Москве отрицательную реакцию, и полпреду Сурицу были направлены предельно четкие, обоснованные разъяснения. «Нам представляется, — писал в своем ответном письме Литвинов, — что Боннэ, так же как и Галифакс, время от времени разговаривает с Вами о политическом положении главным образом ради того, чтобы иметь возможность отвечать оппозиции, что он находится «в контакте и консультации с СССР». Боннэ так же мало склонен помогать Польше, Румынии или кому бы то ни было на востоке Европы, как в свое время Чехословакии, и разговорами с нами он еще преследует цель получения возможности говорить о нашем нежелании участвовать в помощи». Поэтому нарком рекомендовал полпреду давать Боннэ такие ответы, чтобы «он не мог, как в сентябрьские дни, ссылаться на них в оправдание собственной пассивной и капитулянтской позиции»³.

¹ Там же, с. 312—313.

² Там же, с. 318—320.

³ Там же, с. 321.

Нарком далее обращал внимание полпреда на то, что в разговорах англичан и французов в Москве после истории с проектом о совместной декларации 21 марта «не содержалось даже намек на какое-либо конкретное предложение или о каком-либо соглашении с СССР. Если расшифровать эти разговоры, то выясняется лишь желание Англии и Франции, не входя с нами ни в какие соглашения и не беря на себя никаких обязательств по отношению к нам, получить от нас какие-то обязывающие нас обещания»¹.

13 апреля Чемберлен огласил в палате общин декларацию правительства о предоставлении гарантий Греции и Румынии, в которой не было даже намек на необходимость организации коллективного отпора агрессору и от которой отдавало духом враждебности к СССР². В тот же день в Париже была оглашена декларация правительства Франции о гарантиях Греции, Румынии и Польше, в которой утверждалось, что французское правительство придает исключительно большое значение тому, «чтобы предотвратить навязанное силой или угрозой применения силы любое изменение статус-кво в Средиземном море и на Балканском полуострове»³. Здесь прежде всего было выражено стремление Франции защитить свои собственные интересы. Но при этом, связав в одной и той же декларации помощь, оказываемую ею Румынии и Польше, с английской гарантией Польше, Франция тем самым присоединялась вместе с Англией к польско-румынскому договору от 3 мая 1921 г., который был заключен открыто против РСФСР и касался бессарабского вопроса.

СССР продолжал действовать в целях организации дела коллективного отпора агрессору. 13 апреля Литвинов поручил Майскому заявить Галифаксу, что СССР «небезучастно относится к судьбе Румынии», и спросить его, «как Англия мыслит себе формы помощи ей как со стороны Англии, так и других заинтересованных держав, и что мы готовы принять участие в такой помощи»⁴. Галифакс 14 апреля, отвечая на запрос СССР, спросил, не считало ли бы Советское правительство возможным дать, как это сделали Англия и Франция в отношении Греции

¹ СССР в борьбе за мир, с. 321.

² См. DBFP, vol. V, p. 197.

³ Documents on International Affairs. 1939—1946, vol. I, p. 202.

⁴ СССР в борьбе за мир, с. 331.

и Румынии, «одновременную гарантию Польше и Румынии, а может быть, и некоторым другим государствам»¹. 15 апреля в Москве это предложение посол Сидс повторил Литвинову, то есть англичане снова стремились вынудить СССР выступить с односторонним заявлением.

Боннэ пытался в данном случае применить более гибкую тактику. 14 апреля он вручил в Париже Сурицу свое «конкретное предложение», которое гласило: «В случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если бы СССР оказался в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую он предоставил бы Польше или Румынии, Франция оказала бы ему немедленную помощь и поддержку. Оба правительства согласуют без промедления формы оказания этой помощи и примут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность»².

Боннэ признал, что он не считает свое предложение «идеальным», но стремится сделать все зависящее от Франции, чтобы обеспечить эффективное сотрудничество Франции с Советским Союзом. Ведя переговоры с СССР, французская и английская дипломатия разными ходами стремилась добиться одного и того же — связать обязательства СССР прийти на помощь им и их союзникам, не давая Советскому Союзу взамен решительно ничего.

16 апреля Литвинов принял Сидса и заявил, что Советское правительство не находит в его вчерашнем сообщении ответа на вопрос, поставленный Майским в Лондоне 14 апреля, а именно: как мыслит себе Англия свою собственную помощь, помощь СССР и других заинтересованных государств Польше и Румынии? «Прежде чем брать на себя формальные обязательства, — указывал Литвинов, — мы хотели бы точнее знать, о чем идет речь. Мы поэтому продолжаем ждать ответа от английского правительства на наши вопросы»³. Советское правительство, желая направить по эффективному руслу переговоры, разработало свой проект договора о взаимной помощи между Англией, Францией и СССР и 17 апреля вручило его Сидсу в Москве, а 18 апреля в Париже — Боннэ.

¹ СССР в борьбе за мир, с. 331.

² Там же, с. 332.

³ Там же, с. 335.

Советское правительство, считая предложение Франции * принципиально приемлемым и желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, попыталось объединить английское и французское предложения, развив их и дополнив в следующих тезисах.

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи»¹. Советский проект соглашения трех держав был основан на полном равенстве всех его участников, предусматривал самые полные и самые эффективные меры борьбы с агрессией; связывал в единое целое, что особенно важно в свете уроков прошлого, политические обязательства договаривающихся

* Имеется в виду предложение от 14 апреля 1939 г

¹ СССР в борьбе за мир, с. 336—337.

сторон с обязательствами их военной помощи друг другу, размеры и формы оказания которой должны были быть определены в специальной конвенции, подписанной одновременно с политическим договором.

Посол Сидс в беседе с Литвиновым 17 апреля сразу начал подкоп под советский проект соглашения. Отметив, что Советское правительство попыталось объединить французские и английские предложения в своем проекте, он сказал, что французских предложений уже больше не существует и осталось лишь одно английское предложение. (По поводу французского предложения Сидс сказал, что, как ему сообщил Пайяр, французы поддержали английское предложение¹.) Тогда Литвинов уточнил, что «тот же Пайяр нам заявил в связи с английским предложением, что его правительство, однако, не снимает своего собственного предложения». Посол, осекшись в этой своей попытке, стал задавать вопросы по отдельным пунктам советского пакта. Нарком дал послу соответствующие разъяснения по пунктам проекта соглашения.

18 апреля полпред СССР в Париже ознакомил французского министра иностранных дел с советским проектом соглашения трех держав. Интерес Боннэ, по словам Сурица, был прикован к пунктам первому и второму. «Во втором пункте его, видимо, смутило распространение гарантии на Балтику. Он не возражал против этого, но несколько раз переспрашивал, каких стран это касается». По словам полпреда, «на Боннэ наше предложение произвело огромное впечатление». 19 апреля нарком телеграфировал полпреду во Францию: «Во избежание недоразумений сообщаю, что во втором пункте мы имеем в виду Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу и Румынию». Советское правительство консультировалось по интересующим Турцию вопросам безопасности и с Анкарой².

Британское посольство в Москве информировало временного поверенного США в СССР А. Кэрка о том, что «переговоры с Литвиновым проходят удовлетворительно и что Советский Союз занял позицию исключительно широкого сотрудничества с Францией и Англией»³. На самом же деле англо-франко-советские переговоры по вине

¹ См. СССР в борьбе за мир, с. 335.

² Там же, с. 338—342.

³ Diplomatic Papers, vol. I, p. 240.

Парижа и Лондона шли неудовлетворительно. Париж и Лондон всячески тянули с ответом на советские предложения. Даладье и Чемберлен, по всей вероятности, ожидали очередную речь Гитлера, рассчитывая, что «авось опять запахнет миром и можно будет вернуться на мюнхенские позиции»¹.

23 апреля нарком СССР телеграфировал полпреду в Париж: «Все восемь пунктов наших предложений мы считаем органическими частями единого и неразрывного целого. Предложения в целом составляют минимум наших пожеланий. Хотели бы знать мнение французского и английского правительств на проект в целом». На следующий день Суриц телеграфировал из Парижа, что «текст нашего предложения еще не доведен до сведения членов кабинета. Никто из министров, кроме Боннэ и Даладье, проект не видел. Остальным в самой общей форме лишь сказано, что речь идет о военном союзе». Одновременно, писал полпред, о нашем проекте довольно хорошо осведомлены противные советско-французскому сотрудничеству элементы во Франции; польский посол в Париже ведет большую кампанию против сотрудничества с СССР; «мюнхенцы» еще далеко не разоружились и ведут всяческую подрывную деятельность против создания антигитлеровской коалиции в составе Англии, Франции и СССР².

25 апреля Боннэ в беседе с Сурицем заявил, что после «тщательного изучения» советского проекта и консультаций с другими заинтересованными сторонами он пришел к заключению, что «ввиду широты и сложности» проекта «вряд ли можно рассчитывать найти на его основе скорое решение, а между тем момент диктует необходимость принятия быстрых и срочных решений». Боннэ при этом сказал полпреду, что Сидс должен вручить Литвинову ответ, который воспроизводит лишь прежнее английское предложение об односторонней декларации. В связи с этим он предложил Лондону присоединиться к французскому предложению от 14 апреля. «Иначе говоря, — писал Суриц, — чтобы вместо предложенного им ранее двустороннего соглашения между Францией и СССР было заключено тройственное (Англия, Франция и СССР)».

В тот же день, 25 апреля, Боннэ прислал полпреду

¹ СССР в борьбе за мир, с. 343.

² Там же, с. 343—347.

проект, который не только не шел ни в какое сравнение с советским проектом соглашения с точки зрения установления эффективности борьбы против фашистской агрессии, но и сильно отличался в худшую сторону от прежнего французского предложения. «В случае, если бы Франция и Великобритания, — говорилось в этом проекте, — оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку»¹.

Это был односторонний и неравноправный проект соглашения. СССР должен был оказать обеим западным державам любую помощь, если они будут втянуты в войну с Германией, выполняя взятые на себя обязательства по сохранению статус-кво в Центральной и Восточной Европе, а СССР получал бы их помощь только в том случае, если он будет вовлечен в войну, помогая Англии и Франции выполнять взятые ими на себя обязательства. Если же СССР будет втянут в войну с Германией, выполняя аналогичные обязательства, которые он взял бы на себя в этом районе Европы, то Англия и Франция не брали на себя никаких обязательств прийти на помощь СССР. «Выходит так, — писал Суриц, — что, когда Франции и Англии заблагорассудится воевать с Германией из-за статус-кво в Европе, мы автоматически втягиваемся в войну на их стороне, а если мы по своей инициативе будем защищать тот же статус-кво, то это Англию и Францию ни к чему не обязывает»².

Несмотря на все это, советская дипломатия терпеливо и тщательно изучала эти предложения и контрпредложения, стараясь каждый раз найти то рациональное зерно, которое помогало бы продвигать вперед переговоры и завершить их положительным результатом. «В проекте го-

¹ СССР в борьбе за мир, т. 348—349.

² Там же, с. 351.

ворится, — писал нарком полпреду в Париж 26 апреля, — о статус-кво в Центральной или Восточной Европе. Уточнял ли Боннэ, хотя бы на словах, о каких странах идет речь и исключается ли в этом случае из Восточной Европы Прибалтика? Формулировка проекта является издевательской, но все же сообщите»¹.

Совершенно неудовлетворительный проект соглашения, представленный Боннэ 25 апреля, безусловно отражал настроения его авторов и политическую атмосферу, царившую в те дни во французской столице. «Сейчас, во всяком случае, — писал Суриц Литвинову, — дело похоже на то, что весь шум и вся канитель, поднятые вокруг «сотрудничества» с нами, окончатся обычным блефом. Боннэ и Чемберлен, которые, конечно, никогда всерьез этого «сотрудничества» не желали, будут, естественно, стараться возложить всю ответственность за провал на нас. Это для них может быть облегчено и туманом и тайной, которыми окружены переговоры. Никто из широкой публики толком не знает, о чем идет речь»².

Английская и французская дипломатия, скрывая от общественности истинное положение, создавшееся по их вине в ходе англо-франко-советских переговоров, в то же время снабжала Берлин информацией. Германский поверенный в делах в Лондоне Т. Кордт, сообщая своему правительству о том, что в самое ближайшее время британское правительство через посла Сидса даст ответ Советскому правительству на его контрпредложения от 18 апреля, писал: «В своей главной части нота отклоняет предложенный Советской Россией трехсторонний пакт об оказании взаимной помощи между Англией, Францией и Советской Россией». В той же телеграмме германского дипломата содержалась точная оценка позиции Англии, Франции, Польши и Румынии, которую эти государства занимали в переговорах с Советским Союзом³. Показательно, что в Москве не знали, когда и какой ответ даст британское правительство на советские предложения от 17 апреля. А Берлин уже был хорошо осведомлен по этому вопросу. «Сидс до сих пор ко мне не являлся и никакого ответа своего правительства не дает, — писал Литвинов Сурицу 27 апреля. — Надо ли понимать, что проект

¹ СССР в борьбе за мир, с. 350.

² Там же, с. 351.

³ См. ADAP, Bd. VI, S. 279—280.

соглашения трех, переданный Вам Боннэ, согласован с Англией, которая таким образом снимает свои прежние предложения? Срочно сообщите, не запрашивая Боннэ»¹. Но Боннэ, по словам Сурица, сам пригласил его к себе утром 29 апреля, и в ходе их беседы произошел довольно курьезный случай.

Министр начал с вопроса, имеет ли полпред что-нибудь из Москвы по поводу его предложения о «соглашении трех». Суриц ответил отрицательно. Тогда Боннэ сказал, что «находится все время в переговорах с англичанами, но что до сих пор еще не добился согласования». А до этого он говорил Сурицу, что этот свой проект он согласовал с Лондоном.

Затем, когда Боннэ, «уточняя» свое предложение, вновь сказал, что оно является лишь повторением его первого предложения *, с той лишь разницей, что из двойственного оно превращается в тройственное, Суриц заметил, что «это не совсем так». Тогда Боннэ начал сличать текст и, даже разыграв «некоторое смущение, обещал в тот же день прислать правленную им самим редакцию». 29 апреля Боннэ прислал исправленный текст проекта соглашения, в котором была устранена «издевательская» формулировка, но не изменен его неудовлетворительный характер с точки зрения задач, которые предстояло решить державам — участницам данного соглашения.

Действие предлагаемого французским правительством соглашения трех держав не распространялось на Прибалтику. Боннэ и Чемберлен намеревались оставить «прибалтийские ворота открытыми» для гитлеровского вторжения в пределы СССР.

Тем временем угроза гитлеровского нападения на Польшу с каждым днем усиливалась.

Ответственный сотрудник бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейст в доверительном порядке сообщил одному из журналистов, что «завершение подготовки к войне Германии против Польши приурочено к июлю — августу 1939 года». «...Конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок слошим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за

¹ СССР в борьбе за мир, с. 355.

* Имеется в виду предложение от 14 апреля 1939 г.

своей линией Мажино, на этом дело и кончится»¹. Удивительно точно говорил Клейст о том, как поступят западные державы в случае войны фашистской Германии против Польши!

Только 3 мая Сидс сообщил Литвинову, что британское правительство изучает советское предложение, не считая это дело достаточно важным.

4 мая Галифакс в беседе с Корбеном клонил к тому, чтобы французское правительство отказалось от своего проекта от 25 апреля. Мотивировал он это тем, что тройственное соглашение с участием СССР даже в том урезанном виде, в каком его предлагает Боннэ, способно «вызвать и усилить осложнения в Европе». «Он по-прежнему предлагал ограничиться лишь «параллельными» акциями путем односторонних деклараций»².

8 мая Сидс посетил наркома иностранных дел СССР и вручил ему предложение своего правительства, чтобы Советское правительство «по собственной инициативе» огласило декларацию о том, что оно «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленно содействие, если оно будет желательным, причем род и условия, в которых предоставлялось бы это содействие, служили бы предметом соглашения». Данное предложение являлось повторением прежних предложений англичан и было согласовано с французским правительством. Оценивая вышеуказанное англо-французское предложение, нарком писал 8 мая полпредам СССР в Париж и Лондон: «Как Вы видите, англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь»³.

Суриц в ответном донесении наркому указывал: «Вы правы, что по содержанию английское предложение мало чем отличается от первого проекта французов, но оно еще хуже по форме... Оно автоматически втягивает нас в войну с Германией, когда Англии и Франции заблагорассудится воевать с Германией из-за обязательств, данных ими без нашего согласия и без согласования с нами».

Майский в своем донесении в Наркоминдел указывал, что представление Сидсом вышеуказанного проекта

¹ СССР в борьбе за мир, с. 364.

² Там же, с. 366, 376.

³ Там же, с. 383.

Москве объясняется тем, что за последние десять дней после речи Гитлера * здесь вновь подняли головы «умиротворители», о чем свидетельствует ведущаяся в «Таймс» большая кампания за то, чтобы сделать «еще одну попытку» договориться с Германией и Италией¹.

В своем письме от 10 мая в Москву Майский еще раз подчеркнул, что «самым важным проявлением рецидива «умиротворения» был ответ британского правительства на наши предложения, врученный Вам Сидсом 8 мая»². Подняли головы и «мюнхенцы», и гитлеровские агенты во Франции. П.-Э. Фланден открыто проповедовал поражение и призывы французов к капитуляции перед Гитлером. Некий Стефан Лозанни предлагал «уступить Гитлеру весь польский коридор», чтобы предоставить Германии возможность двигать войска против СССР. Буллит в своем письме Хэллу от 10 мая 1939 г. сообщал, что Боннэ и Фиппс ожидают, что «в конечном счете Германия и Италия будут вынуждены вести переговоры»³. Вопреки всевозможным маневрам Даладье, Боннэ и Чемберлена, СССР продолжал добиваться создания антигитлеровской коалиции. Советское правительство 14 мая в ответ на британский проект от 8 мая указало, что английские предложения «не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение». «Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, — говорилось в этом ответе, — могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза»⁴. Советское правительство полагало, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы, по крайней мере, три следующих условия: «1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии; 2. Гарантирование

¹ Там же, с. 384—386.

* Имеется в виду речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля, в которой он наряду с угрозами в адрес западных держав заявил о желании установить «дружественные отношения с Англией», если с ее стороны будет проявлено известное понимание интересов Германии.

² Там же, с. 387.

³ Diplomatic Papers, vol. I, p. 184.

⁴ СССР в борьбе за мир, с. 395.

со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию; 3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения. — С. Ст.) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»¹. 15 мая это предложение было передано полпредом СССР французскому министру иностранных дел. Боннэ в ответ заявил, что он не имеет возражений ни против первого, ни против третьего пунктов. «„Стесняет” его лишь второе условие: распространение гарантии на Прибалтийские страны. Но, во всяком случае, — писал Суриц, — он от окончательной оценки пока воздерживается. Он должен переговорить с Даладье, а также „узнать и реакцию Лондона”»².

Пока шло длительное согласование точек зрения Парижа и Лондона по поводу «трех условий СССР», член английского парламента консерватор Друммонд-Вольф вел в Берлине переговоры с Вольтатом и другими германскими официальными представителями о предоставлении Германии займа, который помог бы ей преодолеть финансовые трудности. Галифакс предлагал германскому послу в Лондоне Дирксену заключить «перемирие» между печатью Англии и Германии³.

На востоке сгущались тучи. Япония готовилась к нападению на Монгольскую Народную Республику. 23 мая Гитлер утвердил следующую принципиальную установку относительно Польши: «Столкновение с Польшей, начиная с нападения на нее, может увенчаться успехом только в том случае, если Запад будет исключен из агрессии»⁴.

СССР предлагал действенные меры предотвращения надвигавшейся войны, предупреждая западные державы об усилившейся опасности войны для них самих. 21 мая Сидс и Пайяр нанесли визит наркому СССР и вручили ему, каждый от своего правительства, один и тот же проект соглашения трех держав, в котором полностью сохранился принцип неравноправия СССР, сама взаимная по-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 395.

² Там же, с. 399.

³ См. DBFP, vol. V, p. 603.

⁴ ADAP, Bd. VI, S. 483.

мощь друг другу ставилась в полную зависимость от Лиги наций и ее процедуры.

Нарком СССР, ознакомившись с англо-французским проектом, сказал, что этот проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Нарком далее обратил внимание послов на то, что англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. «Возможно,— подчеркивал нарком,— что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны»¹.

СССР, стремясь предотвратить надвигающуюся войну, 2 июня представил новый проект соглашения трех держав, в котором развивались три условия его проекта от 14 мая. Статья 1 четко определяла, при каких обстоятельствах Англия, Франция и СССР оказывают друг другу на равноправных условиях взаимную помощь. В данной статье указывалось, что три договаривающиеся державы оказывают помощь в случае агрессии какой-либо европейской державы следующим странам: Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польше, Латвии, Эстонии, Финляндии. Предусматривалось также, что три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1. «Настоящий договор,— гласила ст. 6,— вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2». В этом проекте правительство СССР, учитывая желание своих французских и британских партнеров по переговорам, предложило расширить список стран, которым Англия, Франция и СССР окажут помощь в случае агрессии. Оно указало, что три договаривающиеся державы, стремясь придать эффективность принятым Лигой наций принципам взаимопомощи против агрессии, заключат между собой тройственный пакт. Вместе с тем в ст. 3 проекта правительство СССР указало, что три государства сами решат в силу создавшейся обстановки «момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его

¹ СССР в борьбе за мир, с. 418.

применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций»¹. Проект СССР предусматривал самую эффективную организацию сопротивления агрессорам и учитывал целесообразные моменты в предложениях Англии и Франции.

Однако этот проект не удовлетворил западных партнеров СССР по переговорам. 3 июня Даладье в беседе с Сурицем указал, что в результате парижских совещаний выработан новый франко-английский проект от 27 мая, и пытался его защищать². Он, в частности, оправдывал нежелание англичан предоставлять гарантии Прибалтийским странам. Что касается советского проекта от 2 июня, то Даладье лишь бегло и частично ознакомился с ним, а это означало, что инициатива в переговорах полностью переходит к Чемберлену и Галифаксу. К 8 июня они сформулировали новый ответ на советский проект от 2 июня, в котором отразилось их явное желание оставить вопрос о Прибалтийских странах открытым. Нарком 2 июня телеграфировал в Лондон полпреду СССР: «Во избежание недоразумений считаем нужным предупредить, что вопрос о трех Прибалтийских государствах является теперь тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры. Мы считаем, что без обеспечения безопасности северо-западных границ СССР путем решительного противодействия трех договаривающихся сторон прямому или косвенному нападению агрессора на Эстонию, Латвию или Финляндию невозможно будет удовлетворить общественное мнение Советского Союза, особенно после того, как подобная позиция Советского правительства получила торжественное утверждение Верховного Совета страны»³. Отныне вопрос о гарантии безопасности Прибалтийских стран являлся камнем преткновения всех переговоров в целом. Его решение саботировали в Лондоне и в Париже.

Вопрос о гарантии безопасности Прибалтийских государств остался нерешенным до конца англо-франко-советских переговоров. А между тем фашистская Германия именно в этом районе в тот момент проявила наибольшую военную и другую активность. «На Таллинский рейд при-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 432.

² Там же, с. 433—434.

³ Там же, с. 443.

был немецкий крейсер, — доносил полпред СССР в Эстонии 13 июля. — Команда крейсера в городе»¹. Это лишь один случай из множества.

Французские «мюнхенцы», как и их английские партнеры, в ожидании нападения Германии на СССР в тайне от последнего осуществляли интенсивные контакты с гитлеровским правительством: англичане вели тайные переговоры с Гитлером, французы вступили с рейхом в прямую переписку.

Риббентроп в письме от 13 июля напомнил французскому министру Боннэ о том, что во время их парижской встречи в декабре 1938 года «Боннэ по меньшей мере не возражал против признания Восточной Европы в качестве сферы германских интересов»². Но если Франция хочет войны, грозил Риббентроп, то «она в любое время найдет Германию в полной готовности»³.

Представители британского правительства Р. Хадсон и Г. Вильсон в ходе тайных переговоров с эмиссаром Гитлера Х. Вольтатом обсуждали возможности разрешения противоречий своих стран за счет Китая и России⁴. Сам Чемберлен делал «отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польше»⁵. Парламентский советник лейбористской партии Р. Бакстон уверял советника германского посольства Т. Кордта, что, если бы было достигнуто англо-германское соглашение, «Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы»⁶.

Это было истинной целью Чемберлена и его сообщников, а что касается переговоров Лондона и Парижа с Москвой, то они им отводили второстепенную роль. «Здесь (в Лондоне. — С. Ст.) преобладало впечатление, — писал Дирксен 3 августа 1938 г., — что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного при-

¹ Там же, с. 488, 492.

² ADAP, Bd. VI, S. 771—772.

³ Ibid., S. 773.

⁴ См. Документы и материалы, т. II, с. 70—71.

⁵ СССР в борьбе за мир, с. 504.

⁶ Документы и материалы, т. II, с. 219.

мирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»¹.

На такой же позиции полностью стояло и французское правительство. Боннэ, в расчете на новый Мюнхен, уже тогда предлагал аннулировать франко-польский союз. По его заданию между Парижем и Лондоном сновали агенты Бринон, Скопини, де Мондзи и др., осуществлявшие прямую связь между Боннэ и гитлеровским правительством, пытаясь навести мост к заключению соглашения с Германией.

Советская дипломатия поняла истинные намерения своих английских и французских партнеров по переговорам о тройственном пакте и соответствующим образом реагировала на них. «Правильность нашей позиции в переговорах стала для всех особенно явственной, — писал полпред СССР во Франции 25 июля, — в свете переговоров Хадсон — Вольтат и капитулянтского англо-японского соглашения *. Среди французов оба эти факта вызвали необычайную тревогу, заглушаемую в прессе дирижерской палочкой сверху. Всякий честный сторонник соглашения с нами спрашивает себя, какое доверие Москва может иметь к переговорщикам, когда в момент переговоров наводится мост к соглашению с Германией, а во время военного конфликта между СССР и Японией делаются позорные авансы Японии»².

Тем временем фашистская Германия подготавливала военный удар по Польше. Французская и английская общественность, как и общественность многих других зарубежных стран, была сильно встревожена этим динамизмом Гитлера и саботированием Чемберленом и Даладье московских переговоров трех держав. При таких обстоятельствах правительства Франции и Англии решили направить свои военные миссии для переговоров в Москву, пытаясь обмануть общественное мнение тем, что они якобы хотят довести до успешного завершения дело заключения тройственного пакта между СССР, Францией и Англией. Состав военных миссий был укомплектован из почти никому не известных, второстепенных и треть-

¹ СССР в борьбе за мир, с. 142.

* Соглашение Арита — Крейги 22 июля 1939 г., по которому Англия брала на себя обязательства не мешать японским вооруженным силам осуществлять цели империалистов в Японии и Китае.

² Там же, с. 516.

степенных военных представителей. Английскую миссию возглавлял адмирал Дракс, а французскую — генерал Думенк.

Главы военных миссий не были наделены соответствующими полномочиями*, а Дракс — в буквальном смысле слова никакими полномочиями, чтобы разработать и подписать военную конвенцию с Советским правительством. Не удивительно, что и военные переговоры по вине англичан и французов закончились неудачей.

Ход и исход всех переговоров Англии и Франции с Советским Союзом убедительно подтвердили, что правительства Англии и Франции не желали заключения тройственного союза с СССР. Французское и английское правительства рассчитывали на новый сговор с Гитлером за спиной Советского Союза. Но Гитлер на этот раз отказался пойти на новую сделку с западными державами и нацелил свои армии на союзную им Польшу.

Полное банкротство мюнхенского курса политики правительств Даладье и Чемберлена становилось очевидным. Во Франции создавалась гнетущая атмосфера. Страна перед лицом надвигавшейся войны осталась без союзников. «Сердечное согласие» было слишком далеким от того, чтобы превратиться в «военную солидарность» между Францией и Англией.

В Париже открыто действовала «пятая колонна» на деньги Гитлера, сея смуту и панику. В распоряжении гитлеровских агентов во Франции находилось до 3 тыс. подпольных радиостанций, используемых ими для шпионажа в пользу Германии. Все, что говорилось на самых секретных правительственных и парламентских совещаниях, почти немедленно становилось достоянием германских и итальянских разведывательных служб. Дело дошло до того, что на заседании Высшего совета обороны генерал Гамелен в присутствии министра иностранных дел Боннэ не решился назвать «слабые стороны» готовности французской армии сражаться с неприятелем. Когда спустя некоторое время Гамелен напомнил об этом премьеру Даладье, последний в ответ сказал: «Вы хорошо сделали. Если бы вы их изложили, немцы о них знали бы на следующий день»¹. Капитулянтство проникало все шире и глубже во французские политические сферы. Марсель

* Думенк был уполномочен лишь вести переговоры.

¹ Gamelin M. *Servir. Les armées françaises de 1940*. P., 1946, p. 24.

Деа публично заявил: «Мы не хотим умирать за Данциг».

Сам Даладьё, особенно в последние дни августа, изо всех сил призывал Гитлера к мирному решению германопольского спора. Французское правительство шло на встречу планам Гитлера, предусматривавшим уничтожение Польши, уверяя его в том, что «оно не преминет дать советы благоразумия и умеренности польскому правительству».

Даладьё, взывая к «миролюбию» канцлера Германии, писал ему: «Судьба мира целиком находится в Ваших руках». Когда французский посол в Берлине Кулондр 26 августа вручил очередное капитулянтское послание министра Франции Даладьё Гитлеру, последний, пробежав по нему глазами, заявил: «Дела зашли в настоящее время слишком далеко»¹. Кулондр в тот же день прислал телеграмму Даладьё, в которой говорилось: «Канцлер не принял вашего предложения»².

Напряженность в Европе достигла своего апогея. Менее чем через неделю грянула вторая мировая война, связанная Гитлером под «умиротворительные» призывы Чемберлена и Даладьё. Франция вступила в нее абсолютно неподготовленной и без союзников. Историческую ответственность за это несет французская реакционная буржуазия и дипломатия, выполнявшая ее социальный заказ.

¹ Цит. по: **Coulondre R.** De Staline à Hitler (Souvenirs). P., 1950, p. 290.

² Ibid., p. 291.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Весной 1936 года с приходом к власти во Франции Народного фронта, принятием парламентом страны ряда чрезвычайно важных социальных законов и их реализацией Франция встала на путь народно-демократического развития: политического, экономического, социального и культурного обновления. Строителем новой Франции выступал рабочий класс во главе со своим боевым авангардом Коммунистической партией. ФКП в июле 1936 года обратилась с призывом к народу: «Вперед, за свободную, сильную и счастливую Францию!» Народные массы — рабочий класс и большая часть средних слоев — активно включились в реализацию программы Народного фронта, обнародованной еще в январе 1936 года и предусматривавшей защиту свободы, мира и предоставление ряда социально-экономических прав трудящимся. Успех продвижения Франции по пути социального прогресса зависел как от внутренних факторов — менявшегося соотношения классовых сил в пользу трудящихся масс, так и от осуществления Францией подлинно национальной и демократической внешней политики. Внешнеполитическая часть программы Народного фронта предусматривала международное сотрудничество в рамках Лиги наций, организацию коллективной безопасности, применение санкций в случае агрессии, распространение, в особенности в Восточной и Центральной Европе, системы пактов, открытых для всех, согласно принципам франко-советского договора.

Вокруг вопроса о реализации программы Народного фронта по всей Франции развернулась острая политическая борьба между революционно-прогрессивными и реакционными силами. В области внешней политики столкнулись две противоположные тенденции: демократическая, отражавшая стремление французского народа к свободе, миру и укреплению национальной независимости своей страны, и реакционная, отражавшая узкоклассовые интересы монополий, правобуржуазных политических партий и группировок, фашистских и других антинародных и антидемократических элементов. Эта пестрая по составу, но единая в своих стремлениях коалиция

блокировала реализацию мероприятий, предложенных Народным фронтом в области внешней политики. Она с большим упорством выступала против расширения и укрепления сотрудничества Франции с Советским Союзом и ее другими восточными союзниками. Она решительно стояла против действенной, способной пресечь агрессию коллективной безопасности, против укрепления демократических сил на европейской и мировой арене, рассматривая все это как факторы упрочения позиций Народного фронта внутри страны и угрозу капиталистическим интересам. В условиях широкого наступления народных масс на позиции монополий французская буржуазная реакция стала объединять свои силы под лозунгом: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт»¹. Предательство национальных интересов, боязнь своего народа толкнули влиятельные реакционные силы французского капитала к достижению «согласия» с Гитлером и Муссолини.

«Франция должна сделать выбор, — указывала в то время ФКП. — Сделать выбор, хотя бы этого или нет, между фронтом мира и фронтом войны — это значит сделать выбор между демократией и фашизмом»². Французская реакция, сделав выбор в пользу фашизма, навязала правительству Л. Блюма, пришедшему к власти в июне 1936 года, антидемократический и антинациональный курс внешней политики. Руководившие правительством правые социалисты и радикалы Л. Блюм, В. Ориоль, К. Шотан, Э. Даладьё, И. Дельбос и др. — одни колеблясь, другие без всяких колебаний — отвергли программу Народного фронта, стали проводить курс, противоречивший интересам французского народа, его стремлению к миру и безопасности.

Правительство Блюма отказалось пойти на укрепление и расширение взаимовыгодного и многостороннего сотрудничества с Советским Союзом, предусмотренного пактом о взаимной помощи от 2 мая 1935 г.; оно отвергло предложение правительств Чехословакии, Румынии и Югославии о заключении военно-политического договора между Францией и Малой Антантой, опасаясь, что это могло бы помешать его переговорам с фашистским правительством Германии. Оно провозгласило «краеугольным камнем» своей внешней политики англо-французскую дружбу и в самом тесном сотрудничестве с консервативным правительством С. Болдуина добилось аннулирования Лигой наций 1 июля 1936 г. санкций, наложенных ею на фашистскую Италию в октябре 1935 года за агрессию против Эфиопии; разработало и проводило в жизнь в условиях фашистского мятежа и итало-германской интервенции политику «невмешательства», блокировавшую Испанскую Республику и помогавшую фаши-

¹ Histoire du Parti communiste français. Manuel. P., 1963, p. 348.

² Thorez M. Oeuvres, t. XIV, p. 255—256.

стам душить свободу и демократию в Испании. Оно упорно, но тщетно пыталось, идя на уступки Гитлеру и Муссолини, достичь соглашения с Германией и Италией. Глубокие противоречия, разделявшие интересы капиталистических монополий этих государств, гитлеровские планы уничтожения независимости Франции мешали достижению этого сговора. И все же правительства К. Шотана и Э. Даладьё упорно продолжали его добиваться.

Политика французских правительств в Центральной и Восточной Европе способствовала ослаблению, а затем и развалу Малой Антанты, переориентации Югославии, Румынии и Польши на фашистскую Германию и позволила Гитлеру захватить Австрию* в марте 1938 года. В отношении Испании французские правительства в 1938—1939 годах последовательно проводили политику «невмешательства» вплоть до выдачи Испании фашистам. Четвертый кабинет Даладьё, в котором пост министра иностранных дел занимал Ж. Боннэ, помог генералу Франко покончить с испанской демократией, выдал в Мюнхене Гитлеру Чехословакию за его обязательство развязать войну против СССР. В предвидении этой войны Даладьё фактически аннулировал своей подписью под мюнхенским соглашением в сентябре 1938 года советско-французский пакт о взаимной помощи, а министр иностранных дел Боннэ подписал вместе с Риббентропом в декабре 1938 года франко-германскую декларацию, предоставлявшую фашистской Германии «свободу рук» в Восточной Европе.

В условиях возникшего весной и летом 1939 года политического кризиса в Европе правительство Даладьё в тесном сотрудничестве с правительством Н. Чемберлена, а также проверяя и корректируя свои действия в контактах с влиятельными кругами США, проводило мюнхенский политический курс, маскируя его и видоизменяя его формы. Вместе с английским правительством оно предоставило гарантии Польше, Румынии и Турции, пошло на политические и военные переговоры с Советским Союзом в марте—августе 1939 года. Но Даладьё, Боннэ, Чемберлен, рассматривая эти переговоры как «резервное средство» и стремясь путем других тайных «переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией»¹, привели московские переговоры к неудаче. Французские, как и английские руководители отказались от выработки и заключения политического тройственного договора и военной конвенции с Советским Союзом. По

* В апреле 1938 года Даладьё на переговорах с британскими руководителями в Лондоне вынужден был констатировать, что «Франция и Англия в течение длительного времени заявляли, что они гарантируют ее (Австрии) независимость... тем не менее Австрия уничтожена Гитлером» (DDF, t. IX, p. 579).

¹ Документы и материалы. Т. II, с. 206.

вине французского и английского правительств не была создана мощная антигитлеровская коалиция трех великих держав. «Ярый антисоветизм Лондона и Парижа воспрепятствовал успеху организации коллективной защиты против агрессивной политики гитлеровской Германии»¹.

1 сентября 1939 г. грянула вторая мировая война. Полностью обанкротились мюнхенская политика и ее творцы. Но последние еще не сдавались, пытаясь достичь своей цели в «странной войне». Тогда последовала страшная катастрофа. Принявшая на себя удар гитлеровской военной машины и полчищ Муссолини, Франция летом 1940 года капитулировала.

«В результате измены руководящих слоев, враждебных народу и демократии, — указывал М. Торез, — Франция была ввергнута в пропасть жестоких страданий и тяжелого унижения»². Советскому Союзу, против которого было направлено острие мюнхенского курса политики английского и французского империализма, пришлось предпринять огромные усилия, чтобы отвести удар фашистской Германии. Среди таких чрезвычайных мер был и советско-германский договор о ненападении, который, по определению Л. И. Брежнева, «обеспечивал нам необходимую передышку, давал время для укрепления обороноспособности страны»³.

Внешняя политика правящих кругов Франции накануне второй мировой войны была выражением страха реакционных сил французского монополистического капитала перед народом Франции и преступного попустительства по отношению к силам внутреннего и внешнего фашизма. Эта реакционная политика привела к кризису Народного фронта внутри страны, срыву системы коллективной безопасности и развязыванию германским фашизмом второй мировой войны, в ходе которой Франция потерпела поражение.

¹ Histoire du Parti communiste français. Manuel, p. 364.

² Торез М. Избранные произведения, т. I, с. 544.

³ Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, с. 12.

БИБЛИОГРАФИЯ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. и Энгельс Ф. Письмо Комитету социал-демократической рабочей партии. Соч., т. 17.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Война и революция. Полн. собр. соч., т. 32.

Ленин В. И. Мы заплатили слишком дорого. Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. О международной политике и международном праве. М., 1958.

Документы КПСС. Труды руководителей КПСС и ФКП

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.

Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1974.

Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1—7. М., 1970—1979.

Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. Изд. 2-е, доп. М., 1977.

Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978.

Калинин М. И. О международном положении. М., 1938.

Бонт Ф. Германский милитаризм и Франция. М., 1961.

Дюкло Ж. Избранные произведения, т. 1—2. М., 1959.

Торез М. Единый народный фронт во Франции. М., 1935.

Торез М. Избранные произведения, т. 1—2. М., 1959.

Торез М. Современная Франция и Народный фронт. М., 1937.

Торез М. Сын народа. Автобиография. М., 1960.

Thorez M. Oeuvres. T. 1—XVIII. P., 1950—1958.

Источники

Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV (1935—1941). М., 1946.

Документы внешней политики СССР

т. XVIII (1 января — 31 декабря 1935 г.). М., 1973;

т. XIX (1 января — 31 декабря 1936 г.). М., 1974;

т. XX (1 января — 31 декабря 1937 г.). М., 1976;

т. XXI (1 января — 31 декабря 1938 г.). М., 1977.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.

Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I (ноябрь 1937—1938 гг.). Из архива министерства иностранных дел Германии. М., 1948; т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.). М., 1948.

Документы министерства иностранных дел Германии. Вып. III. Германская политика и Испания (1931—1943). М., 1946.

Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979.

Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов, т. I—VII. М., 1957—1961.

Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Документы и материалы. М., 1959.

Annales de la Chambre des députés. Débats parlementaires Sessions ordinaires de 1936.

T. I. Du 14 janv. au 20 mars 1936, 1937.

T. II. Du 1 juin au 17 juil. 1936, 1937. Session extraordinaire de 1936.

T. Unique, part. I. Du 4 jan. au 17 déc. 1936, 1937. Session extraordinaire de 1937.

T. I. part I. Du 12 janv. au févr. 1937. Session extraordinaire de 1937.

T. Unique, part II. Du 16 nov. au déc. 1937, 1938. Session ordinaire de 1938.

T. I. part I. Du 11 jan. au 25 févr. 1938, 1939.

T. I. part II. Du 26 févr. au 13 avr. 1938, 1939. Session extraordinaire de 1938.

T. Unique. Du 4 au 5 oct. et du 8 au 31 déc. 1938, 1939. Session ordinaire de 1939.

T. I. part I. Du 10 jan. au 17 févr. 1939, 1940.

T. I. part II. Du 23 févr. au 31 mars 1939, 1940.

T. II. Du 11 mai au 27 juin 1939, 1941. Session extraordinaire de 1939.

T. Unique. Du 2 sept. et du 3 nov. au 30 déc. 1939, 1941. Annales du sénat. Débats parlementaires.

T. CXXIV, part I. Du 14 jan. au 10 juil. 1936, 1937.

T. CXXVIII. Du 11 janv. au 17 juin 1938, 1939.

Documents diplomatiques français. 1932—1939 2-e série (1936—1939)

T. I (1 janv. — 31 mars 1936). P., 1963.

T. II (1 avr. — 18 juil. 1936). P., 1964.

T. III (19 juil. — 19 nov. 1936). P., 1966.

T. IV (19 nov. 1936 — 19 févr. 1937). P., 1967.

T. V (20 févr. — 31 mai 1937). P., 1968.

T. VI (1 juin — 20 sept. 1937). P., 1970.

T. VII (29 sept. 1937 — 16 jan. 1938). P., 1972.

T. VIII (17 janv. — 20 mars 1938). P., 1973.

T. IX (21 mars — 9 juin 1938). P., 1974.

T. X (10 juin — 2 sept. 1938). P., 1976.

T. XI (3 sept. — 2 oct. 1938). P., 1977.

Le livre jaune français. Ministres des Affaires étrangères. Documents diplomatiques, 1938—1939. P., 1940.

Les événements survenu en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Charles Serre. Député au Nom de la Commission d'Enquête, t. II. P., 1951.

Les événements survenu en France de 1933 à 1945. Temoignages et documents recueillis par la Commission d'Enquête parlementaire, t. I—IX. P., 1951.

Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse

Vol. I. De Nourath à Ribbentrop (sept. 1937 — sept. 1938). P., 1950.

Vol. II. L'Allemagne et la Tchécoslovaquie (1937—1938). P., 1951.

Vol. III. L'Allemagne et la Guerre civile espagnole (1936—1939). P., 1952.

Vol. IV. Les suites de Munich (oct. 1938 — mars 1939). P., 1953.

Documents on British Foreign Policy 1919—1939.

Third Series

Vol. I (1938). L., 1949.

Vol. V (1939). L., 1952.

Vol. VII (1939). L., 1954.

Vol. VIII (1938—1939). L., 1955.

Vol. IX. (1939). L., 1955.

Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945

Serie D (1937—1945). Bd. I—IV. Baden-Baden, 1950—1951.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. Vol. I. General (1929—1939). Wash., 1948—1956.

Vol. II. Europe (1929—1939). Wash., 1948—1956.

Mnichov v documentech, t. I, II. Praha, 1958.

Parti communiste français

Parti communiste français. VIII-e Congrès National du Parti communiste français (Lyon Villenbanne, 22—25 janvier 1936). Compte rendu sténographique. P., 1936.

Parti communiste français. Deux ans d'activité du peuple. Rapport du Comité central pour le IX-e Congrès National du Parti communiste français. P., 1937.

Partie socialiste SFIO

XXXIV Congrès National tenu à Marseille les 10—13 juillet, 1937. Compte rendu sténographique. P., 1937.

Parti républicain et radical socialist

33-e Congrès... tenu à Biarritz les 22—25 oct. 1936.

34-e Congrès... tenu à Lille les 27—31 oct. 1937.

Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, vol. XIV, XV, XVI, XX, Nuremberg, 1948.

Léon Blum devant la Cour de Riom. P., 1945.

Le Procès de la collaboration Fernand de Brinon Compte rendu sténographique. P., 1948.

Le Procès Flandern devant la Haut Cour de Justice 22—26 juillet, 1946. P., 1946.

Le Procès Laval. Compte rendu sténographique. P., 1946.

Le Procès du Marchal Pétain. Compte rendu sténographique. T. I—II. P., 1945.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Народный фронт в 1936 году и проблемы внешней политики Франции	11
1. Программа Народного фронта и первые дипломатические шаги правительства Блюма	11
2. Германская угроза Франции и ее восточным союзникам	22
3. Англо-французская дружба в действии	27
4. «Невмешательство» в испанские события: его противоречивый характер и отрицательные последствия для Франции	40
2. Поиски французским правительством путей к сговору с фашистскими государствами	72
1. Советско-французское сотрудничество в 1936—1937 годах и причины его слабого развития	72
2. Переговоры французского правительства с Гитлером в целях достижения «согласия» и их провал	85
3. Визит И. Дельбоса в Восточную и Юго-Восточную Европу	104
4. Отношения Франции с США в 1936—1937 годах	114
3. Роль французской дипломатии в подготовке и осуществлении мюнхенского сговора	121
1. Развитие международных событий в начале 1938 года. Планы французской дипломатии	121
2. Ухудшение советско-французских отношений	125
3. Германо-австрийский кризис 1938 года; позиция французской дипломатии	130
4. Политика «невмешательства». Положение Испанской Республики в 1938 году	141
5. Сделка французской дипломатии с Гитлером за счет расчленения Чехословакии	145
6. Попытки Кэ д'Орсе извратить позицию СССР	182
7. Мюнхенская капитуляция	193

4. Французская дипломатия от Мюнхена до второй мировой войны	215
1. Развитие мюнхенского курса французской политики	215
2. Новое обострение франко-итальянской борьбы	234
3. Англо-французские гарантии Польше и Румынии	243
4. Роль французской дипломатии в срыве англо-франко-советских переговоров 1939 года	251
Заключение	271
Библиография	275

Сергей Авксентьевич Стегарь

**ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ
ПЕРЕД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ**

Редактор Г. М. КРЫЛОВА
 Оформление художника А. С. ДЗУЦЕВА
 Художественный редактор В. В. СУРКОВ
 Технический редактор Т. С. ОРЕШКОВА
 Корректор Е. В. АРХИПОВА

ИБ № 465

Сдано в набор 21.09.79. Подписано в печать 15.02.80. А 00767. Формат 84×108^{1/32}.
 Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,70.
 Уч.-изд. л. 15,82. Тираж 9000 экз. Зак. № 677. Цена 1 р. 50 к. Изд. № 110—И/78.
 Издательство «Международные отношения». 107053, Москва, Б-53, Садовая
 Спасская, 20. Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Госу-
 дарственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
 торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

